

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 2 том - «Путь в Версаль»
Перевод: фр. Ю. Хлебников
Издательство: СП «Творч. об-ние «Старт», 1991г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- Глава 1.
- Глава 2.
- Глава 3.
- Глава 4.
- Глава 5.
- Глава 6.
- Глава 7.
- Глава 8.
- Глава 9.
- Глава 10.
- Глава 11.
- Глава 12.
- Глава 13.
- Глава 14.
- Глава 15.
- Глава 16.

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- Глава 17.
- Глава 18.
- Глава 19.
- Глава 20.
- Глава 21.
- Глава 22.
- Глава 23.
- Глава 24.
- Глава 25.
- Глава 26.
- Глава 27.

- [Глава 28.](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.](#)
 - [Глава 29.](#)
 - [Глава 30.](#)
 - [Глава 31.](#)
 - [Глава 32.](#)
 - [Глава 33.](#)
 - [Глава 34.](#)
 - [Глава 35.](#)
 - [Глава 36.](#)
 - [Глава 37.](#)
 - [Глава 38.](#)
 - [Глава 39.](#)
 - [Глава 40.](#)
 - [Глава 41.](#)
 - [Глава 42.](#)
 - [Глава 43.](#)
 - [Глава 44.](#)
 - [Глава 45.](#)
 - [Глава 46.](#)
 - [Глава 47.](#)
 - [Глава 48.](#)
-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ДВОР ЧУДЕС

Глава 1.

Драка нищих на кладбище Святых Мучеников

Анжелика рассматривала через окно лицо монаха Беше.

Темной, безлунной ночью она одиноко стояла у таверны «Зеленая решетка», не замечая, что тающий снег капает с крыши ей на плечи. Сквозь мутное оконное стекло было ясно видно белое лицо монаха и оловянный кувшин на столе, из которого Беше изредка отхлебывал, неподвижно глядя перед собой. Завсегдатаи «Зеленой решетки» — монахи и церковные служители приходили сюда, чтобы выпить, поиграть в шахматы или кости.

Молодая женщина, несмотря на холод, была одета в платье из грубой бумазеи, льняной чепец покрывал волосы. Но как только открывалась дверь таверны и луч света освещал ее, — можно было различить овал тонкого и очень бледного лица, красота и благородство которого выдавали знатную даму.

Совсем недавно она была одной из самых блистательных дам роскошного двора молодого короля Людовика XIV, танцевала там в золотом платье, окруженная огненными взглядами придворных, замороженных ее необычайной красотой.

Это была Анжелика де Сансе де Монтелю. В семнадцать лет родители выдали ее замуж за знатного тулузского сеньора, графа Жофрея де Пейрака. Какие ужасные, непредвиденные пути судьбы привели ее к таверне?

В тот сырой и холодный вечер стояла она под окном таверны и наблюдала за ненавистным ей человеком. Глядя на мрачное лицо монаха Беше, Анжелика проживала заново жестокие страдания последних месяцев. Ей снова виделся ее муж, граф Жофрей де Пейрак, странный обаятельный человек, который за ум и свою неуклюжую ногу был прозван «Великим Хромым из Лангедока». Он был великим ученым и большим артистом. Обладал незаурядным умом и быстро завоевывал симпатии и любовь окружающих. Его молодая жена, вначале дикая и неприступная, вскоре стала женщиной, страстно любящей его. Но сказочное богатство графа де Пейрака вызывало

зависть. Он стал жертвой заговора, в котором сам король, испугавшись своего могущественного вассала, играл не последнюю роль.

Обвиненный в колдовстве, после заключения в Бастилии, граф предстал перед несправедливым судом и был приговорен к сожжению на костре. Анжелика видела, как монах Беше сжег на Гревской площади ее любимого. Перед глазами стояли кровавые отблески пламени догорающего костра, прозрачные в лучах восходящего зимнего солнца. Потом наступило оцепенение, мрак и отчаяние. Она осталась одна, отвергнутая всеми, обреченная со своими маленькими сыновьями на голодную смерть. Крошечные дорогие личики Флоримона и Кантора всплывали в ее памяти. Временами она переставала следить через окно за монахом, и голова ее устало склонялась. Плакал ли в тот момент Флоримон, звал ли он ее, бедный ангелочек? У него не было больше ни матери, ни отца. Анжелика оставила детей у своей сестры Ортанс, несмотря на ее протесты...

Анжелика долго бродила по заснеженному Парижу, кишевшему бандитскими притонами, преступниками и убийцами. Случай привел ее к таверне «Зеленая решетка», куда только что пришел Беше, чтобы за чаркой вина забыть пламя костра, зажженного им на Гревской площади.

Внезапно Анжелика очнулась от воспоминаний. Нет! Она еще не была окончательно побеждена, ей оставалось теперь единственное — месть. Монах Беше должен умереть! Анжелика не содрогнулась от ужасной мысли.

Она совершенно точно знала, почему он должен умереть. Она видела в нем все то, что погубило Жофрея де Пейрака, презиравшего людскую глупость, прогнившую средневековую софистику, против которой он безуспешно боролся, защищая прогрессивные науки. И вот, ограниченный и бездарный монах, заблудившийся во мраке схоластики, именно он восторжествовал. А Жофрей де Пейрак умер. Но перед смертью он крикнул монаху, стоявшему на церковной паперти:

— Через месяц, Беше, ты предстанешь пред Судом Божьим!

И вот месяц на исходе...

— Почему ты стоишь здесь ночью одна? И разве у тебя нет денег, чтобы войти?

Анжелика повернулась, но никого не увидела. Внезапно свет луны, просочившийся медью сквозь облака, осветил коренастую фигуру карлика у ее ног. Карлик поднял два скрещенных пальца, и она вспомнила, как однажды ее слуга показал ей такой же знак и объяснил:

— Мадам, если вы вот так скрестите пальцы, мои друзья скажут: «Да, она наша!»

Машинально она повторила знак Куасси-Ба. Улыбка озарила лицо карлика.

— Да, ты действительно наша, хотя поначалу я сомневался, — сказал он, продолжая улыбаться. — Ты в банде Родогона-Цыгана, беззубого Жака или Ворона?

Не отвечая, Анжелика продолжала смотреть в окно на монаха. Карлик запрыгнул на подоконник. Свет из окна осветил его большую голову в грязной фетровой шляпе. У него были пухленькие ручки и короткие, как у ребенка, ножки, обутые в башмаки из мешковины.

— Где клиент, на которого ты так пристально смотришь? Тот, что сидит в углу? Ты считаешь, что этот мешок с костями прилично заплатит за твой труд?

Анжелика глубоко вздохнула.

— Я должна убить человека, который сидит в таверне, — просто сказала она.

Карлик проворно обнял ее за талию:

— Но у тебя нет даже ножа. Как же ты собираешься его убить? Молодая женщина внимательно посмотрела на своего собеседника, вспрыгнувшего на подоконник, как крыса, — одно из отвратительнейших существ ночного Парижа, которые выползают на улицы, по мере того как сгущаются вечерние сумерки.

— Пойдем со мной, маркиза, — неожиданно предложил карлик, спрыгивая на землю. — Я иду на кладбище Святых Мучеников. Там ты договоришься с моими друзьями, и они быстро помогут тебе укокошить монаха!..

Без промедления Анжелика последовала за ним. Карлик шел впереди, переваливаясь с боку на бок.

— Меня зовут Баркароль, — представился он, — очень красивое имя, такое же красивое, как и я сам, верно? Ха-ха-ха! — Из его глотки вырвался звук подобный раскатистому улюлюканью. Затем он слепил комок грязного снега и запустил им в окно ближайшего дома. —

Бежим быстрее, красотка, а то сейчас нам на голову выльют ночной горшок за то, что мы мешаем спать всяким проклятым буржуа!

Пока он говорил, ставня действительно заскрипела, и Анжелика едва не оказалась под вонючим душем. Опустив голову, она продолжала идти. Ее ноги погружались в грязь, одежда промокла, но она не чувствовала холода. Вдруг ее внимание привлек легкий свист. Из сточной канавы внезапно выпрыгнул Баркароль.

— Извините меня, маркиза, за то, что ушел не попрощавшись. Я ходил за своим другом, Жанином Деревянным Задом, — сказал карлик, тяжело переводя дух.

Позади него появился второй силуэт. Им оказался человек с половиной туловища. Он сидел в большой деревянной чаше, держа в узловатых руках две опоры из дерева, с помощью которых он передвигался по мостовой. Чудовище испытующе смотрело на Анжелику. Его звериное лицо было покрыто гнойными прыщами, редкие волосы тщательно прилизаны на блестящем черепе. Единственной одеждой был голубой обрезанный плащ с золотыми пуговицами, должно быть до этого принадлежавший какому-то офицеру.

Пристально посмотрев на незнакомку, он откашлялся и плюнул в нее. Анжелика опешила. Подобрав горсть снега утерлась. Она не знала, что таков был обычай в воровском мире.

— Хорошо, — успокоился Жанин. — Она отдает себе отчет, с кем говорит?

— С кем говорит? — переспросил карлик. — А по-моему, важнее, как говорить! — и разразился своим улюлюкающим смехом. — У-у, какой я умный!

— Подай мне шляпу! — приказал Жанин.

Он надел шляпу, утыканную перьями, потом взял в руки деревянные колодки, и они двинулись в путь.

— Что она хочет? — спросил он через некоторое время у карлика.

— Она хочет, чтобы ей помогли убить какого-то монаха.

— Можно... В какой она банде?

— Не знаю, — ответил Баркароль.

По мере того как они продвигались по улице, к ним присоединялись другие призрачные силуэты. Сначала слышались посвисты, доносившиеся из темных углов, подвалов и дворов. Потом

внезапно появлялись нищие с длинными бородами, старухи, похожие на бесформенные груды лохмотьев. Среди этих бездомных бродяг были и горбуны, и хромые, и слепые. У каждого за спиной висела сумка. Анжелика с трудом понимала их язык, перемешанный своеобразными словечками. В одном из переулков их остановила группа усатых верзил. Сначала Анжелике показалось, что перед ней солдаты городской охраны, но потом по разговору она сообразила, что это переодетые бандиты. От их пристальных волчьих взглядов Анжелику бросило в дрожь.

— Ты боишься, красотка? — спросил один из них, обнимая ее за талию.

— Нет.

Анжелика, отбросила наглую руку, но так как бандит настаивал, она залепила ему пощечину, прозвучавшую как гром среди ясного неба.

«Что со мною будет?» — подумала она, но страха не почувствовала. Ненависть и возмущение, давно копившиеся в ее душе, вылились в дикое желание кусаться и царапаться. Но ничего не произошло.

Ее недавний знакомый, Деревянный Зад, быстро установил порядок. Человек-колода обладал загробным голосом, и когда он начинал говорить, окружающих бросало в дрожь и все замолкало. Его слова утомили начинающуюся потасовку. Бросив взгляд на бандита, Анжелика увидела, что его лицо покрыто царапинами и он то и дело утирает кровь рукой. Приятели гоготали:

— Здорово тебя отделала шлюха!

Анжелика почувствовала, что тоже смеется и поразились своему смеху. Первое ее знакомство с воровским миром состоялось. Было не так мерзко находиться в окружающем ее аду. А что касается страха, то такого чувства для нее просто не существовало. Добропорядочные горожане дрожали, когда нами проходили толпы нищих, направлявшихся на кладбище Святых Мучеников, чтобы посмотреть на своего принца. Великого Коэсра, и заплатить ему дань.

— В какой она банде? — спросил кто-то.

— Она наша! — прорычал Жанин. — И пусть знает каждый! Так говорю я, Деревянный Зад!

Его пропустили вперед, и он двинулся во главе странной процессии. Никто не пытался опередить его. Когда улочка поднималась вверх, два его телохранителя поспешно хватались за платформу, на которой он восседал, и несли его дальше на руках.

Из сточных канав разносился затхлый запах гниения протухшего мяса и овощей. Здесь был район многочисленных рынков, и их ароматы смешивались с запахами гниющей плоти. Вблизи находилось знаменитое кладбище Святых Мучеников.

Анжелика никогда не бывала на этом кладбище. Несмотря на нестерпимое зловоние, оно было самым популярным в Париже местом свиданий. Там можно было встретить богатых буржуа, которые приходили в беседки, расположенные неподалеку от куполообразных построек, где помещались груды трупов. Было интересно смотреть на элегантных господ и их любовниц, прогуливавшихся от арки к арке, небрежно отбрасывая тростями головы мертвецов и рассыпанные повсюду кости, и не обращавших абсолютно никакого внимания на погребения и на похоронные процессии. Ночью кладбище служило притоном воров, бродягам и развратникам, приходившим сюда, чтобы выбрать спутницу для своих диких оргий.

Из главного входа вышел могильщик, одетый в черный сюртук, на котором были вышиты череп и скрещенные кости с серебряными слезками. Заметив группу нищих, он подошел к ним и проговорил:

— На улице Проспери умер человек, и хозяйка приглашает плакальщиц для погребения. После похорон каждой дадут по десять су и что-нибудь из одежды покойного.

— О, мы с удовольствием пойдем туда! — закричало несколько беззубых старух.

Они хотели сразу же бежать туда, но Жанин, страшно ругаясь, остановил их.

— Черт бы вас побрал! — орал он. — Оставьте в стороне все мелкие дела! Вы забываете, подлые, что вас ждет Великий Коэср! Честное слово, добрые старые времена уходят безвозвратно...

Сконфуженные нищенки опустили головы и безмолвно проскользнули на кладбище. Могильщик удалился, звеня колокольчиком. В проулке он остановился и заунывно запел:

— Проснитесь те, кто спит, и помолитесь Богу за усопших!..

С расширенными от ужаса глазами Анжелика продвигалась среди незасыпанных могил, заваленных трупами. Здесь и там виднелись общие ямы, уже наполненные до половины мертвецами, лежавшими в разных позах. Одни с раскинутыми руками и ногами, другие сжатые в комок, а третьи — с руками, сложенными под головой, казалось, размечтались о чем-то в ожидании вновь прибывших. Несколько тяжелых надгробных плит говорили, что их хозяева были не из бедняков. Но, вообще, испокон веку здесь хоронили отверженных. Зажиточные парижане погребались на кладбище Святого Павла.

Полная луна осветила снежный покров на куполах церкви и крышах окружающих ее строений. Теперь Анжелика равнодушно дышала тошнотворным воздухом. Ей казалось, будто спит и видит фантастический кошмарный сон. Четыре галереи, отступающие от церкви, формировали ограду кладбища. Они были построены на развалинах средневекового монастыря. К ним примыкали лачуги с черепичными крышами и без дверей. Все они были заполнены останками трупов. Помещения смерти, переполненные зловещим содержимым, представляли взорам живых. Небывалые нагромождения скелетов и черепов, которые солнце высушивало, а время превращало в прах, носимый ветром по кладбищу, переполняли землю дьявольского места. Оно было похоже на адскую кухню... Возле могил виднелись кучи скелетов и головы мертвецов, уложенные в штабеля. Завтра могильщики привычно снесут их в лачуги. Так повторялось уже многие десятки лет.

— Что же это такое? — с ужасом вымолвила Анжелика, для которой окружающее казалось абсолютно нереальным.

Взобравшись на могильный холм, карлик с удивлением посмотрел на нее и спросил:

— Ты что, с неба свалилась? Разве ты никогда не видела нашего кладбища?

Анжелика подошла и села рядом с ним. С момента, когда она расцарапала лицо бандиту, ее оставили в покое, а если кто-то подозрительно косился на нее, то сразу же раздавался голос Жанина, устранявший всякое недоверие:

— Все в порядке, братцы. Она наша!

Постепенно кладбище заполнилось страшной толпой оборванцев. Вид мертвецов заставлял Анжелику ужасаться и затаивать дыхание. А

карлик, напротив, чувствовал себя как дома.

Кивнув на мертвых, он проворчал:

— Они теперь ничего не боятся. Наш мир так прекрасен, что никогда не знаешь, откуда к тебе придет смерть.

Анжелика медленно повернулась к нему.

— Да ты просто поэт! — сказала она.

— Нет, это сочинил не я, а мой приятель, Клод ле Пти, знаменитый памфлетист с Нового моста. Он знает все обо всех, его боятся во дворцах и салонах, он против богачей и всегда заступает за бедных и нищих. Он — сама справедливость!

Внезапно раздались крики, и толпа расступилась, пропуская странное шествие. Во главе его находился очень длинный худой человек, босые ноги которого месили грязный снег. Седые волосы свисали на плечи. Мрачные сине-зеленые глаза прятались на морщинах лица, десны кровоточили. Он нес длинную палку, на конце которой болталось тело дохлой собаки. Рядом семенил маленький толстяк, размахивая метлой. За ними двигался шарманщик, он крутил ручку своего инструмента, издававшего непонятные звуки. Соломенная шляпа на его голове была натянута на самые плечи. И сквозь проделанные в ней дырочки поблескивали хитрые глаза. За шарманщиком следовал мальчик. Он размеренными ударами бил по дну медного таза.

— Хочешь, я назову наших знаменитых джентльменов? — спросил карлик и, подмигнув, добавил: — Ты знаешь тайный знак, но я вижу, ты не из наших... Те, что идут впереди — большой и малый евнухи. Большой евнух уже много лет находится на грани смерти. Но он никогда не умрет. Маленький евнух стережет жен Великого Коэсра. Позади старый шарманщик и его паж Дино. А потом идет гарем Великого Коэсра...

Анжелика с интересом рассматривала жен короля тюнов. Из-под грязных чепцов женщин сверкали наглые, решительные и в то же время томные глаза отпетых проституток. Некоторые, еще не сильно потасканные, заносчиво поглядывали вокруг. Первая из них, подросток, почти ребенок, сохранила еще некоторую свежесть. Несмотря на холод, платье спереди было разорвано, и она с гордостью выставляла на показ свои молодые, едва оформившиеся груди.

Затем шли факелonosцы и мушкетеры, вооруженные ржавыми шпагами. За ними тянулась кавалькада нищих со всех концов Парижа.

Вдруг раздался лязгающий звук, и появилась тяжелая тележка, которую толкал великан с выпяченной нижней губой. Это был Баватон, шут и телохранитель Великого Коэсра. Шествие завершал старик с длинной белой бородой, одетый в черный сюртук, с карманами, набитыми пергаментными свитками. На его поясе болтались хлыст, рог с чернилами и пенал с гусиными перьями.

— Ро ле-Барон, главный сборщик податей Великого Коэсра. Он же ведает законами королевства Тюнов, — пояснил карлик.

— А где же сам Великий Коэср?

— В тележке.

— В тележке? — повторила крайне удивленная Анжелика и наклонилась вперед, чтобы лучше рассмотреть происходящее перед ней.

Тележка остановилась возле кафедры, стоявшей в центре кладбища. Баватон вынул что-то из тележки, потом уселся прямо на кафедру и усадил это себе на колени.

— Боже мой! — воскликнула пораженная Анжелика, увидевшая наконец Великого Коэсра.

Перед ней оказалось чудовище с мощной грудью, толстым животом и маленькими, как у двухлетнего ребенка, ножками. Его громадная голова была покрыта черными спутанными волосами. Грязная повязка закрывала половину лица, усеянного страшными нарывами. Темные глаза дико светились из-под нависших лохматых бровей.

— Хе-хе-хе! — засмеялся карлик. Удивление Анжелики доставило ему большое удовольствие. — Скоро ты узнаешь, моя дорогая, что у нас маленькие господствуют над большими. Знаешь, кто станет Великим Коэсром, когда принц сыграет в ящик? — И он прошептал ей в ухо: — Им будет Жанин Деревянный Зад. Таков закон природы. Нужно кое-что иметь в голове, чтобы править в нашем королевстве. А ведь обычно бывает так у кого длинные ноги, тот всегда обладает куриным умом... Ну, а ты что скажешь, Легкая Нога?

Человек, которого карлик назвал Легкой Ногой, только что сел на край насыпи, положив руку на грудь, будто у него болело сердце. Со вздохом он ответил:

— Ты прав, Баркароль. Лучше иметь голову, чем ноги. Потому что, если ноги откажут, у тебя не останется больше ничего.

Анжелика глянула на длинные мускулистые йоги молодого человека. Тот грустно улыбнулся:

— Да, у меня сильные ноги, но, к сожалению, я с трудом их передвигаю. Однажды я пробежал две версты, мое сердце ослабло, и с тех пор я еле хожу.

— У! — засмеялся карлик. — Как забавно!

— Заткнись, Барко! — раздался грубый голос, — Ты надоел нам своей болтовней!.. Сильная волосатая рука схватила карлика за плащ и, как котенка, сбросила на груды скелетов. — Тебе уже осточертел этот ублюдок, не так ли, красотка?

Незнакомец наклонился к Анжелике. Она плохо различала его лицо, спрятанное в тени широкополой фетровой шляпе, хотя можно было заметить большие глаза, красивый рот и мужественный подбородок.

Он был молод и полон сил. Его рука лежала на рукоятке длинного ножа.

— В какой ты банде? — хрипло спросил он с неуловимым чужеземным акцентом.

Она не ответила, продолжая следить за происходящим вокруг. Там, где восседал Великий Коэср, установили медный таз, и нищие, двигаясь друг за другом, бросали в него налог, требуемый принцем. Каждый платил подать в зависимости от своей профессии. Карлик снова приблизился, негромко объясняя события.

С момента образования Парижа в королевстве Тюнов существовала целая такса налогов. Все нищие и бродяги делились на касты. Одни, прилично одетые, рассказывали горожанам басни, будто их обворовали бандиты с большой дороги. Другие делали вид, что они очень больны, А третьи говорили, что перешли в новую веру. Каждый выдуривал деньги по-своему. Кто был покрепче — занимался грабежом, сироты и калеки просили милостыню.

Все банды уважали Великого Коэсра, так как он поддерживал порядок среди соперников. Сольди, экю и даже золотые монеты падали в медный таз. Незнакомец не спускал глаз с Анжелики. Он положил руку ей на плечо и властно сказал:

— Меня зовут Родогон-Цыган. В Париже у меня четыре тысячи людей. Все цыганки, гадалки и прорицательницы платят мне налог. Ты хочешь стать моей маркизой?

Анжелика не ответила. Луна осветила колокольню. Перед кафедрой проходили вереницы мнимых калек, с наступлением вечера сбросивших свои повязки. По двадцати раз на день умирали они на улицах, перевязывали себе руки, делая вид, что те сломаны, прибегали ко всяким уловкам, чтобы выманить у простодушных горожан несколько монет. А затем, в определенный день, приносили свою дань на кладбище и жертвовали ее маленькому чудовищу, управлявшему ими.

Родогон-Цыган продолжал держать руку на плече Анжелики. Та не противилась — рука была теплая и сильная, а она так продрогла! Анжелика взглянула на него и поняла, что его лицо не вызывает у нее недоверия.

— Так хочешь ли ты быть моей маркизой?

— Не откажусь. А ты pomoжешь мне убить одного человека?

Бандит откинул назад голову и, блестя глазами, беззвучно засмеялся:

— Двух, трех, десять человек, если ты хочешь. По рукам, я согласен!

Но Анжелика спрятала руку за спину и улыбаясь, покачала головой.

— Нет еще, — игриво сказала она.

— Ты упряма, но я тебя хочу, и ты будешь моей! — он выругался и отошел от нее.

Анжелика не могла припомнить, от кого она уже слышала такие же злые и жестокие слова.

Колонна нищих подходила к концу. Теперь шли самые грязные бродяги и отъявленные убийцы. Они грабили, раздевали и убивали по заказу — подонки, для которых убийство было обыденным ремеслом.

Но на кладбище пришли не все. Кладбище не могло вместить всех бродяг из чрева Парижа.

Вдруг главный сборщик налогов, окруженный несколькими телохранителями, двинулся к могиле, на которой сидела Анжелика. По его виду она поняла, что он идет к ней.

— Король Тюнов спрашивает, кто эта женщина?

Родогон обнял Анжелику за талию и тихо прошептал ей на ухо:
— Не двигайся, я сейчас все улажу!

Он направился к кафедре, ведя ее за собой и бросая вокруг подозрительные взгляды, как бы опасаясь, что кто-нибудь вырвет из его рук добычу. Сапоги Родогона были из добротной кожи, а плащ из хорошего сукна. Шляпа на голове выглядела новой. По облику этого человека было понятно, что он привык к дракам и насилию. Она уже испытала на себе силу его воли. Анжелика была беззащитна и не могла обходиться без сильного хозяина.

Подойдя к Великому Коэсру, Родогон расправил плечи, плюнул вперед и произнес:

— Я, Родогон-Цыган, беру ее в маркизы. — Он достал из-за пазухи большой кошелек и демонстративно бросил его в медный таз.

— Нет! — возразил спокойный голос.

Родогон резко обернулся:

— А, это ты, Каламбретен?!

В нескольких шагах от них стоял коренастый человек, одетый в лохмотья. Он казался шире Родогона в плечах, у него были мускулистые руки и волосатая грудь. Он стоял, расставив ноги, заложив руки за широкий кожаный пояс, и дерзко глядел на Родогона. Его атлетическое тело было намного моложе лица, изрытого шрамами. Со лба свисали грязные волосы, а единственный глаз сверкал ненавистью. Второй глаз был перевязан черной тряпкой.

За спиной соперника луна освещала снег и груды скелетов.

— О, господи! Какое ужасное место! — пробормотала Анжелика, прячась за спину Родогона.

— Подонок, собака, ублюдок! Это плохо для тебя кончится! Я выпущу твои кишки на мостовую!..

— Заткнись! — прорычал Каламбретен.

Он плюнул в сторону Великого Коэсра — таков был обычай — и кинул кошелек, гораздо больший кошелек Родогона.

Принц, сидевший на коленях идиота, жутко захохотал.

— У меня появилось чертовское желание пустить красотку с аукциона, — воскликнул он. — Поставьте ее, чтобы все могли видеть товар лицом. Сейчас она принадлежит Каламбретену. А ты что скажешь, Родогон?

Бродяги взвыли от восторга, грязные волосатые руки потянулись к Анжелике. Но Родогон оттолкнул ее и выхватил свой знаменитый нож, сверкнувший в свете луны.

Каламбретен подхватил что-то с земли и с силой швырнул в своего противника. Анжелика увидела, что снарядом оказалась голова мертвеца.

Каламбретен схватил Родогона за пояс, и оба бандита покатались по снегу. Начало драки послужило сигналом к всеобщей потасовке. Представители пяти соперничающих банд с криками кинулись друг на друга. Одни выхватили шпаги, другие — ножи, кровь полилась ручьем. Анжелика хотела убежать, но чьи-то сильные руки схватили ее и поставили перед кафедрой. Окруженный охраной Великий Коэрс смотрел на побоище, покручивая усы. Сборщик налогов прижал к себе таз с деньгами, а шарманщик принялся терзать свой инструмент. Нищенки били, царапали и кусали своих противниц. Анжелика заметила одноногого старика — он колотил Жанина костью по голове. Но неожиданно его проткнули рапирой, и он рухнул замертво. Карлик и жены Великого Коэра забрались на крышу над кафедрой и оттуда бросали головы мертвецов в воющую и визжащую толпу.

От жутких воплей у людей в ближайших домах волосы вставали дыбом, и они молили Святую Марию защитить их.

Луна медленно уходила за горизонт. Родогон-Цыган и Каламбретен продолжали биться с яростью бешеных собак. Удары следовали один за другим, но соперники оказались равными по силе и ловкости.

Внезапно раздался крик и Цыган исчез словно по мановению волшебной палочки. Паника охватила толпу дерущихся. И только через несколько мгновений все услышали голос Родогона: оказалось, что сильный удар Каламбретена опрокинул его в глубокую яму, наполненную трупами. Сейчас он пришел в себя и умолял, чтобы его вытащили оттуда. Адский хохот потряс толпу.

Неожиданно зазвонили колокола, объявляя заутреню. Бесовская толпа стала редеть. Совы и дьяволы боятся света. Ночные демоны покидали кладбище Святых Мучеников.

Глава 2.

Анжелика попадает в банду Каламбредена. Смерть монаха Беше

В предрассветных сумерках Каламбреден притянул к себе Анжелику и, победно улыбаясь, смотрел на нее.

— Она твоя! — прохрипел Великий Коэср.

Анжелика вырвалась и бросилась к решетке кладбища, но ее схватили. Сначала она пыталась отбиваться, потом затихла, потеряв сознание.

Очнувшись, Анжелика увидела, что лежит на убогом ложе, заваленной вещами. Тут были шубы и пальто разных расцветок, плащи и сюртуки с позолоченными пуговицами, принадлежавшие когда-то знатным сеньорам, одежда торговцев и буржуа.

— Ничего не бойся, ты в моем дворце, — иронически произнес Каламбреден.

Он сидел на скамье перед Анжеликой, сложив на коленях тяжелые руки. Неподалеку стояла свеча в серебряном подсвечнике, ее огонек тускло поблескивал в свете начинающегося дня.

— Не бойся! — повторил Каламбреден. Анжелика смотрела на него рассеянным взором. Ее поразил акцент Каламбредена. Он наверняка был из той же местности, где она родилась и выросла. Она прекрасно понимала его речь.

Вдруг Каламбреден поднес руку к лицу и быстрым движением сорвал повязку с глаза, грязную фетровую шляпу и облезлый парик. Теперь перед ней сидел молодой человек с жесткими чертами лица, квадратным подбородком. Черные волосы падали на широкий лоб, темные глаза игриво блестели из-под густых длинных ресниц.

Анжелика не смогла удержать крик, вырвавшийся из уст:

— Никола!.. Никола!..

Озорная улыбка озарила молодое лицо Каламбредена:

— Да. Я очень рад, что ты меня узнала!

Переведя взгляд, она увидела на постели парик, шляпу и черную повязку. Превращение Никола было равносильно чуду.

— И тебя теперь зовут Каламбреденом?

— Да. Именно я — знаменитый предводитель карманников с Нового моста. Много воды утекло с тех пор, как мы с тобой виделись в последний раз.

Анжелика изумленно смотрела на него, продолжая оставаться на своем ложе. Через оконную решетку в помещение проникал легкий туман, и все происходящее казалось ей нереальным.

Николя, не сводя с нее глаз, принялся ходить по комнате.

— Да, — ворчал он. — В лесах хорошо, только когда тепло. Сначала я торговал солью, а потом в лесу Меркер повстречался с бандой каторжников, беглых крестьян и всякого сброда. Банда была хорошо организована, и я решил примкнуть к ней. Мы грабили торговцев и знатных сеньоров на дороге из Парижа в Нант. Но быть лесными разбойниками хорошо только летом. Когда приходит зима, следует перебираться в город. Мы долго удирали от солдат, преследовавших нас. Пойманным опаливали брови и волосы и отправляли в Главный госпиталь или в тюрьму Шателе. Я познал нищету, прошел огонь и воду, спал в погребах, в сточных ямах, на чердаках или в перевернутых лодках. И вот однажды ночью мы, как ночные призраки, на грузовых шаландах приплыли в Париж...

— Как ты мог пасть так низко, Николя?

Он резко наклонился к ней и, красный от злости, брызжа слюной, прокричал:

— А ты сама?

Анжелика посмотрела на свое разорванное платье. Ее грязные, непричесанные волосы были связаны в пучок под чепцом неопределенного цвета. Чепец она носила, как носят его в деревнях простые крестьянки.

— Не по своей вине докатилась я до такого положения, — грустно заметила она.

Глаза Николя налились кровью:

— Ничто не может иметь значения, ты слышишь меня, шлюха?

Анжелика с жалостью взглянула на него. Да, это был он, но она помнила его другим. Она видела Николя в том далеком детстве, которое уже ушло безвозвратно. Он стоял на камнях в лучах солнца и протягивал к ней грубую ладонь, полную дикой малины. Она даже помнила выражение его лица, когда он говорил: «Я хочу сказать тебе, Анжелика, что только ты одна существуешь в моей жизни. Я буду

всегда любить тебя, без тебя я буду чувствовать себя одиноким во всем мире, твое место только рядом со мной...»

Сейчас она не могла бы оказать, любила ли она его тогда. А теперь перед ней стоял главарь самой большой банды в Париже, для которого убийства и грабежи стали обычным делом. Он бросил ремесло пастуха и стал разбойником. По иронии судьбы она оказалась рядом с ним.

Внезапно Анжелика привстала и, бесстрашно поглядев в бешеные глаза Николая, сказала:

— Я запрещаю тебе так оскорблять меня. Я не спала с тобой, и ты не имеешь права называть меня шлюхой. А теперь дай поесть. Я у тебя в гостях и чертовски хочу есть!

Николя опешил.

— Подожди немного, — растерянно пробормотал он, — я сейчас распоряжусь...

Схватив палку, он ударил по металлическому тазу, висевшему на стене. На лестнице послышался топот бегущих ног, и в дверях выросла фигура мужчины.

— Жоктанс, — представил его Николая. — Он один из моих людей, виртуоз в своем деле. Пока он у меня здесь за повара. А когда горожане забудут историю, случившуюся на рынке, мы снова наденем на него парик, загримируем и опять пустим в дело. И берегитесь тогда, проклятые толстосумы!!! Ну что у тебя на кухне, лентяй?

— Свиные ножки с капустой, шеф.

— Сам ты свинья! — рявкнул Николая. — Есть у тебя что-нибудь посолиднее для дамы?

— Не знаю, шеф...

— Я согласна на свиные ножки, — ответила Анжелика, ибо запах пищи сводил с ума.

Поразительно, но она всегда испытывала сильный голод в самые драматические моменты своей жизни. Чем безысходней становилась ситуация, тем больше она хотела есть.

Через несколько минут Жоктанс принес огромное деревянное блюдо. Когда он поставил его перед Анжеликой, в дверях появился Баркароль. Он снял шляпу и отвесил ей поклон. Анжелика ласково улыбнулась ему.

— Я вижу, что ты доволен моей находкой, — подмигнул он Каламбреду. — Но только что на это скажет ля-Поляк?

— Заткнись! — процедил Никола. — Как ты смеешь так разговаривать со мной здесь?

— По праву твоего преданного Друга, заслужившего награду, — весело парировал карлик. — Не забывай, что именно я привел красотку, которую ты искал по всему Парижу.

— Но как ты додумался привести ее на кладбище, да еще в такой день?

— Я хотел, чтобы ты ее заслужил. Что за вожак, не проливший крови за свою маркизу? Кстати, не забудь, что ты еще не заплатил за приданое. Не так ли, красотка?

Но Анжелика не слышала их разговора, она жадно набросилась на пищу. Карлик, как замороженный, смотрел на нее во все глаза.

— Неужели она такая жадная и в постели? — продолжил он, потирая ручки. — Кстати, вся прелесть ножек заключается в том, что в них имеются такие маленькие-маленькие косточки. Какое наслаждение испытываешь, когда сосешь их! Я бы оставлял только те сладкие косточки, а остальное сразу выбрасывал на помойку. Ха-ха-ха!..

— Почему ты говоришь, что я еще не заплатил за приданое? — спросил Каламбреден.

— Ты же еще не убил того типа, как хотела маркиза, того проклятого монаха с косыми глазами, — проговорил карлик.

Николя резко повернулся к Анжелике:

— Правда, крошка?

— Да, правда, — подтвердила она. — Кровь должна оросить свободу нищих, и пусть это будет кровь проклятого монаха.

Карлик засмеялся и вышел из комнаты. Каламбреден захлопнул дверь ударом ноги.

— Правда, что ты искал меня по всему Парижу? — спросила вдруг Анжелика.

— Да. Я сразу узнал тебя. Я знаю обо всех новоприбывших, и даже знаю количество их драгоценностей и как их отобрать.

— Почему ты улыбаешься?

— Я знаю, что ты будешь моей.

Анжелика холодно взглянула, пожала плечами и зевнула. Теперь она не боялась Никола, как боялась Каламбредена. Она уже умела

управлять им. Чтобы не бояться мужчины, нужно знать его ребенком.

Анжелику клонило ко сну, и она тихо спросила:

— А почему ты убежал из Монтелю?

— Почему? — повторил Николая. — А ты думаешь, мне очень хотелось, чтобы старый Гийом проткнул меня своей пикой? Я покинул Монтелю во время твоей свадьбы. Неужели ты все забыла?

Да, она все забыла.

Ее веки слипались, и воспоминания с новой силой нахлынули на нее. Анжелика вспомнила запах вина и соломы. И тяжесть мускулистого тела Николая.

— Я знаю, — произнес Николая, — что ты ни разу и не вспоминала обо мне все эти годы.

— Конечно, — спокойно ответила Анжелика, — у меня были другие дела, и я не вспоминала какого-то пастуха.

— Остерегайся таких слов! — прокричал он вне себя. — Вывший пастух сейчас твой хозяин! Теперь ты принадлежишь мне!..

Он кричал еще что-то, но Анжелика уже спала и только где-то далеко-далеко слышала знакомый голос. Потом и он стих.

— Да, — произнес Николая вполголоса, — совсем вот так же, давным-давно ты заснула на лужайке в разгар одной из наших драк. Ну что же, спи, мой ангел. И все-таки ты моя... Тебе не холодно? Может быть, тебя укрыть?

Веками она сделала ему подтверждающий знак. Николая взял какое-то пальто из теплой материи и бережно прикрыл ее, потом нежно коснулся рукой ее лба.

Комната, в которой очутилась Анжелика, была очень необычной: сложенная из громадных камней, как в старину строили башни замков, круглой формы, сумрачная, свет едва проникал сквозь решетчатое окошко. Ее наполняли самые различные предметы — начиная с красивых зеркал, — в оправках из красного дерева, инкрустированных слоновой костью, кончая старым металлическим хламом, среди которого было много оружия.

Анжелика встала, потянулась и взяла одно из зеркал. На нее взглянула незнакомая женщина с глазами дикой кошки, схватившей добычу. В свете заходящего дня она разглядела свои грязные, всклокоченные волосы и в страхе бросила зеркало на пол. Неужели эта страшная женщина — она сама? Что случилось с ней? Почему вокруг

так много вещей? Шпаги, кастрюли, веера, перчатки, украшения, трости и десяток пальто, аккуратно сложенных на кровати, где она слала. Единственно мебелью круглой комнаты оказался шифоньер из спальни богатого вельможи.

Случайно коснувшись пояса, Анжелика ощутила какой-то твердый предмет и вытащила длинный нож. Где же она могла его видеть? словно кошмарное сновидение, она вспомнила блики луны, блуждавшие по головам мертвецов, и этот нож в руке темнокожего человека. Потом нож упал на землю, и Анжелика машинально подобрала его, пока два бандита свирепо бились между собой. Вот как знаменитое оружие Родогона-Цыгана оказалось у нее. Быстрым движением она снова спрятала его под корсаж юбки.

— Николя, где ты? — тихо позвала Анжелика и подбежала к окну, в проеме которого виднелась Сена с плывущими баржами.

На другой стороне реки, в тумане бесформенной громадой возвышался Лувр. Видение из прошлой жизни словно отрезвило Анжелику: где же Николя? Она кинулась к двери, но та была заперта. Анжелика заколотила в дверь:

— Николя! Николя! Где ты?

Ключ два раза повернулся, и на пороге появился человек с красным носом.

— Чего ты орешь как бешеная, маркиза? — громко спросил Жоктанс.

— Почему заперта дверь? Где Николя?

— Я не знаю. Пойдем, я познакомлю тебя с приятелями, они немного развеселят тебя.

На крутой лестнице было темно и сыро. Внизу слышались ругань, крики вопли. Наконец Анжелика спустилась в высокий зал, заполненный людьми.

Первый, кого она увидела, был человек-колода, восседавший на большом столе в своем деревянном блюде. В глубине зала прямо на каменном полу горел огонь, возле которого грелся Легкая Нога. Рядом сидела толстая старая женщина. Другая, помоложе, пеленала полуголового ребенка. На разбросанной соломе лежали старики и старухи в лохмотьях, тут же ползали грязные сопливые дети. Несколько мужчин сидело за столом. Они пили вино и играли в карты.

Когда Анжелика вошла, взоры присутствующих одновременно устремились к ней.

— Проходи, не бойся, — сказал Жанин со стола. — Она — маркиза нашего хозяина.

— Эй вы, проходимцы, раздвиньтесь! — раздался позади голос Жоктанса. — А ну, уступите место нашей маркизе!

Один из бандитов, сидевших за столом, толкнул локтем своего соседа.

— А что, она красотка. Каламбреден сделал неплохой выбор! — усмехнулся он и, подойдя к Анжелике, потрепал ее за подбородок.

— Меня зовут Красавчик, — представился бандит.

— Все зависит от вкуса, — отозвалась Анжелика.

Веселый хохот раздался вокруг. Присутствующие нашли ее ответ очень остроумным.

— Ты не поняла, Анжелика, — Пояснил Жанин. — Красавчик — просто его кличка. — Жоктанс, налей ей вина. Черт бы меня побрал, но она мне нравится!

Жоктанс поставил перед ней большой фужер, заимствованный недавно бандой Каламбредена у одного маркиза.

— Твое здоровье, Анжелика, — прохрипел Жанин. — Красивое же у тебя имя! Ха-ха-ха! Раз ты маркиза нашего Каламбредена, значит, мы — твои ангелы. Твое здоровье, Маркиза Ангелов! Пей же, пей!

Но Анжелика не шевелилась, видя перекошенные лица и страшные физиономии, приблизившиеся к ней.

— Пей же! — прорычал Деревянный Зад замогильным голосом.

Она заносчиво посмотрела на безногое чудовище и ничего не ответила. Наступила угрожающая минута. Жанин глубоко вздохнул, окинув присутствующих удивленным взглядом.

— Она не хочет пить. Что с ней?

— Да, что с ней? — спрашивали все.

— Красавчик, — обратился Жанин к бандиту, который только что подходил к Анжелике. — Ты, как никто другой, знаешь женщин. Как ты думаешь, в чем тут дело?

Тот недоуменно пожал плечами:

— Наверное, она испугалась, когда вы устали на нее свои небритые звериные морды. Не бойся, детка, они не так уж злы, как кажется с непривычки. Они корчат ужасные рожи, чтобы казаться

страшными и пугать проклятых буржуа. Но тебя это не касается! Тебя мы все любим, ты наша маркиза, а мы — твои ангелы. Выпей немножко и успокойся. Ты находишься во Дворе Чудес.

Он поднес фужер к ее губам, и Анжелика выпила его залпом. Вино было доброе, и по всему телу разлилось ощущение теплоты. Анжелика выпила и второй предложенный ей фужер, а затем облокотилась на стол и принялась смотреть на играющих в карты.

Деревянный Зад следил за ней со своего пюпитера, как капитан с корабельного мостика. Может быть, его специально приставили к Анжелике, но она и не думала бежать. Да и куда бы она пошла? Все отказались от нее, и пути назад были отрезаны.

С наступлением вечера Двор Чудес постепенно наполнялся всяким сбродом из банды Каламбрена. Здесь было много женщин с детьми, кричащих и плачущих от холода. Жанин улыбнулся Анжелике:

— Не надо ходить в цирк, чтобы смотреть на фокусников и факиров. Здесь чудеса можно видеть каждый день. Может, как раз сейчас какая-нибудь знатная дама рассказывает своей подруге, как утром она видела нищенку с ребенком, покрытым язвами и нарывами. Но во Дворе Чудес быстро излечиваются! Требуется настоящее искусство, чтобы так загримировать ребенка. Сердце знатной дамы дрогнет, и она подаст бедняжке несколько монеток... А, ну вот и Крысолов! Ты можешь идти с ним, дело согласовано с Каламбреном.

Некто, кого Жанин назвал Крысоловом, оказался испанцем. Его худые руки и ноги виднелись сквозь дыры и прорехи в одежде. Но он с большим достоинством подошел к столу и выпил стакан вина. Затем вытащил из кармана крысу и передал ее одной из старух. Пока он пропускал второй стаканчик, покупательница внимательно рассматривала товар, за которой он брал по два сольди. После сделки он церемонно поклонился Анжелике:

— Я готов. Пойдем со мной, красотка. Так приказал Каламбрена.

Несколько бандитов тоже встали, и она увидела, что очутилась в кругу страшных людей. Анжелика притронулась к корсажу и сказала себе: «При случае я дорого отдам свою жизнь!» Но нож исчез.

Гнев охватил Анжелику. Гнев, подогретый добрым вином. Забыв всякую осторожность, она яростно закричала:

— Какой проходимец украл у меня нож?

— Вот нож, маркиза, — совершенно спокойно ответил Жоктанс, протягивая ей оружие.

Анжелика была поражена. Как он смог вытащить нож из-под корсажа ее юбки?

Вновь своды зала потряс ужасный смех. Гоготали все, а особенно Жанин.

— Хороший урок, красотка, — прохрипел он. — Вот ты и узнала ловкость рук Жоктанса. У него пальцы волшебника. Спроси, что говорят о его руках рыночные торговки!

— Какой красивый нож, — произнес один из бандитов, взял его в руки, но потом со злостью швырнул на пол. — Братья, это же нож Родогона!

Анжелика подобрала оружие и спрятала его под корсаж. Никто так и не узнал, какими судьбами знаменитый нож, принадлежавший самому заклятому врагу их банды, очутился у нее.

— Да, — заявил Жанин. — Она себе на уме, чего никак не скажешь по ее виду!..

В сопровождении целой свиты Анжелика вышла из зала, увидела, лестницу, по которой спустилась, и поняла, что комната, виденная ею днем, находится на вершине башни и является складом банды Каламбредена.

Один из бандитов объяснил ей, что именно Каламбреден придумал обосноваться в полуразрушенной средневековой крепости. Ванда могла спокойно жить в ней, не опасаясь облав, потому что здесь было много потайных ходов. Никто и не подозревал, что в башне Несль обитает банда, хотя после хорошей добычи здесь бывали настоящие оргии.

Группа подошла к маленькой гавани, где у пристани покачивалось несколько шаланд. Лодочники поздно заметили приближение ночных призраков. Крысолов заговорил первым:

— Господа, не будете ли вы так любезны перевезти нас к набережной Орфевр?

— А деньги у вас есть? — грубо спросил один из лодочников.

— Можете не сомневаться, — ответил Крысолов и неожиданно приставил нож к горлу спросившего.

Тот отступил, но делать было нечего. Лодочников было несколько, в бандитов в два раза больше. Если бы их оказалось поровну, дело

могло бы кончиться кровавой потасовкой. Но сейчас, видя, что сопротивление бесполезно, хозяин лодки согласился:

— Ладно, я перевезу вас.

Шаланда прошла под аркой Нового моста и остановилась возле набережной Орфевр.

— Ну вот и все, мой мальчик, — иронически произнес Крысолов. — Мы тебя не только благодарим, но и отпускаем с миром. Одолжи нам огонек! — Он вытащил свечку из лодочного фонаря и сошел на берег.

Набережная Орфевр была гигантским каменным строением с высоким сводом, напоминающим настоящую пещеру. Всё двинулись вперед, не обращая внимания на запах крыс и гнили, и через некоторое время туннель кончился, и они оказались на какой-то городской улице. Внезапно Анжелика услышала знакомый голос Николая:

— Это вы, ребята? Маркиза с вами?

Крысолов поднес свечу к лицу Анжелики.

— Вот она, Каламбретен!

Она увидела крепкую фигуру с ужасным лицом Каламбретена и крепко зажмурилась, хотя прекрасно знала, что перед ней стоял именно Николай. Но его физиономия приводила Анжелику в ужас.

Он нежно взял ее за руку.

— Ничего не бойся, радость моя! Ты же знаешь, что это я. И лицо, и одежда — простой маскарад. Сегодня твой проклятый монах будет наказан. Ты довольна?

Анжелика молчала, крепко сжимая его руку. Каламбретен отдавал распоряжения:

— Снегирь, перейди на другую сторону улицы! Ты, Мартин, останься со мной. Гобур, становись в проулке. Остальные прячьтесь в подъездах. Ты на месте, Барко?

— Я всегда на месте! — отозвался карлик откуда-то снизу.

Анжелика осмотрелась. Двери маленьких лавчонок были наглухо закрыты. Проехала карета, грохоча колесами по булыжной мостовой. Наконец все стихло.

— Сегодня я выплачиваю твое приданое, — обратился к ней Николай. — Сейчас ты увидишь, как это у нас происходит.

Вот раздались чьи-то шаги, и бандиты притаились в ожидании жертвы. Кто вынимал нож, кто вытаскивал длинную шпагу. Прохожий

показался из-за поворота.

— Так это же не монах! — сказал кто-то.

Прохожий, услышав бряцание оружия, закричал истошным голосом:

— На помощь! Убивают!

— Заткнись, старый осел, — процедил сквозь зубы один из бандитов. — Тут спокойно пропускаешь человека, даже не снимая с него пальто, а он орет во всю глотку!..

Легкий свист донесся с другой стороны улицы, и Анжелика увидела двух монахов, шествующих под руку и беседующих между собой. Когда свет тусклого фонаря упал на них, она чуть не вскрикнула, узнав Беше. Подвыпившие монахи разглагольствовали на философские темы, пересыпая речь латинскими терминами.

— Брат Амбруз, — упрекал спутника Беше — Оставьте, свои еретические теории. Они, знаете ли, опасны и могут погубить вас.

Они постояли немного на углу, что-то доказывая друг другу, но спор не клеился, и монахи распрощались. Беше двинулся вдоль улицы, что-то бормоча про себя. Внезапно, из темноты, словно огромная жаба, прямо ему под ноги выпрыгнул карлик.

— У-у-у, — завыл он, как привидение.

Беше прижался к стене дома, дрожа от страха. И тут со всех углов начали выползать смутные силуэты. Они корчили рожи и дико улюлюкали, собираясь вокруг монаха.

Ноги Беше подкосились, он опустился на колени, как бы защищаясь молитвой от ужасного кошмара, и простонал слабым голосом:

— Демоны!.. Пейрак, пощади, сжался надо мною... Пейрак!.. О Боже!..

Имя мужа, как острое, пронзило сердце Анжелики.

— Убей его! — дико закричала она, не замечая, что ногтями разодрала руку Никеля.

Каламбреден вытащил нож. Но вдруг монах упал, и все услышали голос карлика:

— Он уже готов!

Тело монаха распростерлось на земле. Анжелика приблизилась и увидела вылезшие из орбит глаза своего врага.

— Он умер от страха, — пробасил Хлеб.

Где-то высоко наверху открылось окно, и сонный голос проворчал:

— Кто тут, черт бы его побрал, говорит о дьяволах, когда добрые люди уже спят?

— Надо сматываться, — приказал Каламбретен. — Нам тут больше нечего делать.

Утром прохожие обнаружили труп монаха и не нашли на нем ни единой царапины. Горожане хорошо помнили слова колдуна, сожженного на Гревской площади: «Через месяц. Беше, ты предстанешь перед Судом Божьим!» — и, посмотрев в календарь, они крестились — ведь месяц как раз закончился.

«Бог проклял монаха!» — говорили в Париже. А в судебном протоколе записали так: «Отец Гонзак Беше умер при странных обстоятельствах. В народе ходят слухи, что его взяли дьяволы...» И дата — 29 марта 1661.

Остаток ночи банда Каламбретена провела в одном из парижских борделей. Было выпито много вина, и Анжелике стало плохо. Николя взял ее под локоть и вывел из-за стола.

— Я вижу, ты плохо себя чувствуешь. А мы ведь еще так мало выпили. Сегодня же наша свадьба. Надо ее хорошо обмыть!

Потом, видя, что она безнадежно пьяна, он взял ее на руки и вынес на воздух.

Ночь была холодной, но на руках Николя Анжелика чувствовала себя почти счастливой.

Клод де Пти, поэт с Нового моста, видел, как ночью Каламбретен нес какую-то куклу, длинные волосы которой развевались по ветру, и говорил потом друзьям, что известный бандит начал впадать в детство.

Когда Николя вошел в зал башни Несль, все нищие, сидевшие у огня, разом повернулись к нему. Одна из женщин вскочила.

— Хам! Подлец! — закричала одна ему в лицо. — Ты нашел себе другую любовницу! Мне уже все рассказали. Я зарежу тебя вместе с твоей шлюхой!.. Я убью тебя!

Николя спокойно положил Анжелику на кипу соломы, потом замахнулся, и ля-Полях рухнула на пол.

— Теперь слушайте все! — прорычал он. — Эта женщина, — он показал на Анжелику, — теперь моя маркиза. Если кто-нибудь осмелится тронуть хоть один-единственный волосок на ее голове,

будет иметь дело со мной. А вы знаете, что это значит. Что же касается моей бывшей приятельницы ля-Поляк, то делайте с ней все что хотите. Мне все равно!

И торжествующий Каламбрден — бывший пастух, ставший матерым волком, — взял Анжелику на руки и стал подниматься по лестнице, держа, как бесценный трофей, ношу, подаренную ему судьбой.

Глава 3.

Жизнь отверженных в башне Несль

Каламбреден ступал медленно, покачиваясь, так как был сильно пьян. Отворив дверь ударом ноги, он вошел в комнату и бережно положил Анжелику на кровать, среди множества пальто, сюртуков и камзолов.

— Вот теперь мы вдвоем, — сказал он срывающимся от волнения голосом.

Анжелика немного отрезвела и, резко встав, подошла к окну, судорожно ухватившись за решетку.

— Мы вдвоем... — повторил он.

— Что ты хочешь сказать, глупец? — воскликнула она громко.

— Я... я хочу сказать... — промямлил он, полностью растерявшись.

Анжелика вдруг весело рассмеялась:

— Ты думаешь, что станешь моим любовником, Каламбреден?

Он подошел к ней и взял за локоть.

— Я не думаю, я просто уверен!

Красные огоньки проплывавших под башней лодок осветили их. Никола вздохнул.

— Послушай, — твердо сказал он. — Я хочу поговорить с тобой и хочу, чтобы ты поняла. Ты уже не имеешь права отказать мне. Я дрался за тебя, я убил человека по твоему желанию, и Великий Коэрс соединил нас. Все произошло по законам королевства Тюнов. Теперь ты моя!

— А если я не захочу подчиниться вашим дурацким законам?

— Тогда ты умрешь! — Глаза Каламбредена засверкали. — Выбери! Пораскинь, графиня, своими куриными мозгами. Твоего колдуна сожгли на Гревской площади. Нас разделяло то, что ты была графиней, а я пастухом. Теперь мы поменялись ролями. Я — Каламбреден, повелитель банды, а ты — ничто. Твои родные отказались от тебя. А для них, — он протянул руку, указывая на другой берег Сены, где во мраке ночи вырисовывалась темная громада Лувра, — для них ты вообще не существуешь. У нас же ты будешь под

защитой, тебя будут оберегать и отомстят, если надо, тебе помогут и никогда, — слышишь? — никогда не предадут!..

Николя замолчал. Анжелика почувствовала его горячее дыхание рядом со своей щекой. Он слабо коснулся ее, его страсть передалась Анжелике, и она задрожала. Николя раскрыл объятия, но потом вдруг резко опустил руки, отошел в сторону и обратился к ней на их родном диалекте:

— Не будь такой злой, не ломайся, и мы одни. Мы хорошо поели... выпили... теперь самое время заняться любовью. Или ты меня все еще боишься?

Анжелика только засмеялась, пожав плечами, а Николя продолжал:

— Помнишь, как мы были с тобой вдвоем? Помнишь, как нас тянуло друг к другу? Я так мечтал о тебе... И наконец ты моя!

— Нет! — упрямо покачала она головой.

— Нет? — Его лицо исказила ужасная гримаса Каламбредена. — Берегись! Я могу тебя взять силой, как шлюху на панели.

— Попробуй! Я выцарапаю тебе глаза!

— А я позову своих людей, и они будут крепко держать тебя.

— Трус! Подлец! Бандит!.. — истерично закричала Анжелика, и в тот же миг эхом прозвучали в ее ушах слова Людовика XIV — слова, которые она не забудет никогда: «Я не хочу больше слышать о вас... Вы должны исчезнуть... Ни титула, ни имени, ни собственности...» И вслед за приговором жестокие слова ее сестры Ортанс: «Убирайся отсюда прочь, проклятая жена колдуна!..»

Да, Николя был прав, Николя-Каламбреден — геркулес с дикой и горячей кровью.

Вдруг, как бы опомнившись, Анжелика подошла к кровати, расстегнула корсаж, сняла юбку и осталась в одной рубашке. Ей было холодно, но голова горела, как в огне. Подумав немного, она сняла последнюю принадлежность своего туалета и, обнаженная, легла на кучу наворованного тряпья.

— Иди ко мне, — спокойно позвала она.

Николя растерялся и замолчал, ее покорность парализовала его. Он осторожно приблизился и сбросил свои лохмотья. Наконец его мечты сбылись! Он дрожал, как в ознобе. Анжелика наблюдала за его гигантской тенью, двигавшейся по стене.

— Ну, иди же ко мне, мне холодно!

Она, видела его напряженное сильное тело. Его дикое желание передалось ей. Анжелика закрыла глаза. Николая сжал ее в своих железных объятьях. Время от времени он прерывисто вскрикивал, и крики его смешивались с ее сладострастными стонами.

— Наконец-то ты моя! — шептал он, задыхаясь. — Ты моя... ты моя, — повторял он, как в бреду. — Ты моя!

Немного позже Анжелика слышала, как он вздохнул, словно сытое животное. Его мускулистое тело обмякло и расслабилось.

— Анжелика! — неясно прошептал Никеля.

— Ты сделал мне больно, — обиженно ответила она и, отвернувшись, забылась во сне.

Потом Николая еще несколько раз касался ее. Анжелика без сопротивления отдавалась ему, ее чувства растворились во мраке ночи. Она ощущала себя добычей какого-то дикого зверя, не могущего насытиться жертвой. Сквозь сон она слышала его горячее дыхание и ласковые слова, бытовавшие на парижском «дне».

На рассвете Анжелику разбудил голос за входной дверью:

— Каламбреден, это я Красавчик. Ты не забыл, что сегодня нам надо уладить одно дельце на ярмарке в Сен-Жермен?

— Войди, но не шуми. Малышка еще спит.

— В башне Несль, — улыбнулся Красавчик, — ночью было так шумно, что «братья» не могли уснуть. Можно было подумать, что ты отдавал душу дьяволу. Забавно, что ты не можешь спокойно любить женщину!

— Заткнись, — проворчал Каламбреден. — А как вела себя ля-Поляк?

— Я исполнял твой приказ и всю ночь ласкал ее. И у нас было много теплого вина.

— Ну ладно, иди. Я сейчас спущусь.

Их тихий разговор разбудил Анжелику, и она открыла глаза. Николая стоял в глубине комнаты и облачался в свою маскарадную одежду. Надев наконец парик и повязку, он окончательно превратился в Каламбредена. Потом, достав из сундучка какой-то предмет, он подошел к кровати:

— Анжелика, ты меня слышишь? Мне нужно идти на дело, и я хочу, чтобы ты не сердилась на меня. Ночь была так прекрасна!.. — Он

погладил ее по плечу и продолжал: — Я знаю, ты не спишь. Я хочу подарить тебе перстень. Я отобрал его у одного торговца с площади Пигаль. Посмотри, какой он красивый! Не хочешь? Ладно, я положу его возле тебя. Скажи, чего бы ты еще хотела? Может, хочешь ветчины или новое платье?.. Отвечай же, или я рассержусь!

Анжелика резко приподнялась:

— Я хочу большой чан с теплой водой!

— Чан? — переспросил крайне удивленный Николая. — Зачем он тебе?

— Я хочу выкупаться! — заявила она тоном, не терпящим возражений.

— Ладно, я распоряжусь. Ля-Поляк принесет тебе все. А если ты останешься недовольной, я жестоко накажу ее!..

Он повернулся и подошел к зеркалу, проверяя свою экипировку. Анжелика тоже встала перед зеркалом, взяла кусочек воска и наклеила его себе на лицо, как это делал Николая, И на нее уставилось отражение женщины с ужасным нарывом на щеке. Она с отвращением сбросила воск на пол.

— Слушай, Николая! Я запрещаю тебе появляться передо мной в маске Каламбредена. Или я не разрешу притрагиваться к себе!

Детская радость озарила жесткое лицо Николая — лицо человека, уже испытывавшего искушения преступной жизни.

— Ладно! Я обещаю, — улыбнулся он, — что ты никогда больше не увидишь меня в образе Каламбредена! — Он скрестил пальцы и плюнул на пол в знак клятвы.

Анжелика подумала об их судьбах. Вот что может сделать жестокая жизнь из маленького мальчика и худенькой девочки. Сердце ее наполнилось жалостью к себе, к Николая, ко всем нищим и обездоленным. Отвергнутые людьми, как далеки они от общества! «Как далеки друг от друга, — думала она, — башня Несль, где живут нищие бродяги, и прекрасный Лувр, где аристократы купаются в роскоши, а Король-Солнце, как перчатки, меняет своих фавориток...»

Николая вышел. Анжелика снова прилегла на кровать и попыталась уснуть. Бледное зимнее солнце отражалось треугольником на стене. Ее тело болело, но она испытывала приятную истому.

— Как хорошо лежать так и ни о чем не думать... — тихо прошептала она.

Перстень возле нее переливался всеми цветами радуги. Она таки одержала верх над Николя. Много позже, вспоминая о времени, проведенном на дне Парижа, она скажет, задумавшись:

— Да, тогда я была сумасшедшей!

И действительно, было сумасшествием жить в мире воров и убийц. В притупленном сознании ее жизнь отождествлялась с чем-то вроде застоя. Она, любившая тонкие простыни и кружевное белье, должна была спать на кровати, заваленной вещами с чужим запахом. Она, графиня де Пейрак, стала любовницей мужлана, бывшего пастуха, ставшего бандитом и ее хозяином. Предметы, которыми она пользовалась, и пища, которую она ела, — все добывалось воровским путем. Ее друзья были ворами или убийцами, а пристанище, где она жила, являлось просто-напросто притоном и называлось Двором Чудес.

Да, жизнь, в которой она занимала место рядом с отпетым бандитом Каламбреном, была по-настоящему ужасной. Но надо отдать должное Николя, — он оказался хорошим организатором. Идея разместить нищих на развалинах старой стены, окружавшей средневековый Париж, принадлежала ему. Стена была построена еще во времена Филиппа-Огюста. В течение четырех веков город постепенно расширял свои каменные тиски, давая простор всему новому — мыслям, науке, культуре.

Со временем влияние банды Николя усиливалось, другие банды уступали ему. Сначала в развалинах размещались только женщины со вшивыми детьми на руках, чтобы просить милостыню у прохожих, а затем Каламбреном захватил там все выгодные позиции. Другие банды так просто не отдавали свои насиженные места, между претендентами нередко вспыхивала поножовщина, и утром на берегу Сены валялись окровавленные трупы. Самым трудным оказалось занять башню Несль — ее Каламбреном сделал своей зимней квартирой.

Потом он начал прибираться к рукам и другие районы Парижа. Он заплатил налог Великому Коэсу, королю Тюнов, и стал принцем — главарем одной из пяти крупнейших парижских банд. Через несколько месяцев, благодаря своим способностям, он стал хозяином Нового моста, где располагалось много лавчонок добропорядочных граждан.

Однажды Анжелика, Барко и Жоктанс пошли проверять посты, Анжелика только диву давалась, как ловко и продуманно были

расставлены нищие. Вернувшись в башню Несль, она с восхищением сказала Николая:

— А у тебя, Каламбретен, голова варит!

В главной зале разжигался камин, и становилось тепло. Никеля сажал ее к себе на колени, рядом пристраивалась охрана, а вокруг — всякий сброд. Так было каждый вечер. Приходили грязные, вонючие калеки и нищие, слышались брань и плач голодных детей.

Жанин Деревянный Зад восседал обычно прямо на столе, куда его втаскивали телохранители. Карлик всегда шутил. Здесь же находились и другие люди Каламбретена: Осторожный, Красавчик, Легкая Нога. Красавчик заправлял проститутками. У каждого из них был свой собственный промысел.

«Проклятый мир, — думала Анжелика. — Дети не походят на детей, женщины отдаются тут же, без стыда, на соломе, беззубые старики и старухи с безумными глазами...»

Но, несмотря на это, здесь царили спокойствие и согласие. Обитатели Двора Чудес не имели ни прошлого, ни будущего, они жили одним днем, а там что Бог даст.

Однажды вечером Анжелика сидела около Каламбретена, прижавшись к его спине. Он был в хорошем расположении духа, философствовал, попивая вино из огромной кружки.

— Знаешь, милая, — говорил он, — все мои победы над другими главарями парижских банд принадлежат тебе. Я вспоминал наши детские игры и расставлял людей в нужном порядке. Мы все придумывали заранее, помнишь?

Движением головы Каламбретен показал Флино, что у него кончилось вино, и тот долил в кружку из огромного кувшина.

— В детстве в трудную минуту я всегда спрашивал себя: «А как поступила бы Анжелика?» И это меня часто выручало.

Анжелика печально улыбнулась.

— Чему ты смеешься? — спросил он.

— Я вспомнила наш неудачный поход в Америку к индейцам.

— Действительно, все было глупо, но я не раздумывая следовал за тобой. В тебе всегда было что-то властное и, главное: твердая уверенность в успехе.

Видя, что Анжелика не злится, Николая начал гладить ее по спине. Его немудреная ласка выводила из себя ля-Поляк, отвергнутую

любовницу, — плотную рыжую женщину, всегда ругавшуюся на чем свет стоит и умевшую постоять за себя. На поясе ее висел нож которым она владела в совершенстве.

Ля-Поляк разоткровенничалась:

— Хорошее время — война! — она сидела на скамье, держа в руке чашу с вином. — Я тогда говорила солдатам: «Любите меня, молодцы, а я буду давить ваших вшей!»

Потом она начала петь куплеты из военной песни, но ее хриплый голос быстро надоел всем, и ее вытолкали в дальний угол зала. Тогда она подбежала к решетчатому окну и, обращаясь к Лувру, как к живому, надрывно закричала:

— Ваше Величество, когда же ты дашь нам войну? Хорошую войну! Что ты сидишь там истуканом и протираешь штаны? Что такое король без войны? Король без побед?

Она знала, что Каламбрден еще вернется к ней, потому что старая любовь не забывается. Так оно и случилось.

Однажды вечером Анжелика отправилась к Жанину в его каморку, которую он снимал на улице Святого Михаила. Она несла ему в подарок кусок свиной колбасы, которую тот обожал. Калека был единственным существом из банды Каламбрдена, к кому она чувствовала расположение. В банде его все уважали, и он значился первым советником Николя. Анжелика вошла в келью:

— Я принесла тебе немножко колбасы, — сказала она улыбаясь и села на пол, чтобы не быть выше человека-колоды.

Жанин ел, подозрительно глядя на Маркизу Ангелов, как он обычно называл ее.

— Куда ты собираешься сейчас? — вдруг загадочно спросил Жанин.

— Домой, в башню Несль. Куда же еще?

— Не ходи туда. Лучше зайди в таверну, что на площади Пигаль. Там Каламбрден со своей свитой и ля-Поляк. Ты знаешь, что должна сделать?

— Нет...

Она разглядывала она комнату: пол в лачуге был застлан соломой, а единственной мебелью являлся сундук, в котором хранилась одежда Жанина, с пристрастием следившего за своей персоной. На стене висел ворованный подсвечник.

— Слушай меня внимательно, маркиза. Ты должна войти в таверну, а когда увидишь Каламбредена с ля-Поляк, хватай все, что попадет под руку, и бей его по голове. Не волнуйся, голова у него крепкая, как дно медного котелка, поверь мне!

— Но у меня же есть нож!

— Оставь его в покое, ты не умеешь им пользоваться. Кроме того, существует закон Тронов. Когда обманывают маркизу, следует поступать именно так.

— К тому же мне все равно, если он даже и обманывает меня, — не унималась она.

Глаза Жанина налились кровью, и он, захлебываясь, быстро заговорил:

— Он тебя заработал, и если ты ему изменишь, то умрешь. Не в такой ситуации ты имеешь все права, наказать его за измену, и ты должна его проучить. Иди и делай, что я тебе приказал... Поддай-ка мне ту бутылку! — И он налил полный стакан водки. — На, выпей! Она придаст тебе уверенности в своих силах.

Анжелика ваяла стакан и залпом выпила. Ей стало жарко. Она вышла из кельи.

— Смотри! — крикнул ей вдогонку Жанин. — Делай так, как я советую, и тебя будут уважать в нашем мире.

Через некоторое время Анжелика остановилась возле таверны. Изнутри доносились голоса и пьяное пение. Она открыла дверь и вошла. Сначала она ничего не увидела — дым из глиняных трубок наполнял зал. Потом глаза ее привыкли, и она различила полупьяного Каламбредена, на коленях которого развалилась рыжая ля-Поляк. Они веселились, ничего не замечая, окруженные телохранителями.

Тайком Анжелика взяла из очага закопченный горшок с горящими углями, приблизилась к компании и ударила кого-то наугад.

Поднялся необычный переполох. Охрана выхватила ножи и шпаги. Каламбреден вскочил как ошпаренный — парик, его тлел, а волосы ля-Поляк горели. Подбежал карлик и, крича шутовским тоном «Пожар!», опрокинул ей на голову целый фужер вина. Вдруг с порога кто-то закричал:

— Братцы, спасайтесь! Фараоны!

В дверях появился наряд из Шателе — сержант и человек десять солдат с мушкетами.

— Сдавайтесь! — громко закричал он. — Именем короля вы арестованы!

— Спасайся, Маркиза Ангелов! — воскликнул один из бандитов. Анжелика попыталась подбежать к окну, но ее схватили сильные руки:

— Сержант, я поймал нищенку!

Внезапно сквозь дым и туман Анжелика увидела, как ля-Поляк подняла нож.

«Сейчас она убьет меня!» — мелькнула у нее в голове тревожная мысль.

Но нож по самую рукоятку вонзился в живот солдата, державшего Анжелику. Ля-Поляк перевернула стол вместе с лампой, схватила Анжелику за руку, и они вместе выпрыгнули в окно. А Каламбреден и его люди, обороняясь шпагами, ушли через кухню таверны.

Через пару минут на Новом мосту женщины присоединились к ним.

— Я думал, — задыхаясь, говорил Снегирь, — что они станут преследовать нас... Но у Каламбредена железная воля, он не растерялся. Никого из наших они так и не взяли. Ты здесь, Баркароль?

— Здесь, — из темноты ответил карлик.

— Они хотели схватить Маркизу Ангелов, но я всадила нож в живот одному фараону! — И ля-Поляк показала свое оружие, покрытое сгустками крови.

Когда они подошли к башне Несль, там уже знали, что Каламбреден ранен в голову Маркизой Ангелов. Кто-то предложил привести Великого Мотье.

Каламбредена положили на стол, он тихо стонал. Анжелика подошла к нему, сняла обгоревший парик и обследовала рану.

— Поставь греть воду! — приказал он.

Но тут раздались звуки фанфар, и в дверях появился Великий Мотье — знаменитый парижский дантист. Даже в такой поздний час он был со своими музыкантами. Мотье был весельчаком по натуре и имел связи как во дворце, так и в воровском мире. Он лечил и тех, и других, не вдаваясь в социальное положение пациентов. Его интересовали только больные. Бедные и богатые были одинаковы перед его страшными клещами. Мотье был врачом-универсалом. Он вырывал зубы, делал аборт и лечил от всех болезней. В молодости

Великий Мотье побывал во многих странах, но остаток своих дней решил провести в Париже. Никто не знал, какой он национальности, но то, что он мог подряд выпить пару бутылок вина, знали все. Вино не мешало ему одновременно рвать зубы и рассказывать о своих похождениях перекошенному от боли клиенту.

Улыбаясь, под звуки фанфар, он подошел к лежащему Каламбреду.

— Это ты его так отходила? — обратился он к Анжелике. Она не успела ответить, а он уже взял ее за подбородок и открыл рот. — Какие хорошие зубки! — произнес он с отвращением. — Жаль, что ты не скоро попадешь ко мне, красотка! Посмотрим ниже, — и он потрепал ее по животу. — Ты беременна?

— Вы пришли не ко мне, — резко отрезала Анжелика.

Эскулап захохотал так, что с потолка посыпалась штукатурка. Он был огромного роста и всегда одевался в яркие костюмы. Главным предметом его туалета являлась широкая шляпа со множеством шикарных перьев. Он выглядел, как солнце, среди серых обитателей башни Несль. Он любил повеселиться и выпить, но дело свое знал.

Каламбрעדен приподнялся и сел на столе. На Анжелику он боялся поднять глаза.

— Что вы заливааетесь, как сумасшедшие? — грозно проворчал он.

— Тут что-то пахнет копченой свининой, — продолжал Мотье, указывая пальцем на притихшую ля-Поляк, и еще пуще залился смехом.

У ля-Поляк выгорела часть волос, и она выглядела, как опаленная кошка.

— И спина у нее уже наполовину копченая, — хохотал Мотье, хлопая себя по ляжкам.

Окружающие все тоже начали смеяться.

— Теперь у нее выпадут остальные волосы, и она будет лысая, — не унимался дантист.

Когда все успокоились, он оказал необходимую помощь Каламбреду и ля-Поляк. А потом началась пышка. Долго веселились в ту ночь отверженные в башне Несль.

Глава 4.

Дегре продолжает преследовать Анжелику

— Посмотри туда, — сказал Снегирь. — Видишь типа в шляпе и с поднятым воротником, прогуливающегося по берегу? Он — Фараон.

— Фараон? — воскликнула удивленная Анжелика. — С чего ты взял?

Она стояла, облокотясь на перила резной полурассыпавшейся лестницы, ведущей к башне Несль. Бледные лучи солнца едва пробивались сквозь густой туман, уже несколько дней окутывающий город. Унылый пейзаж раскинулся перед Анжеликой. Другой берег Сены, где стоял Лувр, почти не был виден. Тяжелый и влажный воздух был не холодным, но сырость пробирала до костей. Оборванные подростки ловили рыбу, лакей поил и мыл лошадей. Тип, которого Снегирь показал Анжелике, прохаживался с трубкой в зубах, и выглядел безобидно. Он походил на буржуа, совершавшего моцион перед обедом. Время от времени он поднимал голову к башне Несль, будто его интересовала архитектура старинного сооружения.

— А знаешь, кого он ищет? — выпустил Снегирь в лицо Анжелике облако табачного дыма.

— Нет, — пожала она плечами.

— Тебя.

— Меня?!

— Да, он ищет тебя, Маркиза Ангелов.

— Ты с ума сошел, — усмехнулась она. — Никто меня не ищет, и никто не думает обо мне. Я больше не существую на свете!

— Ошибаешься. Вспомни, как в таверне кто-то крикнул: «Смывайся быстрее, Маркиза Ангелов!» Фараоны запомнили имя, и когда нашли одного из своих с распоротым животом, решили, что его уколошила именно та самая Маркиза. Я знаю об этом, потому что мы иногда закладываем по стаканчику с охраной тюрьмы Шателе.

Они не слышали, как сзади к ним бесшумно подкрался Каламбреден.

— Такое мне уже не нравится, — он сплюнул сквозь зубы. — Если надо обезвредить только того типа, что бродит по берегу, то мы

быстро спровадим его на тот свет. Да и что они смогут с нами сделать? Нас много, а их не больше сотни... Ну ладно, пойдёмте! Нам предстоит нелегкая работа. Люди уже на местах.

Через четверть часа они подошли к мосту, где стояли в засаде бандиты Каламбредена. Скоро в туманном воздухе раздался стук колес, и на мост въехала карета. По заранее разработанному плану один из людей бросился на мостовую. Испугавшись, кучер резко затормозил. Лошади встали на дыбы и остановились, как вкопанные.

— Сжальтесь надо мной, — забормотал нищий, обращаясь к окну кареты. — Я бедный странник, идущий в Константинополь, и мне не на что продолжить свой путь. Дайте мне несколько сольди, и я помолюсь за вас на могиле Святого Жака...

— И-эх! — Изловчившись, кучер сильно полоснул его кнутом. — Прочь, проклятый!

Из окна кареты выглянула дама, на ее шее сверкало бриллиантовое кольцо.

— В чем дело, Лоран? Почему мы стоим?

Каламбреден сделал шаг и взялся за дверную ручку кареты. Спектакль продолжался. Он грациозно снял свою старую шляпу.

— Почтенная незнакомка! — начал он. — Неужели вы откажете бедному страннику?

Дама с ужасом смотрела на верзилу с громадным ножом за поясом. Она открыла рот и пронзительно завопила:

— На помощь! Меня убивают!..

Снегирь приставил шпагу к животу едва живого от страха кучера. Хлеб и Флино, несколько минут назад еще удившие рыбу, держали лошадей. Каламбреден влез в карету.

— Дай мне свою косынку! — приказал он Анжелике, взявшейся за ручку двери с другой стороны кареты.

Он быстро заткнул даме рот.

— Пошевеливайся, Осторожный! — бросил он сквозь зубы. — Бери у нее кольцо и золото...

Дама пыталась сопротивляться, и Осторожный никак не мог расстегнуть у нее цепочку.

— Маркиза, поколи мне разобраться в ее премудростях, — торопливо бросил он.

Анжелика легко взобралась в карету, где пахло духами и пудрой. Не глядя, она расстегнула цепочку, так как совсем недавно сама носила такие же драгоценности.

В одно мгновение дело было сделано, и Каламбрден спрыгнул с подножки.

— Кучер, давай! — крикнул он весело и ударил кнутом по застоявшимся лошадям, которые рванули с места, как сумасшедшие.

Дама умудрилась вытащить изо рта кляп, и все услышали ее крики.

— Теперь разбегайтесь кто куда, — скомандовал Каламбрден. — Вечером в башне Несль!

Все бросились врассыпную.

Вечером все собрались в башне, чтобы поделить украденные вещи. В зале было темно, только свет коптящей свечи озаряя перекошенные от радости лица бандитов, стоящих у стола. Здесь собрались все участники дневной операции.

— Неплохое дельце, — произнес кто-то.

— Только уж слишком опасное!

— Молчи! — прохрипел Никеля. — Такие дела нельзя упускать. Я давно следил за ней.

— А ты, Осторожный! Если бы маркиза не помогла тебе расстегнуть цепочку...

Все посмотрели в сторону Анжелики. Николя протянул ей красивое кольцо:

— На, возьми. Ты честно заработала его!

Но Анжелика резко отдернула руку.

— Я ненавижу золото! — заявила она.

Все опешили. Воцарилось молчание.

— Не любить золото! На такое способна только наша маркиза! — воскликнул карлик.

— Золото принесло мне слишком много горя, — яростно, сжав кулаки, объяснила она.

Анжелика тихо вышла, прикрыв за собой дверь. Она брела по берегу реки. В тумане едва просвечивались огоньки шаланд. Один из лодочников запел, подыгрывая себе на гитаре. Она слышала, как у ее ног в камышах тихо плещет вода, и тихо повторила, как ребенок, боящийся темноты:

— Дегре... Дегре...

И ей показалось, будто из камышей кто-то откликнулся: «Когда ночь опускается над Парижем, мы с Сорбонной идем на охоту. Мы заглядываем во все злачные места, где могут находиться бандиты и нищие...»

— Дегре! — снова повторила Анжелика. Но ответом ей была тишина — такая же глубокая, как той темной ночью, когда Дегре покинул ее.

Она подошла к воде, ноги ее погрузились в тину. Она почувствовала холод, и у нее вдруг появилось дикое желание покончить с собой. «Баркароль сказал бы, — подумала она, — что наша маркиза всегда любила теплую воду, а утонула в холодной... Бедная Маркиза Ангелов...»

В камышах что-то заворочалось. Вез сомнения, то была крыса: комок мокрой шерсти зацекотал ей лодыжки. Крик ужаса и отвращения вырвался у перепуганной Анжелики, но когтистые лапки уже поднимались по ней, цепляясь за одежду. Она с отвращением отбивалась от ночного привидения. Животное жалобно запищало, и она почувствовала, как холодные лапки обвили ее шею. Пораженная, она воскликнула от удивления.

По дороге двигались два лодочника со свечой в руках, и Анжелика направилась к ним. Когда свет упал на нее, один из лодочников игриво поздоровался:

— Добрый вечер, красотка!

— Заткнись! — проворчал его спутник. — Я ее знаю. Она — маркиза Каламбредена, а он не разрешает никому дотрагиваться до нее. Настоящий зверь! Помолчи, если не хочешь, чтобы тебя зарезали, как свинью на бойне.

А Анжелика наконец установила вид животного. Им оказалась маленькая обезьянка. Она смотрела человеческими глазами и продолжала обнимать ее за шею.

— Она, случайно, не ваша? — спросила Анжелика у лодочников.
— Я нашла ее там, в воде.

Они поглядели в направлении, указанном Анжеликой.

— Там что-то лежит...

Приблизившись, они увидели человеческое тело, лежавшее в полузатопленной лодке. Обезьянка жалобно заскулила.

Анжелика пожелала прохожим доброй ночи, повернулась и пошла обратно к башне Несль. По дороге она вспомнила, что видела того человека живым в таверне «Три молотка» и обезьянку, забавлявшую клиентов.

— Пикколо! — тихо позвала она.

Обезьянка издала крик, полный тоски и грусти, и еще крепче прижалась к Анжелике.

Зимой скончался кардинал Мазарини. Мания величия преследовала его до последних дней жизни. Юный король всегда завидовал ему и, когда пришло сообщение, что итальянца больше нет в живых, в душе обрадовался, хотя на лице сохранил печать скорби. А затем король приступил к своим обязанностям. Теперь он стал властелином Франции.

Людовик XIV был в трауре, королевский двор во всем подражал ему. Придворные молились за проклятого итальянца, и по Парижу два дня разносился похоронный звон. Отслужив панихиду, король принялся за государственные дела. Сначала он вызвал к себе в кабинет всех министров.

— Господа! — начал он. — Я пригласил вас для того, чтобы вы исполняли мою волю. Нет больше первого министра, нет больше государства в государстве. Теперь это все — я!

Удивленные министры стояли перед молодым человеком, шутки и вкус которого вселяли в них надежду. И, будучи дисциплинированными служащими, они принялись вводить короля в курс дел.

С другой стороны Сены, в башне Несль, Баркароль рассказывал Анжелике обо всем, что происходит во дворце. На каждый праздник он натягивал на себя костюм шута и отправлялся в дом одной известной прорицательницы, которую считал опасной колдуньей.

Знатные дамы часто прибегали к ее помощи, если нужно было известить соперницу или ненужного старого любовника. Звали ее Каррин Мовуазин, а в интимных светских кругах она чаще фигурировала под именем ля-Вуазин. Карлик называл такие имена ее посетителей, что Анжелика только удивлялась его осведомленности.

— Почему светские дамы и господа надевают серые плащи, цепляют маски и идут к колдунье? Да очень просто! Все они хотят любить, а та готовит им всякие зелья. Потом некоторые стремятся помочь своим родственникам покинуть наш грешный мир, чтобы поскорее завладеть наследством... Колдунья помогает всем, кто хорошо платит. Тухлый Жан продал много детей для ее таинственных обрядов... — Кстати, протеже к ней мне составил именно Тухлый Жан.

Одно упоминание о детоторговце приводило Анжелику в ужас. Она ненавидела его больше всех на свете. Тухлый Жан торговал детьми. На окраине Сен-Дени, в вотчине Великого Коэсра, находилась лачуга, где он держал свой живой товар. День и ночь оттуда доносился плач невинных мучеников. Там жили бездомные и украденные дети. Слабых учили просить милостыню, а красивых мальчиков и девочек растили, чтобы потом за бешеные деньги продать их знатым особам, которые использовали детей для своих прихотей. Тухлый Жан поставил дело на широкую ногу. Маленькие жертвы умирали десятками, не дойдя до своих покупателей. Он был неутомим — сам посещал кормилиц и посылал своих людей в деревни, чтобы они там искали брошенных детей.

Сотни и тысячи бездомных стариков и старух, калек и инвалидов принимало парижское «дно», так что в королевстве Тюнов не было недостатка в придворных. Одни становились ворами, другие просили милостыню. Бездомные старухи зарабатывали на жизнь участием в погребениях. Девочки занимались проституцией — матери сами отправляли их на панель. Знатные господа нанимали убийц, чтобы где-то в подворотне пристукнули врага или соперника. А иногда сеньоры в масках заходили в самые опасные притоны. Пресыщенные придворной жизнью, они искали развлечений и острых ощущений даже во Дворе Чудес.

Красавчик, окруженный сворой проститутток, приносивших ему заработок, чувствовал себя прекрасно. Он только следил за их туалетами и давал указания. Снегирь и Гобер были профессиональными ночными убийцами. На дне каждый занимался своим делом.

В королевстве Тюнов Анжелика была в полной безопасности, находясь под защитой Каламбредена и пользуясь протекцией Жанина, была неприкосновенна. Законы воровского мира жестоки. Анжелика

могла одна идти по городу самой темной ночью, и никто не осмеливался коснуться ее. В башне Несль ее всегда ждала пища и крыша над головой. И она могла каждый день менять наряды — бандиты приносили ей прекрасные платья, сшитые по последней моде, пахнущие духами. Но Анжелика не могла пересилить отвращения к ним. Она все еще носила одежду, в которой пришла на кладбище Святых Мучеников. Тот же самый чепец покрывал ее прекрасные волосы. Она ничего не меняла в своем туалете.

Однажды вечером ля-Поляк подозвала ее и надела ей пояс, к которому прикреплялся нож.

— Если хочешь, я научу тебя пользоваться кинжалом, — предложила она.

После истории с горшком углей между ними установились дружеские отношения.

Однажды банда Каламбрена решила обокрасть дом в окрестностях Сен-Жермен. Ночь выбрали безлунную, а улица плохо освещалась. Взломав замок на двери черного хода, бандиты бесшумно проникли в Дом.

— Здание большое, живет в нем только один старик, — разъяснил Николя. — Мы будем чувствовать себя там хозяевами.

В деле участвовали, как обычно, все здоровые члены банды. Николя зажег фонарь и проник в салон. Анжелика шла последней, хотя она уже не впервые занималась подобными делами. Николя вообще не хотел брать ее:

«С тобой еще что-нибудь приключится...»

Но упрямая Маркиза Ангелов всегда поступала по-своему. Она ходила с бандой не для воровства. Ей нравились запахи спящего дома: ароматы ковров, мебели и кухни. Она брала в руки статуэтки, рассматривала их и ставила на место.

Сейчас Николя поручил Осторожному следить, чтобы она не попала в какую-либо историю. Они зажгли свечу и вошли в боковую комнату. Свет упал на большой стол с банками, колбами и штативами с пробирками.

— Что здесь? — спросил Осторожный.

— Лаборатория, — ответила она тихо.

Вдруг Анжелика увидела на столе пакет с надписью: «Для г-на Сент-Круа». Пакет был открыт, и в нем находился белый порошок.

— Что это такое? — Осторожный взял щепотку порошка, поднес ее ко рту.

Анжелика уловила резкий запах чеснока.

— Мышьяк! — воскликнула она, ударив его по руке. С перепугу Осторожный задел штатив. Большая колба упала на пол и разбилась вдребезги. И вдруг они услышали голос из спальни:

— Сент-Круа? Ваш пакет лежит на столе. Возьмите его. Я не буду вставать...

Анжелика и Осторожный бесшумно проскользнули в коридор и выскочили на улицу. Отбежав на несколько кварталов, они остановились.

— Оказывается, — сказал Осторожный, — мы попали в дом колдуна, а я был на волосок от смерти — хотел попробовать тот сахарок...

— А где же остальные? — спросила она.

— Ох, неужели ты не слышишь? — выкрикнул он вдруг. — Сюда идут! — и бросился бежать.

Он даже бросил сумку с награбленными вещами, и Анжелика машинально подняла ее. Но теперь и дна слышала, как кто-то приближался. На улице было совсем темно, и она не могла двигаться быстро. Вдруг что-то тяжелое прыгнуло ей на спину. Она вскрикнула и упала лицом в грязь. В следующую секунду она почувствовала над собой горячее дыхание. Повернувшись, она увидела громадную голову собаки с раскрытой пастью.

— Сорбонна! — воскликнула она. — Моя хорошая собака, как же ты напугала меня...

Стирая грязь с лица. Анжелика услышала невдалеке быстрые шаги и привстала с земли.

— Сорбонна, не выдавай меня! — прошептала она собаке и бесшумно спряталась под какой-то навес, находившийся поблизости.

— Ты разве не разорвала нищенку, Сорбонна? — услышала Анжелика знакомый голос. — Проклятая Маркиза Ангелов заставила нас так далеко идти за ней. Хорошо еще, что нищенка оставила в карете свою косынку. Мы ее поймаем, я не сомневаюсь... пойдём быстрее к башне Несль, я чувствую, след тянется туда!

Дегре свистнул собаке и удалился. «Если он будет бродить возле башни, мне опасно там появляться», — подумала Анжелика.

Она решила переночевать у Жанина в каморке, находившейся недалеко от заставы Сен-Жермен, ей ужасно хотелось спать. Она тихо вышла из-под прикрытия своего убежища. И сразу сильная рука схватила ее сзади за плечо.

— Так вот где ты, моя красавица! — услышала она голос Дегре. — Ты думаешь, от меня очень просто отделаться?

Анжелика ощутила знакомый запах его одежды. Да, это был бывший адвокат графини де Пейрак, ставший теперь полицейским.

«Ну хоть бы он меня не узнал», — подумала насмерть испуганная Анжелика.

Дегре поднес к губам свисток. Через несколько минут на противоположной стороне улицы показались шесть человек.

— Кого же ты поймал? — спросил один из полицейских.

— Шлюху Каламбредена, — ответил Дегре. — О ней я ничего не знаю, но давно выслеживаю.

Анжелика почувствовала, как он нащупал рукоять ножа под корсажем юбки. Резким движением она попыталась вырваться, но стоявший рядом полицейский заломил ей руку.

— Подлая тварь, — произнес он грубо, — ты хочешь заставить нас бегать за тобой вприпрыжку по всему Парижу?

Ее подвели к фонарю, Дегре взял ее за подбородок и повернул к свету. Она закрыла глаза. Все ее лицо было в грязи.

«Хоть бы он меня не узнал!» — вновь промелькнуло у нее в голове.

— Нет, она не Маркиза Ангелов, — сказал Дегре, отпуская ее голову. — Сорбонна сразу же разорвала бы ее. Нужно обследовать ограбленный дом. Может быть, мы узнаем что-то новое от его хозяина.

— А что делать с ней? — полицейский пальцем указал на застывшую Анжелику.

— Давайте отпустим ее, — предложил Дегре. — Что с нее взять? У нее не найдется даже нескольких су, чтобы заплатить штраф.

Полицейские согласились. Им не хотелось пачкаться о грязную одежду нищенки.

— Ну ладно. Иди, крошка! — приказал один из них.

— Но в другой раз не попадайся, а то сразу же угодишь в Шателе.

Как только они удалились, Анжелика бросилась бежать по темным парижским улицам. В голове вертелась единственная мысль: «Дегре не узнал меня, бывшую графиню де Пейрак, ставшую нищенкой по иронии судьбы...»

Она ужасно устала после кошмарной ночи, ее босые ноги кровоточили, потому что она где-то потеряла свои башмаки. На лице застыло выражение отчуждения...

Глава 5.

Страстное признание незнакомца

На горизонте алым цветом разгоралась заря. Начинаясь день застал Анжелику на окраине Латинского квартала. Кое-где в окнах ближайших домов еще видны были отблески свечей, студенты, наверное, готовились к экзаменам. Она рассеянно брела вдоль улицы. Изредка попадались* прохожие, возвращавшиеся из борделей или с затянувшегося свидания. Они улыбались про себя, вспоминая прелести проведенной ночи.

Некоторые грубо приставали к Анжелике, но она не обращала на них никакого внимания. Другие пытались затащить ее в подворотню. Людишки были бедно одеты, воротнички рубашек посерели от грязи, а черные чулки обтягивали их худые ноги.

Слышался перезвон колоколов.

Анжелика не заметила, как вышла к озеру Турнель. В чистом утреннем воздухе носился запах свежего сена. У причала покачивались шаланды, крытые брезентом. Это от них исходил волнующий запах весны. Все вокруг было пропитано ароматом сухой травы и увядших цветов. Группа лодочников грелась возле костра.

Анжелика тихонько прошла по воде к ближайшей шаланде, отогнула полог брезента и влезла внутрь. С огромным наслаждением она погрузилась в сено, мягкое, как пуховая перина. Воздух здесь был еще более насыщенным и опьяняющим — влажный, горячий, пропитанный весенними грозами. «Откуда могли привезти такое свежее сено?» — удивлялась она.

Анжелика задумалась о широких степях, иссушенных ветром, о бескрайнем безоблачном небе, о тайнах, сокрытых в долинах гор, чьи земли бережно хранят в себе благодатную влагу дождей и щедрое тепло солнца. Анжелика скрестила руки на груди, закрыла глаза и забилась.

На нее нахлынули воспоминания. Грезился родной Монтелю. Ветер медленно поднимал ее к солнцу, лаская лицо и волосы. Анжелику уже давно никто так не ласкал. Не по своей воле она стала любовницей неотесанного Каламбредена. Анжелика связала свою

жизнь с волком, который в момент величайшего душевного блаженства издавал победные дикие крики, когда она, чувствуя пробуждающийся животный инстинкт, отдавалась ему. Но ее тело давно уже забыло нежность настоящей ласки.

Анжелика продолжала мечтать, пытаясь различить в аромате сена запахи знакомых трав и цветов. На своих пылающих щеках и сухих губах она словно ощущала влагу живительного источника. И Анжелика просила:

— Еще!.. Еще!..

В сладком экстазе слезы текли по ее лицу. Ей казалось, что поля и леса родной стороны тихо шептали ей на ухо: «Не плачь, страдальца, все будет хорошо!..»

С большим трудом Анжелика приподняла веки. Рядом с ней кто-то лежал. Улыбающиеся глаза незнакомца игриво смотрели на нее.

— Кто вы? — удивилась она.

— Я? Я — ветер. Ветер с окраины деревни Берри. Когда крестьяне косили траву, они скосили и меня...

Юноша встал на колени и вывернул карманы.

— Я нищий. Меня погрузили в шаланду, и вот я в Париже... Смешно, правда?

Анжелика никак не могла собраться с мыслями. На незнакомце был черный камзол, перетянутый поясом.

Его приятное, открытое лицо все время улыбалось, обнажая белоснежные зубы. Пока Анжелика изучала юношу, тот говорил без умолку:

— Но что же делать в Париже такому бедному ветру, как я? Ветру, привыкшему разгуливать свободно по полям и лугам? Он, конечно, будет задувать под подола дамам и монашкам, срывать шляпы с почтенных граждан и клобуки с монахов, его проклянет церковь, и он очутится в тюрьме. Но обязательно вырвется на свободу и зазвонит во все колокола!..

— Но... — начала Анжелика, приподнимаясь.

— Нет, не двигайся, — прошептал он.

«Наверное, сумасшедший...»

Юноша слегка навалился на нее и потрепал по щеке:

— Не плачь, не надо! — ласково проговорил он. Все будет хорошо!

— Я уже не плачу, — ответила замороженная Анжелика. Всмотревшись, она увидела, что веселое лицо незнакомца в слезах.

— Я тоже люблю спать в сене, — продолжал он. — Когда я влез в шаланду, ты спала и слезы текли по этому прекрасному лицу. Я приласкал тебя, чтобы утешить, а ты все просила: «Еще, еще!..» Я вытер тебе лицо и увидел, что оно прекрасно, как роза, распутившаяся после дождя, на которой еще сохранились капельки живительной влаги. Этот носик подобен белой хрупкой раковине, найденной на берегу моря, эти губки подобны лепесткам лилий, а шейка кругла и обольстительна. Глаза твои — два бирюзовых кристалла, а грудь тверда и нежна, как у молоденькой девушки, еще не познавшей материнства... О, как ты прекрасна!

Анжелика, словно во сне, слушала эти признания.

— Но как вы смогли все это увидеть? Ведь здесь же темно! — удивилась она.

— Я осмотрел тебя, пока ты спала. И еще я заметил, что ноги твои кровоточат. Вероятно, ты убегала от кого-то. И нож Родогона под корсажем. Ты умеешь им пользоваться?

— Может быть, — в тон ему ответила Анжелика. — Но все же кто вы?

— Я — ветер!

— Тогда я — дождь.

Он засмеялся и взял ее за плечи.

— А что делают дождь и ветер, когда встречаются друг друга? — Он наклонился к Анжелике и припал к ее губам долгим поцелуем, состоявшим из множества южных и страстных поцелуев, сменявших друг друга.

Незнакомец умел нежно любить, и его трепетные ласки растрогали Анжелику.

«Я была такая слабая, — подумала она, — а теперь усталость прошла...»

Незнакомец приподнялся на локте и внимательно посмотрел на молодую женщину.

— Презабавно, — сказал он. — Я встречал развратных аристократок, но ласковых и нежных нищенок не знал никогда. Ты создана для любви. Я всегда буду любить тебя... И даже там, на небе, кота меня повесят!

Когда был уже полдень, они вылезли из шаланды. Лодочники, заметив их, стали забрасывать камнями. Незнакомец неожиданно повернулся к ним и весело засмеялся.

— Но все же как вас зовут? — на бегу крикнула Анжелика.

— Скоро ты все узнаешь!..

Он вышел на набережную и исчез, словно его и не было. Анжелика растерянно шла по улице, не зная, что делать. Но этот весенний день запомнится ей на всю жизнь, полную неожиданностей и приключений.

Глава 6.

Прогулка по Новому мосту

Фантастическое появление незнакомца немного успокоило Анжелику и отодвинуло на задний план мысли о ночной встрече с Дегре.

Но она изменила Николая! Вообще-то, ничего, кроме нищеты, Анжелику с ним не связывало. За пищу и кров она платила ему своим прекрасным телом, которого он давно жаждал. Так что теперь они в расчете.

Некоторое время Анжелика размышляла, куда ей теперь идти. Светило яркое солнце, и внезапно она осознала, что настало самое прекрасное время года — весна! Слова незнакомца всколыхнули ее душу начавшее уже черстветь сердце. Впервые она оценила всю прелесть Нового моста, где сейчас находилась, одного из красивейших мостов через Сену.

Анжелика брела вдоль маленьких лавчонок и магазинов, торговавших всякой всячиной. Ноги ее были босыми, платье порвано. Она где-то потеряла свой чепец, и длинные волосы тяжело ниспадали на плечи.

Лавочники на все лады зазывали покупателей. Тут же продавали цветы. Одна из торговок подозвала Анжелику и попросила помочь составить красивый букет. Анжелика всегда отличалась хорошим вкусом и легко справилась с заданием. Цветочница дала ей два су, поблагодарила и сказала:

— Ты очень молода, а так разбираешься в цветах. Обычно этому искусству учатся полтора-два года. Если хочешь, давай работать вместе. Я хорошо заплачу тебе.

Но Анжелика отрицательно покачала головой, взяла деньги и удалилась. Впервые в жизни она держала деньги, заработанные собственным трудом. Анжелика сразу же купила два сладких пряника и с удовольствием их съела.

Возле кафедры Великого Мотье оживленно переговаривалась группа людей, и Анжелика подошла к ним. Резиденция эскулапа располагалась напротив огромной статуи Анри IX. Мотье громко

зазывал к себе клиентов. На небольшой Платформе расположился оркестр, состоявший из трех музыкантов. Под звуки музыки Мотье выдергивал больные зубы своим пациентам, которых в шутку называл «жертвами». Сначала он отсылал больного к торговцу водкой, и, после того как тот, опрокинув добрый стаканчик «лекарства», уже ничего не соображал и не испытывал никакой боли, он усаживал его в кресло. Величественной походкой Великий Мотье шествовал от одного пациента к другому. Перья его громадной шляпы развевались на ветру, как флаги. На шее красовалось ожерелье из вырванных зубов, а длинная шпага колотила его по щиколоткам. Расхаживая по кафедре, великий эскулап на все лады расхваливал свои травы, лекарства и настои. Это был самый знаменитый дантист в Париже, а возможно, и во всей Франции.

— Вся наука — чепуха! — разглагольствовал Великий Мотье. — Я — практик. У меня есть средства от любых болезней. Есть снадобье даже для стариков, захотевших перед смертью зажать молодую девку...

Эта тирада эскулапа рассмешила Анжелику. Великий Мотье, заметив Анжелику, приветствовал, ее дружеским жестом.

Поодаль на деревянной эстраде сидел старый моряк с обезьянкой на плече.

— Я расскажу вам про Америку, — говорил он пропитым голосом. — Удивительная страна! Всего одно сольди с человека, и я поведаю о своих приключениях в экзотической земле!

Так он зарабатывал себе на жизнь. Анжелика живо представила себе неведомую страну — мечту ее детства и глубоко вздохнула.

Вдруг неподалеку она увидела целую группу своих старых знакомых. Тут были Жоктанс и Баркароль, Большая Сумка и Снегирь, Красавчик и Гобер. Они что-то затевали, уже облюбовав подходящую жертву.

Снегирь бросился к ней и взял за руку:

— Маркиза, или я брежу? Мы думали, что тебя больше нет в живых, что тебя разорвала проклятая собака! А двоих наших уже повесили сегодня на Гревской площади...

Вся банда плотным кольцом окружила ее. Перед ней вновь стояли жестокие, опустившееся люди с перекошенными рожами. Воровской мир крепко держал ее в преступных объятиях, и цепь, связывающую ее с ним, нельзя было разорвать одним махом. Хотя после встречи с

таинственным незнакомцем у Анжелики появилась надежда, ей вдруг захотелось вырваться из этого мира, живущего одним-единственным сегодняшним днем.

— Сейчас мы позабудемся, — сказал Снегирь. — Знаешь, почему мы гуляем по мосту среди бела дня?

Сегодня крошка Флико будет демонстрировать нам свое искусство. Мы принимаем у него экзамен.

Флико был одним из многих мальчишек башни Несль. Он только недавно попал в банду Каламбредена. Сегодня Флико облачился в красивый костюм и новые башмаки, в руках держал школьную сумку и мог сойти за ученика, прогуливающего уроки. Жоктанс давал мальчику последние наставления.

— Слушай меня внимательно, малыш, — тихо говорил он. — Сегодня ты долями устроить настоящую свалку, а не просто стащить чей-то кошелек. С этим ты уже отличие справляешься. От тебя требуется лишь затеять драку, переполох. Остальное за нами. Ты понял?

— Да, — ответил Флико, утирая рукавом нос. Бандиты внимательно следили за прохожими, — Вон, гляди, идет господин с расфуфыренной дамочкой. Давай, дружок, с Богом. Удачи!

Почтенный буржуа остановился у кафедры Великого Мотье. И тут Снегирь заорал:

— Господин, у вас крадут кошелек!

Все обернулись и увидели Флико за работой. Буржуа схватил мальчишку за руку, а нарядная спутница закричала не своим голосом:

— На помощь! Полиция! Нас грабят!..

Начался страшный переполох. Все с криком бросились ловить вора, а люди Каламбредена еще больше подливали масла в огонь, давая возможность товарищам делать свое дело. Все шло по заранее обдуманному плану. В этакое суматохе легче шарить по карманам и вырывать сумки у зазевавшихся прохожих.

— Вот он! — кричали люди. — Держи вора!..

Разошедшиеся продавцы фруктов швыряли яблоки и апельсины в разгоряченную толпу. Красавчик ловко обчищал карманы зевак, незаметно вытаскивая кошельки, туго набитые луидорами. Наблюдавший за всем этим Мотье давал с кафедры указания:

— Так, так, ребята, хорошо! Поддайте ему покрепче! Вон у того лавочника толстый кошелек! А ты куда уставился, старый осел? Он же лапает твою жену! Хорошая встряска никому не помешает, а у меня будет больше клиентов. Так его...

Анжелика стояла в стороне и буквально задыхалась от смеха.

— Веселишься, крошка! — раздался рядом незнакомый голос, и сильная рука сжала ее запястье. Анжелика резко повернулась и увидела полицейского сыщика в штатском. — Почему они дерутся, может быть, ты знаешь, красотка?

— Ой, смотрите быстрее, что там наверху? — воскликнула она, указывая на небо.

Сыщик задрал голову. Этого было достаточно: Анжелика свободной рукой резко ударила его по горлу ребром ладони, как учила ля-Поляк. На губах полицейского выступила кровь, и он рухнул, как подкошенный.

Вечером все собрались в башне Несль.

— Да, богатый урожай, — сказал Николя. Тут же около стола столпились все бандиты и среди них Флико. Жанин Деревянный Зад занял свое обычное место на столе. Все были довольны. Поднесли вино я закуску. Праздник по случаю удачного сбора урожая на Новом мосту начался.

Глава 7.

Мечты об Америке

— Анжелика, — прошептал Николая. — А если бы ты совсем не вернулась!

— Ну и что бы тогда случилось?

Он притянул ее к себе и обнял.

— Не надо, Николая. — Анжелика высвободилась из его железных объятий, медленно подошла к окну и прислонилась лбом к решетке.

Небо было темно-фиолетовое, в воздухе витал нежный аромат цветущих фруктовых деревьев с окраины Сен-Жермен. Николая подошел сзади и обнял ее.

— Ну и что бы ты делал, если бы я не вернулась? — поинтересовалась она.

— Если бы тебя посадили в тюрьму Шателе, я сумел бы освободить тебя. Если бы проклятая собака покусала тебя, я убил бы и ее, и ее хозяина. Но если ты изменишь мне, я убью и его, и тебя. Не думай, что ты сможешь так просто уйти от меня! У нас здесь не предадут и не обманывают, как там, в высшем свете. Мы очень многочисленны и сильны. Я достану тебя из-под земли — в церкви, в монастыре и даже в королевских покоях. У нас везде свои люди. Я бы... — Он все больше распалялся. — Если ты меня когда-нибудь обманешь, берегись!..

— Свинья! Вспомни ля-Поляк! — закричала ему в лицо Анжелика.

— Прости... — смутился он. — Я был пьян.

— Ладно уж, прощаю, — улыбнулась Анжелика и забралась на их ложе. — Иди ко мне!

Каламбреден быстро насытился, но еще долго ласкал уже уснувшую Анжелику. Звездный свет проникал через решетчатое окно, отражаясь в зеркалах, и казалось, любовники лежат под открытым небом.

Вскоре Анжелика проснулась и дернула за руку храпевшего рядом Николая:

— Помнишь, как в детстве мы мечтали всей вашей компанией убежать в Америку к индейцам — воевать с ними, помнишь? Может, нам действительно стоит туда отправиться?

— Куда-куда? В Америку? — переспросил ее сонный Николая. — Ты в своем уме, моя дорогая маркиза?

— Николая, поверь мне, я говорю совершенно серьезно. Америка — свободная страна. Мы тоже были бы там свободны и счастливы... А здесь что нас ждет?! Для тебя — тюрьма или каторга, если не отвезут на Гревскую площадь... Подумай, что будет со мной, если тебя упекут в тюрьму!

— Во Дворе Чудес не думают о завтрашнем дне, — раздраженно ответил он. — Хватит, замолчи!

Но Анжелика настойчиво продолжала:

— Там, в Америке, у нас будет своя земля. Мы станем ее обрабатывать. Я нарожаю тебе кучу детей...

— Ты в самом деле сошла с ума, Анжелика! Неужели ты думаешь, что я просто так уступлю Родогону Сен-Жерменскую ярмарку?

Она не ответила и закрыла глаза. Анжелика уже не слушала Николая.

Ночью он несколько раз просыпался, она смеялась во сне, и Николая даже хотел разбудить ее.

Анжелике снилось, будто она плывет по морю в шаланде, лежа на душистом сене, и легкий ветер ласкает ее лицо. Она была счастлива, а мрачные мысли остались вдалеке.

Глава 8.

Тухлый Жан — продавец детей

Однажды, летним вечером, Тухлый Жан заглянул в резиденцию Каламбредена. Он явился, чтобы повидать нищенку по кличке Фанни-Несушка. Это была своеобразная женщина, профессия ее ни для кого не являлась секретом: обычная проститутка, по натуре она была актрисой и просила милостыню только для развлечения. Основным ее занятием было рожать и продавать детей. Тухлый Жан уже купил ребенка, которого она еще носила под сердцем. И сегодня он пришел узнать, как чувствует себя младенец в утробе матери.

Фанни вязала в углу. Она никогда не сидела сложа руки. Жан направился к ней развязной походкой.

— Привет, Фанни. Ну как наш младенчик?

— О, прекрасно. Но за него, — она указала на свой живот, — ты заплатишь мне больше, чем обычно, потому что у него будет хромая нога.

— Откуда ты знаешь? — удивился Жан.

— Так ведь я спала с хромым!

Бродяги грохнули смехом. А сидевшая тут же за столом ля-Поляк заметила:

— Считай, что тебе крупно повезло, — еще и клиента успела разглядеть. А может, он вдобавок был и без ...?

Хохот грянул с новой силой.

Анжелика ненавидела Тухлого Жана. Ее маленькая обезьянка Пикколо, возбужденная громким смехом, прыгнула на плечо Тухлому Жану и вырвала у него из головы клоч волос.

— Проклятое животное! — заорал он, защищая руками лицо и глаза.

Анжелика смеялась, довольная поступком своей любимицы. Она не скрывала неприязни к продавцу детей, хотя многие остерегались Тухлого Жана из-за его связи с Великим Коэсром.

Жан ругался на чем свет стоит. Он уже докладывал Коэсру, что люди Каламбредена стали неуправляемыми. В своей части города они считают себя хозяевами. Но придет время — они за все поплатятся!

Чтобы как-то разрядить обстановку, ля-Поляк пригласила продавца к столу и налила ему котелок кипящего вина. Вероятно, природа наделила Тухлого Жана рыбьей кровью. Он мерз даже в разгар жаркого лета. Глаза продавца были сине-зеленого цвета, а кожа — всегда потной.

По мере того как Тухлый Жан пил и согревался, ужасная улыбка искажала рот, обнажая гнилые зубы. Внезапно в зал вошел старик со своим внуком Дино.

— А вот и ты, мой красавчик, — Жан потирал руки. — Ну, старик, решено! Я даю пятьдесят ливров за твоего сопляка.

Нищий растерянно смотрел на торговца.

— А что мне делать с вашими ливрами? Кто же тогда будет играть на барабанах?

— Научишь другого мальчишку.

— Но он ведь мой внук! — заплакал старик.

— А разве ты не хочешь видеть его счастливым? — злорадно ухмылялся Жан. — Ты только представь себе: твой внук будет носить бархатный костюм с кружевным воротником. Клянусь! Я уже наметил одного знатного сеньора, ему-то я и продам твоего щенка. Он наверняка станет его любимцем, а в будущем, если не окажется глупцом, обеспечит себе карьеру. — И Тухлый Жан потрепал светлые кудряшки ребенка. — Как ты думаешь, Дино? — обратился он к ребенку. — Хочешь иметь красивую одежду и есть на серебряной посуде?

— Не знаю, — смущенно ответил малыш.

Он не мог себе этого даже представить, потому что родился и вырос в нищете, как и его предки. Луч заходящего солнца, пробившийся в просвет двери, осветил кудрявую головку мальчика. У него были длинные загнутые ресницы, большие черные глаза и красные, как вишни, губы. С изяществом носил он свое оборванное платье.

— Какой красивый мальчуган, — громко вздохнула одна из женщин.

Природа создавала его для роскоши и достатка, но судьба распорядилась по-иному.

— Ну что, по рукам? — снова завел Жан свою песню, беря мальчика за плечи. — Пойдем со мной, птенчик!

— Нет, я не согласен. — Старика била дрожь. — Я люблю его, и ты не имеешь права отнимать у меня внука!

— Но я его покупаю — возразил Жан. — Пятьдесят ливров — целое состояние для такого нищего, как ты...

Он взял Дино за руку и пошел к выходу. Но у двери стояла Анжелика, направив в него нож, как учила ля-Поляк.

— Оставь ребенка, ублюдок, или я распорю тебе брюхо, — сказала она на бандитском жаргоне.

Жан перепугано попятился.

— Я не разрешаю тебе без ведома Каламбредена забирать ребенка!

Анжелика отвела Дино к плачущему деду. Тухлый Жан от неожиданности потерял дар речи. Потом лицо его потемнело. Как смеет эта шлюха перечить ему, приятелю самого Великого Коэсра?! Взяв себя в руки, он с трудом процедил:

— Ладно, черт с тобой! Я подожду Каламбредена.

Потоптавшись, продавец детей сел рядом с ля-Поляк.

— Налей себе еще вина, — предложила ля-Поляк. — И имей в виду, что Каламбреден исполняет все прихоти маркизы... — пробормотала она с нескрываемой завистью.

Бросив злобный взгляд в сторону Анжелики, он взялся за кружку с вином.

Неожиданно открылась дверь, и женский голос произнес:

— Тухлый Жан здесь?

— Входи, — отозвался Снегирь.

Свечи осветили крупную женщину, рядом с ней стоял лакей в рыжей ливрее и держал в руках корзинку. Она обратилась к Жану:

— Мы искали тебя на окраине Сен-Дени, но нам сказали, что ты здесь, в башне Несль. Наверное, ты обогнал нас на целый час, — продолжала она, поправляя воротник платья, на груди ее сверкнул медальон с цепочкой.

Мужчины, сидевшие за столом, с любопытством посмотрели на пышную, хорошо одетую женщину. Анжелика отошла в темный угол зала, от волнения на ее висках выступил пот. В вошедшей она сразу же узнала Бертилью, горничную графини Суассон — богатой аристократки, которой всего несколько месяцев назад Анжелика продала своего верного Куасси-Ба.

— В чем дело? — спросил Тухлый Жан, доливая вино. — У тебя что-то есть для меня?

Женщина подошла ближе и вынула из корзины сверток. В нем оказался новорожденный.

— Вот, он тебя заинтересует.

С видом знатока Жан осмотрел «товар».

— Ну что, худой, но сложен неплохо. Я, тебе дам за него тридцать ливров.

— Тридцать? Да ты посмотри повнимательней. Ты не ценишь удачу, которую я принесла!

Разбуженное существо вдруг зашевелилось.

— Боже мой! — воскликнула ля-Поляк. — Да у него темная кожа!

— Тихо! Это ребенок мавра, — объяснила служанка, — он метис. Знаешь, каким он станет, когда вырастет? Черноглазый с кожей цвета орехового дерева. Через пять-шесть лет ты продашь его какому-нибудь сеньору за бешеные деньги... Кто знает, может, ты даже продашь его собственной матери, графине Суассон? Теперь ты понял?

В глазах Тухлого Жана заплясали огоньки.

— Ладно. Я даю тебе сто ливров.

— Нет, сто пятьдесят.

— Ты с ума сошла? Хочешь разорить меня, прохвостка? Знаешь, сколько денег понадобится на его воспитание и кормежку?

Начался торг. Пока они торговались, через потайной ход в зал вошли Каламбрден, Баркароль и несколько других бандитов.

— Как я могу поверить, что у тебя действительно сын мавра? — спросил Жан.

— Клянусь тебе, что его отец был черным, как дно прогоревшей кастрюли.

Сидевшая рядом Фанни воскликнула:

— Святая Мария! Да неужели твоя госпожа могла спать с таким страшилищем? Я бы никогда не решилась. Я слышала, что мавру достаточно посмотреть на белую женщину, чтобы та забеременела.

Бертилья подошла и села за стол.

— Налей мне вина, ля-Поляк. Сейчас я расскажу вам всю историю. Моя госпожа вначале была любовницей короля. Но когда его величество узнал, что делит любовницу с мавром, то пришел в ярость и в Лувре на балу повернулся к ней спиной. Но моя хозяйка -хитрая,

бестия. Официально она должна родить в декабре. Мавра не стало в феврале. И если она родит в декабре, значит, мавр не отец ребенка... Я слышала, как однажды она говорила своей подруге: «Ужасный ребенок уже ворочается во мне. Он меня связывает. Я не знаю, как буду танцевать сегодня на королевском балу...» Потом, в феврале, ей принесут другого, белого ребенка, и весь двор скажет: «Да, мавр здесь ни при чем, потому что известно, что его отправили на каторгу еще в феврале месяце!»

— А почему его сослали на каторгу? — любопытствовала Фанни.

— Да это все из-за истории с колдуном. Он оказался соучастником какого-то хромого колдуна, которого сожгли на Гревской площади.

Анжелика задрожала — прошлое опять соприкоснулось с настоящим. Она крепче прижала к себе обезьянку и собиралась уйти наверх, но ей очень захотелось дослушать историю.

— Да, — продолжала Бертилья, — мавр умел предсказывать судьбу и его обвинили в колдовстве. Моя хозяйка обращалась к самой ля-Вуазин, но та, узнав кто отец ребенка, наотрез отказалась избавить ее от проклятого плода...

Как карапуз, переваливаясь с ноги на ногу, к столу подошел Баркароль.

— Да, припоминаю, я видел вас у моей хозяйки ля-Вуазин. Я, маленький дьявол, открываю двери всем посетителям.

— Я тоже тебя помню, — пролепетала пьяная Бертилья.

— Прорицательница действительно отказала твоей графине, потому что ребенок от мавра, она сразу так сказала. Моя колдунья все знает!

— Да, графиня просила и даже угрожала ля-Вуазин, та была неумолима. И моей госпоже пришлось рожать. Ля-Вуазин согласилась лишь принять роды, и то выкачала из моей хозяйки кучу денег. И вот, прошлой ночью, в Фонтенбло, графиня Суассон наконец родила. Все было заранее обусловлено и осталось в полнейшей тайне. На рассвете я отвезла хозяйку домой. Но для всех она осталась беременной, а в декабре «родит» белого младенца и покажет его мужу. А мне за труды графиня подарила золотую цепочку и медальон, — закончила свой рассказ Бертилья. — Да, вот еще что, — обратилась она к Баркарوليو. Скончался любимый карлик королевы. А ведь наша королева беременна, и ей никак нельзя сильно переживать... Карлица, жена

покойного, в отчаянии, никто не может ее утешить. Я думаю, что ей скоро понадобится новый супруг...

— О, я знаю, что сразу понравлюсь этой почтенной даме! — воскликнул Баркароль. — Я ведь мужчина в соку... Отведи меня к королеве, красотка, вот увидишь, я понравлюсь вдове!

— Но карлица говорит только по-испански!

— Неважно! Зато я говорю на всех языках! — громко захохотал карлик.

Слушатели тоже засмеялись.

— Не забывай своих друзей, когда станешь богатым, — процедил Каламбрден сквозь зубы.

— Чтоб я сдох под забором! — воскликнул Баркароль, скрестив пальцы знакомым жестом.

Бертилья ушла. Все были возбуждены услышанной историей. На столе опять зазвенели кружки с вином. Анжелика вышла из укрытия. Карлик, заметив ее возле стола, низко поклонился:

— Дорогая маркиза, — произнес он. — Разрешите назначить вам свидание у королевы! — И он быстро выбежал из зала, хлопнув дверью.

В ту ночь в башне Несль долго не смолкали голоса, и только под утро воцарилась тишина.

Глава 9.

Анжелика разыскивает сыновей

Королевский двор располагался в Фонтенбло. Нельзя было найти более прекрасного места, с удивительным замком, построенным из белоснежного мрамора еще во времена Франциска I. Воздух был свеж из-за множества фонтанов, расположенных во дворе и в садах замка. В таком окружении Людовик XIV вершил государственные дела, развлекался и любил. В настоящее время он был без памяти влюблен в Луизу де Лавальер.

— У короля новая фаворитка, — с завистью перешептывались придворные дамы.

Король-Солнце любил театр, и для него устраивали представления на лоне природы, где Луиза де Лавальер изображала то Диану, бегающую по лесу, то Венеру — богиню любви.

Придворным ничего не оставалось, как подражать своему властелину. Они отлично понимали, что влиять на короля можно только через любовницу. И вот тут началось...

Придворные плели сложнейшие интриги, чтобы получить теплое место, заслужить королевскую милость, покровительство ним пожизненную ренту.

Пока королева, занятая будущим материнством, коротала время в своих апартаментах в обществе любимой карлицы, король устраивал бесконечные обеды и карнавалы. Жизнь Людовика XIV проходила на виду у всего двора, и потому было трудно что-либо скрыть. Некогда просто строптивый мальчик, а теперь монарх, познавший сладость власти, твердо правил страной и своими подданными. И повсюду за ним неотступно следовала новая фаворитка короля Луиза де Лавальер.

Анжелика сидела на берегу Сены, вдыхая зловонный запах гниющей тины. Она взглянула на солнце, опускающееся за квадратные башни собора Нотр-Дам. Неугомонные ласточки наслаждались последними отблесками дня. Иногда птицы опускались на берег, хватали клювом немного глины и тут же взмывали ввысь.

Неподалеку к Сене спускалась дорога. В вечерний час вереницы лошадей, подгоняемые мальчишками, направлялись к водопою. Их

негромкое ржание далеко разносилось в прозрачном воздухе.

Уставшие за день извозчики медленно распрягали лошадей. Бросив последний взгляд на Нотр-Дам, она поднялась.

— Я должна увидеть своих сыновей, — решительно сказала она себе.

Паромщик за два сольди доставил ее в порт Святого Ландрю. Анжелика прошла по улице и остановилась в нескольких шагах от дома, где жил прокурор Фалло де Сансе. Она вовсе не хотела появляться в доме своей сестры в таком оборванном виде.

Мысль о том, что она сможет хоть одним глазком увидеть своих крошек, придавала ей сил. С недавних пор это желание стало навязчивым. Личико Флоримона возникало в ее сознании после приступов ярости, частенько наступавших у нее со дня казни мужа. Анжелика видела его вьющиеся черные волосы, слышала лепет ребенка... Сколько ему теперь лет? Немногим более двух... А Кантор? Тогда ему было всего семь месяцев, и Анжелика не представляла сына. Ведь она оставила его здесь совсем-совсем крохой!

Прислонившись к стене сапожной лавки, она рассматривала фасад дома. Год назад Анжелика приезжала сюда в позолоченной карете проведать сестру. Именно отсюда она отправилась на триумфальный въезд короля. И здесь Като ля Борше передала ей заманчивое предложение суперинтенданта Фуке:

— Соглашайтесь, дорогая моя! Так все же лучше, чем вообще потерять жизнь!

Но она отказалась. И потеряла все.

— Разве я не потеряла жизнь? — часто задавала себе вопрос Анжелика.

Сейчас у нее не было ни имени, ни прав, ни средств. Она попросту не существовала для общества.

Шло время, на верхних этажах дома было темно. Сквозь грязные стекла первого этажа можно было различить силуэты нескольких клерков, сидящих за столами. Один из них вышел, чтобы зажечь фонарь перед входом в здание. Анжелика подошла к нему:

— Скажите, пожалуйста, господин прокурор у себя или уехал в деревню?

Прежде чем ответить, клерк окинул собеседницу с головы до ног.

— Прокурор здесь больше не живет, — грубо ответил он. — После процесса о колдовстве, в котором была замешена его семья, он оставил свой пост и переехал в другой район.

— А вы не знаете, куда именно?

— Нет, не знаю. Но если бы и знал, тебе бы не сказал. Ты не похожа на его клиентку.

Он вошел в дом и хлопнул дверью. Анжелике стало горько, комок подкатил к горлу, и она почувствовала, что вот-вот разрыдается. Последнее время Анжелика жила лишь мыслью, что хоть на секунду увидит милые личики своих детей. И вот они исчезли навсегда. Она присела на какой-то ящик, чтобы не упасть.

Вдруг дверь мастерской открылась, и вышел сапожник, чтобы закрыть окна. Он слышал ее разговор с клерком.

— Я знаю, где работает служанка прокурора, — сказал он, снимая очки с худого лица. — Последний раз я видел ее в лавке торговца жареным мясом на улице Вале де Мизер под вывеской «Храбрый Петух».

Анжелика поблагодарила сапожника и отправилась искать таверну. Улица Вале де Мизер находилась позади тюрьмы Шателе. На ней располагалось множество таверн и кабачков.

День и ночь здесь сновали люди. Место было бойким и популярным в Париже. Харчевня «Храбрый Петух» оказалась одной из самых захудалых.

Анжелика вошла в полутемный зал. За прилавком стоял толстый хозяин в грязном берете. Перед ним был стакан с вином, которым он занимался больше, чем клиентами.

Посетителей было немного. Несколько бродяг и мелких торговцев беседовали между собой за рюмкой водки. Осмотревшись, Анжелика обратилась к хозяину:

— Скажите, пожалуйста, работает ли у вас служанка Барба?

Тот небрежно указал на кухню.

Зайдя туда, Анжелика сразу же узнала Барбу. Та сидела в углу и ощипывала тощую курицу.

— Барба!..

Служанка тяжело подняла голову, вытерла рукой пот со лба и устало ответила:

— Чего тебе, нищенка?

— Барба! — повторила Анжелика, улыбаясь. — Разве ты не узнаешь меня?

Через мгновение лицо Барбы просияло, глаза от удивления расширились, и она с громким криком бросилась на шею Анжелике.

— О, мадам графиня! Извините меня, пожалуйста! Я вас сразу не узнала!..

— Не называй меня «мадам», — глухо возразила Анжелика и осторожно облокотилась на край очага. — Скажи, Барба, где мои мальши?

Полные щеки Барбары задрожали, она разрыдалась:

— Они у кормилицы в деревне Лоншат...

— Разве они не у моей сестры Органс?

— На следующий же день после вашего ухода она отправила их к кормилице. А потом и я покинула дом прокурора и сейчас работаю здесь. Теперь так трудно зарабатывать себе на жизнь. Она продолжала плакать, ее красное лицо стало мокрым от слез.

Барба еще что-то говорила, а Анжелика прикидывала, как найти деревню Лоншат.

— Где ты живешь, Барба?

— Тут же наверху, мадам.

— Не называй меня «мадам»!

На пороге кухни показался хозяин «Храброго Петуха» — почтенный господин Бурже.

— Барба, когда будет готова курица? — закричал он. — А это еще кто такая? А ну, убирайся прочь паршивая нищенка! Вон!

Но Анжелика Маркиза Ангелов в тот вечер была настроена агрессивно. Она повернулась к хозяину, уперла руки в бока и вылила ему на голову весь словарь ля-Поляк:

— Заткнись, старое лысое чучело! И если ты, дырявая толстая бочка, произнесешь еще хоть одно слово, я заткну тебе глотку!

— О, мадам! — воскликнула пораженная до глубины души Барба.

А Анжелика, воспользовавшись растерянностью хозяина, прошмыгнула на улицу, успев шепнуть служанке, что будет ждать ее после работы возле забора харчевни. Поздно вечером Барбара отворила калитку и впустила во двор свою бывшую хозяйку.

— Пойдемте ко мне, мадам. Но у меня в комнате так бедно...

— Успокойся, я сама успела познать нищету, — ответила Анжелика, снимая сабо, чтобы не шуметь.

Они вошли в чистую комнатку и присели на кровать.

— Простите, пожалуйста, хозяина, мадам. Вообще-то, он добрый человек. Но после смерти жены запил и дела его совсем пошатнулись.

— Можно я останусь у тебя на ночь? — устало спросила Анжелика. — Завтра с рассветом я пойду искать своих детей.

— О, мадам, для меня большая честь!

— Не называй меня «мадам», Барба. Я не похожа на мадам. Посмотри, я нищая!

— Мадам, — пролепетала Барба. — А расчесывает ли кто-нибудь ваши волосы?

— Не плачь, Барба, прошу тебя!

— Если мадам мне позволит... У меня есть расческа. Я бы как там, в Тулузе...

— Ну, если хочешь... Только не плачь, умоляю!

— Я не плачу больше, мадам...

— Я верю, что придет день, и все плохое кончится. Мы еще доживем, Барба!

Ту ночь они спали на одной кровати. Служанка Барба и блистательная графиня де Пейрак, ставшая нищенкой по иронии судьбы.

Ранним утром, пока еще все спали, они тихонько спустились на кухню. Барба дала Анжелике выпить теплого вина и завернула на дорогу несколько ватрушек. На прощание Анжелика крепко поцеловала свою бывшую служанку и двинулась по направлению к Сан-Оноре.

За городом ее путь лежал в сторону деревни Лоншат, где, по словам Барбы, должны были находиться ее малыши. Анжелика еще не знала, как поступит. Может, только украдкой посмотрит на них со стороны. Вскоре она дошла до нужной деревни. Спросив, где находится дом кормилицы Маво, Анжелика остановилась на противоположной стороне улицы.

У дома в пыли играли несколько детей под присмотром девочки-подростка. Малыши были худенькие. Анжелика тщетно пыталась найти среди игравших детей Флоримона.

Неожиданно из ворот вышла дородная женщина. Анжелика поняла, что это и есть кормилица, и смело приблизилась к ней:

— Могу ли я видеть двух мальчиков, которых привезла к вам мадам Фалло де Сансе?

Крестьянка оглядела ее с ног до головы:

— За детей уже давно никто не платил. А тех денег, что оставила мадам, хватило только на месяц. Я ездила в Париж, но мне сказали, что она переехала. Ну и манеры и поведение у судейских крыс! Все они одинаковы — что прокуроры, что адвокаты.

— А где сейчас дети?

— Где-то во дворе. Я занимаюсь теми детьми за которых мне платят положенное.

Подошла девочка, наблюдавшая за детьми:

— Пойдемте со мной. Я покажу их.

Анжелика пошла за девочкой. Внезапно у нее защемило сердце от недоброго предчувствия. Девочка провела ее во двор фермы и впустила в хлев, где жалобно мычали две тощие коровы. Позади кормушки Анжелика увидела ящик, в нем сидел ребенок примерно десяти — двенадцати месяцев от роду. Он был совсем голенький. На дне ящика валялись какие-то грязные лохмотья. Ребенок с жадностью, сосал свой пальчик. Анжелика выволокла ящик на свет.

— Я перетащила его в хлев, — пробормотала девочка, — ночью здесь теплее, чем в погребе, куда его бросила хозяйка. В хлеве можно найти корочки хлеба, а когда я дою коров, то всегда даю ему немножко молока...

Пораженная Анжелика молча смотрела на ребенка. Он никак не мог быть Кантором — тот родился блондином, а у этого малыша были темно-каштановые волосы. Но тут ребенок повернулся к ней лицом.

— О, мадам, у него такие же красивые глаза, как и у вас! — воскликнула девочка. — Значит, он это ваш ребенок?

— Да, — смущенно призналась Анжелика, — я действительно его мать. А где же старший?

— Он всегда прячется в собачьей конуре.

— Жавотта! — грубо гаркнула подошедшая кормилица. — Не суйся не в свои дела!

Но Анжелика уже направилась к будке.

— Он все время прячется за собаку, потому что боится, что его станут снова бить...

Наконец они выманили собаку, и Жавотта вытащила из будки Флоримона. На ребенка невозможно было смотреть без слез. Он напоминал скелет, одетый в лохмотья.

Анжелика опустилась на колени перед сыном и убрала волосы с его лба. На бледном и изможденном личике, как угольки, блестели черные глаза. Стояла жаркая погода, но ребенок непрерывно дрожал, его кожа была покрыта толстой коркой грязи.

Анжелика подошла к кормилице.

— Вы хотели, чтобы они умерли с голоду? — гневно спросила она. — Ведь вы их специально оставили медленно умирать в грязи. Вы — подлая женщина, и Бог покарает вас!

Крестьянка даже побелела от злости:

— Как ты смеешь, проклятая нищенка, указывать мне? А ну-ка, пошла прочь со двора!

Анжелика молча привязала Флоримона по-цыгански за спиной, а Кантора взяла на руки.

— Ты что собираешься делать? — возмутилась кормилица. — Сначала заплати, а потом забирай свои отродья!

Анжелика бросила на землю несколько монет. Крестьянка, зло рассмеялась:

— Ты должна мне сто луидоров. Давай денежки или оставь детей, не то я кликну соседей с собаками. Они покажут тебе, как воровать детей.

Кормилица загоразивала ей дорогу. Анжелика резким движением вытащила нож Родогона. Длинное острое лезвие заиграло на солнце.

— Уйди с дороги, тварь, или я выпущу твои тухлые внутренности!

Услышав воровской жаргон, кормилица попятилась. Она знала, на что способны люди парижского дна.

— И не вздумай звать на помощь. Иначе завтра твоя ферма вспыхнет огнем, а тебя найдут с перерезанным горлом. Ты поняла?

Крестьянка раскрыла рот, но не смогла произнести ни слова. Как загнипнотизированная, она следила за острием ножа.

— А-а... Проходи! — пролепетала она.

Анжелика спрятала нож и быстро вышла на деревенскую улицу. Не раздумывая, она направилась в сторону Парижа.

Еще долго крестьянка смотрела вслед удалявшейся нищенке. Анжелика, опустив голову, брела по краю дороги. Проезжающие кареты богатых господ обдавали ее пылью и грязью. Но она ни на секунду не останавливалась, боясь, что кто-то отнимет у нее бесценную ношу.

В башне Несль сидевшая за стаканом вина ля-Поляк помогла ей устроить детей, постелив свежей соломы на полу в зале.

Глава 10.

Флоримон на приеме у Великого Мотье

Каламбреден враждебно отнесся к появлению в башне Несль детей Анжелики. Он посмотрел на них с жалостью.

— Ты с ума сошла, — сказал он. — И как ты могла додуматься притащить сюда детей? Ты что, не видишь, чем здесь занимаются дети? Ты хочешь, чтобы они тоже побирались или попали в лапы Тухлому Жану?

Подавленная его справедливыми упреками, она в отчаянии ухватила за Николая:

— Но куда же мне деть их? Посмотри, что с ними сделали. Они умирали с голоду, и я привела их сюда, под твое покровительство. Ты ведь такой сильный, мой Николая!..

Анжелика всем телом прижалась к нему. Никогда еще Николая не видел у нее такого жалобного и покорного взгляда.

— Я не смогу их постоянно защищать, — подумал он вслух, качая головой. — Не смогу.

— Но почему? У тебя же власть! Тебя же все боятся! — из последних сил воскликнула Анжелика и разразилась горькими рыданиями.

— Я не так силен, как тебе кажется. Ты истрепала мне сердце. Такие, как я, — продолжал он задумчиво, — если у них начинает болеть сердце, совершают большие глупости. Иногда я просыпаюсь ночью и говорю себе: «Берегись, Каламбреден, аббатство Монта-Регре совсем рядом», и у меня мурашки бегут по коже.

— Не говори так, — прошептала Анжелика. — Единственный раз я прошу тебя об одолжении, мой дорогой Николая. Помоги мне, спаси моих крошек... Я буду любить тебя!..

— Ладно, подумаю, — ответил он и вышел.

Слезы Анжелики растопили его сердце. Детей прозвали ангелочками. Теперь они жили на парижском дне, полном опасностей и тайн. Спали на большом кожаном чемодане, туго набитом дорогими тканями из сокровищницы банды. Каждое утро им приносили молоко. Снегирь и Гобер подстерегали крестьянок, спешащих на парижские

рынки с медными бидонами на головах, и, так как здесь был самый короткий путь, крестьянкам ничего не оставалось, как отлить молочную дань для Ангелочков.

Флоримон и Кантор разбудили заснувшее сердце Анжелики. Прежде всего она повела их к Великому Мотье. Нужна была мазь для ран Кантора, да и крошке Флоримону требовалось лечение. Несколько месяцев назад, когда она оставила детей сестре, Флоримон уже хорошо говорил, сейчас же он все время молчал.

Утром Анжелика с детьми в сопровождении ля-Поляк отправилась на прием к Великому Мотье. Знаменитый дантист встретил их очень любезно. Он раздвинул занавеску, разделявшую на две части его эстраду, и проводил их, как знатных дам, в свой личный кабинет. Там, в кабинете, царил невообразимый беспорядок. Целый стеллаж был забит различными баночками с мазями, порошками, микстурами и настойками.

Эскулап тщательно осмотрел раны Кантора, затем присыпал их порошком собственного изготовления, пообещав, что через десять дней все болячки исчезнут, как мартовский снег.

С Флоримоном дело обстояло гораздо хуже. Мотье очень осторожно осмотрел его и вернул Анжелике. Несколько раз он прошелся по кабинету, задумчиво поскребывая подбородок, заглянул для важности в какие-то книги.

Анжелика сидела ни жива ни мертва.

— Что с ним? — спросила она слабым от волнения голосом. — Мой мальчик будет жить?

— Ничего опасного нет, — выпятив нижнюю губу, важно произнес Великий Мотье. — Ребенок очень истощен. Корми его понемногу, выводи на свежий воздух, и все обойдется. Сколько ему исполнилось лет, когда ты бросила сына?

— Почти два года, — пролепетала она.

— Очень опасный возраст, — задумчиво произнес Мотье. — Лучше бы такое случилось или сразу после рождения, или несколько позже. В этом возрасте дети только соприкасаются с жизнью, и нежелательно, чтобы они начинали познавать ее с плохой стороны.

Со слезами на глазах смотрела Анжелика на врача. Она поражалась, как красиво мог выражаться вульгарный грубиян.

— И еще запомни, — продолжал он повелительным тоном. — Главное сейчас, чтобы он не знал ни холода, ни голода, ни страха, чтобы его окружали одни и те же лица, чтобы он почувствовал себя счастливым. Только при таких условиях он останется жив. И мы погуляем еще на его свадьбе! — Мотье зашелся таким громким смехом, что все вокруг заходило ходуном.

Тут на эстраду поднялся клиент с распухшей щекой и страдальческой миной на лице.

— У, проклятье! — выругался дантист. — Нет от них покоя, не дают поговорить с людьми... — Он нехотя проводил женщин к выходу, ласково похлопывая их пониже спины.

— Знай главное, — крикнул он вдогонку Анжелике, держа в волосатых руках свои ужасные клещи. — Заставь его улыбаться!

При виде клещей клиент замычал что-то нечленораздельное, слабо застонал. Мотье задернул штору и приступил к лечению.

С этого дня в башне Несль все пытались всячески развеселить Флоримона. Для него пели и танцевали, но он всего ужасно боялся, зажмурился и дрожал, как осиновый лист на ветру. Единственным существом, не путавшим его, была обезьянка Пикколо.

Но однажды вечером кто-то заиграл на шарманке грустную мелодию. Анжелика, державшая Флоримона на коленях, почувствовала вдруг, как он вздрогнул и посмотрел на нее. Маленький ротик приоткрылся, обнажая мелкие, как росинки, зубки, и тихим глухим голосом, исходящим откуда-то изнутри, мальчик растерянно проговорил:

— Мамочка!..

Это было первое слово, услышанное Анжеликой от своего сына. Да, его здоровье восстанавливалось!

Глава 11.

Сен-Жерменская бойня

Лето подходило к концу. Наступил холодный и дождливый сентябрь.

— Скоро зима, — тихо промолвил Черный Хлеб, поеживаясь под своими лохмотьями и зябко протягивая руки к огню камина.

Мокрые дрова потрескивали в очаге большого зала башни Несль. Богатые буржуа доставали из сундуков теплую одежду. У богатых и у нищих — у всех свои заботы. Придворные были поражены внезапным арестом богатейшего суперинтенданта финансов, господина Фуке. Нищие же только и говорили об открытии ярмарки и о борьбе за власть главарей двух банд — Родогона и Каламбредена.

Арест г-на Фуке грянул как гром среди ясного неба. Всего за несколько недель до ареста король и королева были приняты суперинтендантом, любившим роскошь, в его новом замке Во ля-Виконт. Знаменитый замок, построенный архитектором Во, был украшен великолепными фресками художника ле Брюна.

Именитые гости осмотрели сады, обступившие замок (сады орошались специальным водопроводом), гроты, фонтаны и скульптурные ансамбли. После чего все отправились в Зеленый театр смотреть остроумную комедию молодого автора Мольера, называвшуюся «Несносные».

Молодой король с нескрываемой завистью смотрел на окружавшую его роскошь. И через пару дней, когда г-н Фуке садился в свою золоченую карету, к нему подошел мушкетер из личной охраны короля.

— Вы ошиблись каретой, монсеньор, — заявил мушкетер. — Садитесь, пожалуйста, туда, — он указал на черный экипаж с решетками.

— Что все это значит? — негодовал суперинтендант финансов.

— Именем короля, вы арестованы! — спокойно заявил мушкетер.

— Конечно, король — наш владыка — побелел от ужаса Фуке, — и ему видней. Но я хотел бы чтобы для своего собственного блага он иногда думал о будущем...

Таковы были последние слова суперинтенданта. Дело было сделано. Молодой король стремился к власти, сметая всех на своем пути. Этот арест был очень похож на предыдущий, произведенный год назад когда под стражу взяли графа Жофрея де Пейрак могущественного тулузского вассала, впоследствии сожженного на Гревской площади. Влиятельные особы догадывались, что оба ареста связаны между собой, но молчали, опасаясь опалы. Все знали, что Фуке в свое время помогал Фронде и что молодой король давно точил зубы на суперинтенданта.

Теперь Людовик XIV был спокоен и уверен в себе, постепенно убирая с дороги своих противников. Он даже знал, что Англия не заступится за Фуке, как случилось год назад, когда Тулуза восстала против ареста графа Жофрея де Пейрак. Да, это была великая победа Короля-Солнце, абсолютного монарха, говорившего своим немым придворным.

— Государство — это я, господа!

А что касается суперинтенданта Фуке, то о нем просто забыли. Все его дворцы и богатства перешли к королю, а для него самого потянулись долгие годы Бастилии.

У Анжелики не было времени следить за событиями, происходящими при дворе короля. Владетельные сеньоры готовили заговоры, предавали, входили в милость и опалу, возвышались и исчезали. Молодой король уравнивал головы своим придворным. Теперь никто не смел встать ему поперек дороги, и Король-Солнце будто бы успокоился. Никто ведь даже не догадывался, что крошечный сундучок с ядом, предназначавшийся королевской семье, до сих пор находился в одной из бойниц замка дю Плесси Бельер. Анжелика была единственным человеком, знавшим страшную тайну.

А сейчас она с ужасом ждала приближения зимы. Одной ей было бы легче, но теперь у нее на руках находились ее сыновья.

Если королевский двор жил спокойной привычной жизнью, то весь воровской мир Парижа притаился в ожидании страшной резни, которая должна была состояться на ярмарке Сен-Жермен. Пока король, королева и весь двор ждали рождения наследника французского престола, толпы бродяг из банды Родогона-Цыгана наводнили Париж.

Беспорядки на ярмарке Сен-Жермен испортили настроение парижанам с первых же дней после ее открытия. Там видели, как лакеи

избивали студентов, как какие-то люди переворачивали кареты и поджигали их и как знатные сеньоры протыкали друг друга шпагами. Трупы валялись повсюду, но никто не знал, кто являлся зачинщиком резни.

И только один человек в Париже мог ответить на такой вопрос. Им был полицейский, капитан Дегре. Вот уже год, как он занимал пост эксперта при тюрьме Шателе.

Он был талантливым сыщиком. Его самого и его Собаку хорошо знали на парижском дне. В грядущем 1678 году он раскроет «Дело о ядах» — драму, затрагивающую подступы к трону. Но пока шел еще только 1661 год.

Дегре и его Сорбонна знали все значные места Парижа — все притоны, дома терпимости и даже сходки нищих. Он давно уже следил за соперничеством главарей двух самых могущественных банд в Париже, дравшихся за первенство на ярмарке Сен-Жермен.

Но дело было не только в этом, они к тому же еще оказались и соперниками в любви. Оба они любили женщину с бирюзовыми глазами, которую звали Анжелика.

В то утро Дегре поставил своих людей на подступах к заставе Сен-Жермен. Полицейским не удалось сдержать резню на ярмарке, возникшей с быстротой молнии, но многих участников драки они арестовали. И на рассвете следующего дня двадцать самых отъявленных бандитов были вывезены за город и повешены. По правде сказать, популярность ярмарки была огромной. На ней побывал весь Париж. Даже Король-Солнце однажды вечером посетил ее со всем своим двором.

На ярмарку съезжались отовсюду. Здесь были торговцы из провинций и юга Франции и даже из соседних государств. Португальцы привозили тонкий фарфор. Провансальцы продавали лимоны и апельсины. Турки хвастали своими лечебными бальзамами. Фламандцы торговали знаменитыми картинами и ароматными сырами. Прорицатели предсказывали будущее. В маленьких балаганах давались представления. Тут можно было увидеть крысу, танцующую под звуки свирели, и другие чудеса.

Публика перемещалась. Аристократы и богатые дамы поглядывали на развлечения из окон своих карет. Работали все

трактиры и кабаре. Поистине, начался народный праздник, и никто не предполагал, что ярмарка явится местом стычки двух банд.

Конечно, и до того бывало много схваток, и все бандиты знали, что кто-то из главарей двух банд должен умереть. Между ними шла борьба за власть и существование.

В ту ночь люди Каламбредена собрались в большом зале башни Несль, чтобы обсудить создавшееся положение. Деревянный Зад восседал на столе, как дьявол в преисподней.

— Я уже давно жду чего-то страшного, — процедил он сквозь зубы. — Ты виноват, Каламбреден, что проклятые цыгане не дают нам покоя. Любовница свела тебя с ума. Ты больше не можешь принимать трезвых решений. И Великий Коэср тоже недоволен тобой...

Все притихли в ожидании ссоры. Каламбреден смотрел на Жанина горящими глазами и вдруг произнес громовым голосом: — Я знаю, что ты предатель и хочешь погубить меня, чтобы стать Коэсром. Берегись!

— А что ты имеешь против меня? — в свою очередь закричал Жанин.

Анжелика, находившаяся тут же в зале, испугалась, как бы крики не разбудили ее ангелочков. Она быстро поднялась по лестнице в комнату, в то время как споры внизу продолжались с удвоенной силой. Нужно было что-то предпринять, чтобы покончить с начинающимся кошмаром.

Через несколько минут она снова спустилась вниз. Остановившись возле открытых дверей зала, она услышала Жанина:

— Помни, Каламбреден, если ты отступишь, то пропал. Родогон займет твое место и объединит наши банды. И он будет беспощаден. Ведь он не только хочет господствовать на ярмарке, но и получить нашу маркизу, которую ты вырвал у него на рук на кладбище. Наступил решительный момент: ты или он!

Никола уже немного успокоился.

— Ладно, Жанин! Посоветуй, что нам делать, — тихо произнес он. — Проклятые цыгане — люди Родогона — окружили башню и хотят перерезать всех нас, как бешеных собак.

Анжелика вошла в зал. Она была одета в черный плащ, лицо закрывала красная маска.

Увидев ее, Каламбретен проворчал:

— Куда ты идешь? И что означает твой маскарад?

— Я хочу разогнать банду Родогона, — спокойно ответила она.

— Через час площадь перед башней будет свободна, и вы, господа, сможете занять свои позиции.

— Ты не считаешь, что наша маркиза сошла с ума? — засмеялся Жанин.

— Оставь ее в покое, — ответил Каламбретен. — Она знает, что делает. Не мешай ей!

Под удивленными взглядами бандитов Анжелика вышла из зала, хлопнув дверью.

Вскоре она добралась до ворот Святого Жака. Из темноты выступил один из людей Родогона. Не говоря ни слова, Анжелика ударила его ножом в сердце. Человек упал, не успев даже пикнуть.

Анжелика шла к своему знакомому, у которого были три дрессированных медведя. На башне Сен-Жермен пробило два часа ночи.

Вдруг люди Родогона при свете луны увидели три звериные морды и оскаленные пасти. Они пустились наутек, в ужасе крича:

— Дьяволы!.. Дьяволы идут!..

А те, что оказались посмелее, остались лежать на мостовой с разорванной грудью.

Через час она вернулась в башню Несль.

— Друзья, — сказала она, — путь свободен! Но Каламбретен понял ее по-другому.

— Предательница! Ты отдалась Родогону!

Анжелике пришлось рассказать все по порядку.

Жанин Деревянный Зад пришел в неистовый восторг от ее выдумки.

— Пройдут годы, — захлебываясь, говорил он, — а матери будут рассказывать своим детям, как ты одурачила Родогона!

1 октября Дегре подтянул все полицейские силы к ближайшим с ярмаркой улицам. Однако утро началось спокойно. Люди Каламбретена чувствовали себя хозяевами в плотной толпе посетителей.

Анжелика и Каламбретен были вместе. Они наблюдали за схваткой двух джогов с диким кабаном. Представление подходило уже к концу. Запах крови подогревал толпу. Анжелика была немного пьяна, так как они недавно выпили в соседнем кабачке. Она купила игрушки для своих ангелочков и держала их в руках. Николая был одет в обычный сюртук и выглядел, как состоятельный горожанин, приехавший на ярмарку. Он обнимал Анжелику за талию, и ей казалось, что она стиснута массивным железными обручем.

Вдруг напротив, с другой стороны арены, она увидела Родогон-Цыгана. В его руках был длинный тонкий нож. А Николай, увлеченный представлением, ничего не замечал.

Родогон отвел руку назад, а потом с силой метнул свой нож в Николая. Нож просвистел над ареной. Анжелика дернула Николая за руку и спасла его от верной гибели. Лезвие прошло на палец от его шеи и вонзилось в горло торговца, стоявшего позади них. Глаза торговца закатились, он раскинул руки и на какой-то момент стал похож на бабочку, приколотую к листу бумаги. Через секунду из горла его хлынул поток крови, и он, забившись в судорогах, упал на прилавок своего магазинчика.

И тут все началось.

В полночь Анжелика и двадцать женщин из других банд были брошены в тюрьму Шателе, и тяжелая дверь с грохотом захлопнулась. В ее ушах еще стоял визг женщин, которых полицейские разводили по разным тюрьмам Парижа.

— Ну вот, мы и допрыгались, — невесело произнесла одна из заключенных.

— Нам еще повезло, — заметила ее подруга, — в тот раз было гораздо хуже, помнишь?

— Помню. Палач окунул меня в воду, и я чуть не захлебнулась. Я тогда кричала: «Боже милостивый, сжался надо мною!»

Анжелика с ужасом слушала разговор собеседниц, хотя и не видела их. В камере не было окон и стояла крошечная темень. Сейчас ее мучила одна-единственная мысль — что же теперь будет с малышами?

Пахло мышами и гнилой соломой. Она старалась успокоиться, но время шло, и лютая тоска все больше и больше, терзала ее измученное

тело.

«Если бы они остались у ля-Поляк, я была бы спокойна», — думала она, и жгучие слезы текли по ее щекам.

Она начала вспоминать — куда делся Николя?.. Что с ним? Припомнила, как проклятые ищейки вели ее по улице, примыкающей к ярмарочной площади, где все еще продолжалась резня. Сегодня фараоны подоспели вовремя, полицией были оцеплены все улицы.

Анжелика была вся в крови. Разодранное платье болталось на ней, как мешок. Она никак не могла сообразить, где потерялась ля-Поляк. Она заклинала Святую Марию, чтобы та не оставила в беде ее крошек. Она сидела, забившись в угол, и казалось, что время остановилось.

Вдруг лязгнули запоры, и двери отворились. Вошел охранник с факелом в руке. За ним появились еще три солдата. Один из них держал огромные овечьи ножницы.

— А ну-ка, сними свой чепец, красотка, — сказал он женщине, сидевшей к двери ближе остальных. — Да, твои патлы не слишком густы, но ничего — на базаре мне дадут за них несколько су... — И с этими словами он остриг ей волосы почти до основания черепа.

Охранники начали по очереди осматривать всех арестанток.

— А у меня и так нет волос, — заявила одна из девок. — Я совсем недавно была уже у вас на приеме, проклятые фараоны!

— Молчи, мразь! — Солдат ударил ее ногой.

— Если у нас не будет твоих волос, ты заплатишь нам другим. Мы переведем тебя в одиночку и ночью позабавимся с тобой!

Охранник подошел к Анжелике, и она почувствовала, как грубая рука шарит по ее голове.

— О, друзья! — Охранник присвистнул от восторга. — Какие шикарные волосы! Я продам их г-ну Бине, придворному парикмахеру, а то он все сердился на меня. Я уверен, что теперь он будет в восторге.

— Не надо! — воскликнула Анжелика.

— Как не надо, крошка? Или ты первый раз у нас в Шателе? Должны же мы иметь тут хоть какую-то прибыль! — И он одним взмахом отрезал ей волосы.

Анжелика почувствовала, что голова ее сразу стала маленькой и легкой.

Она разрыдалась, когда охранники удалились.

— Не надо плакать, — утешала ее соседка. — Волосы еще отрастут. Скажи спасибо, что они не потребовали большего. Знаю я их, проклятых кобелей! Они здесь хозяева и любят поиздеваться над заключенными. Положись на мой опыт и молчи. Я тут не первый раз и хорошо знаю все их повадки...

Слова женщины утешили Анжелику, и она забылась в беспокойном сне. Бедные дети, как сложится их судьба?!

Глава 12.

Анжелика приговаривается к наказанию розгами

Медленно тянулось время. Камера была душной и темной.

— Хорошо еще, что нас посадили не в одиночки, — сказала одна из арестанток. — Сейчас они думают, что делать с нами дальше. Меня схватили, когда я просила милостыню...

— Да, — заметила другая. — Неплохую ловушку они нам устроили.

Анжелика проснулась и ощупала под корсажем нож, который она вырвала из глотки торговца. Нож предназначался Николая... Где он, ее Николая?

— Хорошо, что нас еще не обыскивали.

— Не волнуйся, красотка, — ответила третья развязным тоном. — Еще успеют обыскать!

Большинство арестанток вели себя спокойно. И те из них, кто часто бывал здесь, угрюмо описывали прелести мрачной тюрьмы-крепости.

— Тут есть карцеры, где много крыс, которые ночью даже пожирают узников.

— А есть такие, где воздуха мало и даже свеча не горит. Но самый страшный — карцер смертников, откуда никто не возвращается.

Затаив дыхание, Анжелика слушала рассказы бывалых девиц. Одна из них сняла свои башмаки и выбила из них гвозди так, что получилось нечто вроде щетки.

— Чтобы отбиваться от крыс, — пояснила она. — Бывали случаи, когда утром находили только скелеты заключенных. Кстати, крысы сначала едят мягкие места, а потом уже все остальное, — пугала она менее опытных женщин, — Берегитесь, если они голодные!..

Но вот загромыхал засов, и тюремщики повели арестованных в большой зал. На возвышении сидел человек в черной мантии с белым воротником, другой стоял рядом, держа в руках какие-то бумаги. Женщины по очереди подходили к столу, где судья и его помощник записывали их имена и род занятий.

Анжелика даже растерялась, когда секретарь спросил ее имя. Ведь у нее больше не было имени! И она назвала первое пришедшее на ум имя... Потом судья объявил приговор.

Все заключенные приговаривались к наказанию розгами, после чего их отправят для обучения шитью в какой-нибудь монастырь.

— Оттуда легко сбежать, — прошептала соседка, — я уже там побывала. Там скучно, проклятые монахи не пьют вина, и с ними не позабавишься.

Затем их препроводили в другой зал и заставили встать возле стены. Открылась дверь, и появился человек громадного роста. На нем красовался огромный парик, а усы были закручены кверху. Своими размерами и телосложением он походил на Великого Мотье.

— Начальник охраны! — с ужасом прошептала соседка Анжелики.

— Он просто дьявол во плоти. Его зовут Огр...

Огр ходил перед узниками, звеня шпорами.

— Ну что, девочки, позабавимся? — начал он, потирая руки. — Снимайте свои рубашонки. А тому, кто станет кричать и сопротивляться, достанется больше других. Вы меня все знаете? — И он разразился ужасным смехом.

Женщины, уже знавшие, что такое наказание розгами, оголяли спину. К другим, замешкавшимся, подбегали охранники и срывали с них одежду. Так случилось и с Анжеликой, стеснявшейся фараонов, кто-то из полицейских разорвал ей платье почти до пояса. Тогда она быстро обнажила спину, опасаясь, как бы не нашли нож, все еще спрятанный за корсажем платья.

Капитан охраны медленно прохаживался позади выстроившихся в шеренгу полуголых женщин. Около молоденьких Огр останавливался, и в глазах его вспыхивали огоньки. Вдруг его взгляд упал на Анжелику, и он остановился.

— Оставьте ее здесь, — приказал он, — а остальных накажите, чтобы шкура трещала. Ну, пойдём со мной, красотка!

Он завел ее в свою комнату и закрыл двери. Анжелика чувствовала себя совершенно беспомощной перед этой горой мяса и не знала, дрожит ли от холода или от пристального взгляда капитана, не спускавшего глаз с ее обнаженной груди.

— Ты действительно хочешь, чтобы тебя наказали розгами и испортили твою белую спинку? — спросил он, но Анжелика молчала — Отвечай, хочешь или нет? — рявкнул он.

— Я тоже так думаю, — сказал Огр, успокаиваясь. — Мы с тобой поладим. Ведь просто жалко портить такую курочку! — Он взял ее за подбородок и приподнял голову. — О, черт бы меня побрал! Твоя мать, наверное, пила полынный настой, пока тебя носила. А ну-ка, улыбнись поскорее!

Сначала грубые пальцы касались ее шеи и плеч, а затем опустились к нежной груди. С отвращением Анжелика отстранилась. Огр засмеялся, и его живот задрожал, как студень.

— Если хочешь, я распоряжусь, и тебя оставят в покое. Ну как, ты согласна?

Она сделала вид, будто не понимает.

— Разве не ясно? Я могу отменить наказание, но ты должна... Сама сообрази!

— Благодарю вас! Я предпочитаю быть наказанной, чем спать с вами, — ответила она.

Огр остолбенел, раскрыл рот, но не смог вымолвить ни слова. Такого ему еще никто не отвечал. Лицо капитана перекопилось, усы задрожали. Казалось, он лопнет от злости.

— Да, я предпочитаю быть наказанной, — повторила Анжелика. — Судья назначил мне наказание, и я не хочу уклоняться от него.

Она твердым шагом направилась к двери, но Огр, задыхаясь, схватил ее за руку:

— За то, что ты мне тут наговорила, я бы мог избить тебя и бросить в карцер, шлюха! Но я не хочу тебя портить. Ты красива и чудесно сложена. Чем больше смотрю, тем больше я хочу тебя... — Он еще что-то говорил, но перед глазами Анжелики стояли худенькие личики ее маленьких сыновей.

«Нет, невозможно! — сказала она себе. — Я никогда не смогу отдаться такой толстой свинье с тараканьими усами!..»

— Нет, лучше наказание! — иступленно воскликнула она.

Ее слова потонули в урагане ругательств. Огр с силой толкнул Анжелику за дверь.

— Пусть девке кожу вывернут наизнанку, — приказал он подбежавшему охраннику и хлопнул дверью так, что посыпалась

штукатурка.

С перепугу охранник ничего не понял. Он подумал, что девка не угодила капитану. Остальные солдаты сидели вокруг стола и играли в кости. Они тоже не разобрали громовой речи своего капитана.

— Нельзя сказать, что любовь делает его мягче, — заметил один из охранников.

— Он никогда не бывает доволен, — добавил второй, — потому и дослужился до капитана. — И всегда дает возможность арестованным девочкам заработать свободу в своей постели. Если бы знал господин судья...

— Тихо, а то, не дай Бог, услышит! Тогда нам всем несдобровать...

И охранники мирно продолжали игру. Анжелика не торопясь подошла к наружной двери. Никто ее не удерживал, путь к свободе был открыт. Она выскочила на улицу Сен-Дени. По улице шли люди, ехали экипажи. Светило солнце.

Опрометью бросилась Анжелика в сторону башни Несль, где должны были находиться ее ангелочки, о судьбе которых она все еще ничего не знала.

Глава 13.

Анжелика вырывает Кантора из рук цыган

Когда до башни оставалось всего несколько шагов, ее остановил чей-то оклик:

— Осторожно, маркиза! Не заходи в башню, там засада! Иди сюда!..

Анжелика резко остановилась. Из кустов неподалеку ей делала какие-то знаки ля-Поляк. Крайне удивленная, она приблизилась:

— В чем дело?

— В башне Родогон со своей свитой... Надо было видеть, как они нас взяли! Но я успела вытащить твой сундучок и обезьянку, они сейчас на улице Валь д'Амур, в доме Красавчика... Никто не знает, где Каламбрден — то ли в тюрьме, то ли уже повешен. А есть люди, говорящие, что он или утонул в Сене, или доплыл до другого берега и скрывается сейчас в где-то в предместьях Парижа.

— Пока плевать на него, — процедила Анжелика и положила руку на плечо ля-Поляк. — Где мои дети?

В смущении ля-Поляк опустила глаза.

— Их вместе с другими детьми забрал Тухлый Жан. Сейчас они находятся в логове Великого Коэсра, короля Тюнов, расположенного в Сен-Дени. А Кантора он продал за тридцать су проезжим цыганам...

— Где теперь эти цыгане?

— Откуда мне знать? — развела руками ля-Поляк.

— Прошло примерно часа два, как они направились в сторону Святого Антуана, а я жду здесь, зная, что ты вернешься...

Анжелика чувствовала, что сходит с ума от таких новостей. Флоримон в руках ублюдка Тухлого Жана, он плачет и зовет мать... Кантора увезли проклятые цыгане... Что делать?

— Сначала нужно отыскать Кантора, — решительно заявила Анжелика, — пока цыгане не ушли еще далеко от Парижа.

— Немыслимо... — пробормотала ля-Поляк, следуя за Анжеликой, но та уже направилась к берегу. — Да может, они его там снова перепродадут.

Шел дождь, дороги размыло, во влажном воздухе чувствовалось приближение осени. Поднялся холодный ветер, и две спутницы насквозь промокли. В первой же деревне местные жители сказали им, что цыганский табор остановился на ночь за сельской околицей.

И действительно, скоро они увидели огни костров. Их взору представился табор из нескольких повозок и двух десятков мужчин и женщин, варивших что-то на огне.

Ля-Поляк остановилась.

— Кажется, нам повезло, маркиза. Я их узнала. Вон тот, усатый, — их вожак.

Они осторожно приблизились к табору. Наступила ночь, небо заволокло тучами. Женщины и дети сидели у костров и грелись. На большом вертеле жарился целый баран, и приятный запах жареного мяса разносился по окрестностям. Тут же стояли несколько худых лошадемок, выпряженных из телег.

— Не вздумай сердить их, — тихо предупредила ля-Поляк. — Ты не знаешь, какие они подлые. Они способны ни за что пырнуть человека ножом... Давай я сама с ними поговорю, я немного знаю их язык.

Ля-Поляк смело подошла к костру, а Анжелика осталась стоять в стороне. Она видела, как ее спутница разговаривала с человеком из табора — по-видимому, с самим главарем.

— Что он сказал? — спросила, задыхаясь, Анжелика, когда ее подруга вернулась.

— Они не хотят возвращать ребенка, он им очень нравится. Я предлагала деньги, но ничего не помогло.

— Что же делать? Я хочу забрать Кантора!

Услышав их спор, приблизился человек:

— Если вы сейчас же не уберетесь отсюда, мы вспорем вам животы и отправим к праотцам!

У Анжелики выступили слезы бессилия.

— Кантор, мой бедный сыночек!..

— Не убивайся так, маркиза. — Ля-Поляк погладила ее по голове. — Такова жизнь. Рано или поздно дети все равно уходят от родителей. У меня тоже есть дети, но где они теперь, я понятия не имею.

Вдруг лицо Анжелики оживилось.

— У меня есть план. Пойдем быстрее, я хочу вернуться в Париж, в тюрьму Шателе.

И они поплелись назад, шлепая по лужам. Босые ноги Анжелики кровоточили, дул холодный ветер, они ничего не ели уже двое суток.

— Я больше не могу, — стонала ля-Поляк, но Анжелика всячески подбадривала ее.

Незримая сила подталкивала Анжелику, и она была уверена в успехе. Ля-Поляк плелась позади, и первая слышала стук копыт:

— Ой, маркиза, мы пропали! Наверное, нас догоняют цыгане. Они заколют нас...

Всадников было двое. Ими оказались торговцы, ехавшие по делам в Париж.

— Мы спасены! — воскликнула Анжелика.

Незнакомцы были порядочными людьми и, не раздумывая, согласились подвезти женщин до города. В пути выяснилось, что спутник ля-Поляк говорит по-немецки, и она весело щебетала с ним.

Анжелика ехала молча, в ее голове вертелась одна мысль — любой ценой спасти Кантора. Вдруг ее спаситель произнес:

— Прижмись ко мне, красотка, и держись крепче. Ты рискуешь упасть с лошади, дорога здесь совсем ни к черту!

Она повиновалась, обхватила его за талию окоченевшими руками, положила голову ему на спину и на какое-то время отключилась от внешнего мира. Когда они въехали в Париж, незнакомец вежливо спросил:

— Куда вас отвезти, милая?

— К тюрьме Шателе! — не задумываясь ответила повеселевшая Анжелика.

Возле главных ворот мрачного здания всадник остановился. Вскоре подъехала ля-Поляк, уже успевшая договориться со своим спутником о завтрашнем свидании.

— Подожди меня здесь! — приказала ей Анжелика. — Я скоро вернусь... Ну а если не вернусь через час... тогда уходи!

Она постучала. Огромные ворота открыли.

— Я хочу видеть господина Огра, начальника охраны! — заявила она караульному.

— Неужели наше чудовище в твоем вкусе? — подкручивая ус, подмигнул ей солдат. — Он в большом зале беседует с подчиненными.

Анжелика вошла в зал, где было сильно накурено. Как в тумане она разглядела силуэт Огра, разговаривавшего с кем-то, держа в одной руке трубку, а в другой — огромную кружку с вином.

— Капитан, вас хочет видеть женщина!

Анжелика подошла к столу. Огр сразу узнал ее. Не давая ему опомниться, она громко воскликнула:

— Господин капитан, послушайте меня! Я умоляю, придите мне на помощь! Цыгане похитили моего ребенка и увезли его из Парижа. Сейчас они находятся в двух лье от города. Прошу вас поехать туда со мной и отобрать у них моего крошку...

После ее стремительной речи в зале стало тихо, как в монастырских покоях. Только один из самых молодых солдат произнес:

— Какая наглость! Нищенка приказывает нам, королевской охране! Да за кого ты нас принимаешь, потаскуха? Уж не считаешь ли ты себя королевой Франции? Ха-ха-ха!

Все вокруг тоже засмеялись. Некоторое время Анжелика видела лишь перекошенные лица и распахнутые рты. Не смеялся лишь капитан. Он мрачнел с каждой секундой.

«Я пропала, — подумала Анжелика. — Сейчас он прикажет бросить меня в карцер...»

В полном отчаянии она осмотрелась вокруг. Слезы текли по ее щекам.

— Он маленький мальчик. — Она встала на колени перед капитаном и с мольбой протянула к нему руки. — Он прекрасен, как ангелок, и похож на ваших детей, которые сейчас спят в своих кроватках. Проклятые цыгане увезут его далеко-далеко, и он никогда не увидит свою мать, свою родину и своего короля...

Последние слова потонули в слезах, она рыдала навзрыд. Смех стих, солдаты стали переглядываться. Старый воин, лицо которого было исполосовано шрамами, встал:

— Да, ребята. Если нищенка так любит свое дитя, мы просто обязаны ей помочь!..

— Молчать! — рявкнул капитан. — Встань, красотка... Ты беспокоишь королевскую охрану, понимаешь? А если мы спасем твоего ребенка, что ты можешь дать нам взамен?

Анжелика гордо смотрела на него своими обворожительными глазами.

— Себя! — просто ответила она.

Лицо великана просветлело.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Огр, как бы не понимая ее ответа.

— Я буду твоей, — повторила Анжелика, и вдруг с ужасом подумала: «А если он откажется?» Сейчас жизнь и свобода Кантора зависела от животного вождения великана.

Но Огр пожирал ее глазами и думал: «Я еще никогда не видел нищенки с телом богини. Ее красоту можно различить даже через лохмотья...»

Капитан никогда не смотрел в лица женщинам, с которыми был на «ты». Но эта нищенка чем-то притягивала его, разбудила страсть молодых лет.

Анжелика все еще дрожала под его испытующим взглядом, но душой уже чувствовала, что победила. Еще ни один мужчина не отказывался от ее тела. Хотя сейчас она была одета по-нищенски, ее дьявольская красота вновь побеждала.

Капитан встал, приблизился к Анжелике и дотронулся до ее локтя огромными пальцами.

— Теперь я хочу, — прорычал он, — я хочу всю ночь! А не то, что предлагал раньше. Ты понимаешь? — Он отпустил ее руку и с жадностью отхлебнул из кружки. Целую ночь!

Анжелика бессильно кивнула.

— Сержант! — закричал капитан. — Лошади, десять человек, и быстро ко мне, шалопаи! Не забудьте взять пики, мы нанижем проклятых цыган, как мясо на вертел! — И он захохотал громовым голосом.

Через два часа группа всадников остановилась неподалеку от цыганского табора. Анжелика сидела на крупной лошади позади капитана. Огр негромко распоряжался, здесь он был в своей стихии.

— Двое останьтесь здесь, двое — в тыл к цыганам, отрежьте им пути к отступлению, остальные — справа и слева.

Табор всполошился. Цыгане не на шутку испугались, видя усатых солдат с пиками наперевес. Анжелика спрыгнула с лошади и

направилась к костру. Она слышала, как Огр разговаривал с главарем.

— Вы взяли ребенка этой женщины. Если вы его не вернете, мы переколем вас, как собак. Вы окружены, путь к бегству отрезан.

Цыгане выстроились в ряд. Анжелика увидела Кантора, спящего на руках старой цыганки. Как разъяренная тигрица, она бросилась вперед и выхватила у нее из рук ребенка, который, не понимая в чем дело, заплакал. Цыганка закричала, но властный окрик вожака заставил ее сразу же замолчать.

Однако вожак стал говорить, что за малыша заплачено тридцать су. Анжелика сразу отдала ему свой кошелек, в котором лежало даже больше денег, чем требовалось. Наконец-то ее руки сжимали сокровище, которое она не променяла бы на все золото мира. Ребенок был совсем голеньким, завернутым только в тонкую легкую ткань. Цыгане с детства закалят ют своих детей.

В Париже уже настала ночь. Честные горожане давно слали, погасив свечи, а кто побогаче — отправлялись в таверны, в кабаки и театры Часы на башне пробили десять.

В сопровождении капитана и его людей Анжелика вернулась в Шателе. Она при всех обратилась к капитану Огру:

— Разрешите мне отнести ребенка, и я обещаю, что следующей ночью я приду к вам.

У него начали топорщиться длинные усы:

— А если обманешь?

— Я клянусь, что приду! — И не зная других доказательств, она скрестила пальцы и плюнула на землю, как бродяги и убийцы, когда клянутся не на жизнь, а не смерть.

— Хорошо! — ответил Огр. — Я еще не видел на своем веку, чтобы кто-то нарушил такую клятву. Но не заставляй меня долго ждать!

Все вокруг засмеялись. Да и как он мог бы тронуть ее сейчас, когда у нее на руках находился бесценный клад?!

«Будь они прокляты, мужчины, — подумала Анжелика, — которые прежде всего считаются со своими прихотями...»

Улица, где жил трактирщик Бурже, находилась как раз за тюрьмой. Анжелика проникла во двор и сразу направилась в кухню.

Барба, к счастью, находилась еще там. Она очень удивилась, увидев Анжелику, сунувшую ей в руки сладко спящего Кантора.

— Вот Кантор, — сказала она срывающимся голосом. — Береги его, как зеницу ока!

— Он мне, как родной сын, мадам. И если хозяин спросит насчет ребенка, я так и заявлю, что он мой сын... Хозяин отвяжется.

Анжелика присела. Ноги ее дрожали.

— Теперь помолись за меня, Барба. Я иду в логово Великого Коэсра выручать Флоримона. Будет чудом, если я останусь жива...

На подоконнике стояла бутылка водки, настоянной на горьком перце. Не раздумывая, Анжелика налила себе полный до краев стакан и залпом выпила его до дна.

— Что вы делаете, мадам? — воскликнула Барба. Там же чистая водка!

— Ничего, Барба. Она придаст мне силы.

— А где ваши волосы, мадам?

— Ты думаешь, я сама знаю, где они? Ничего, волосы еще вырастут.

Анжелика попыталась встать. От водки по телу пошло тепло, ей ужасно захотелось поспать, но она, пересилив себя, пошла к кухонной двери.

— Куда вы, мадам? Поешьте хоть немножко!

— Некогда, Барба. Мне надо спасти Флоримона. — И она прикрыла за собой двери.

Перед ней стояла одна цель — спасти старшего сына. А что будет дальше, она не знала.

Глава 14.

Страшная ночь в логове Великого Коэсра

Анжелика бежала по ночному Парижу. Вокруг не было ни души. Вскоре из узких, скверно освещенных улиц она попала в царство тылы и ужаса. Статуя Всевышнего Отца обозначала границу, которую не мог пересечь ни один сыщик и ни один полицейский без риска для собственной жизни.

Почтенные горожане боялись сунуть сюда нос. Да и что им тут было делать? Повсюду стояли заколоченные дома и полуразрушенные халупы, старая мебель и всякий хлам. Здесь было пристанище бродяг, воров, убийц и беглых каторжников. По гнилому запаху из сточных канав Анжелика поняла, что попала наконец в королевство Великого Коэсра. Здесь не было ни кабаков, ни фонарей, ни прохожих, ни звуков. Кромешная безмолвная тьма.

И только луна мутно освещала путь уставшей Анжелике. Нищета здесь царила в своем первозданном виде с нечистотами, крысами и бродячими облезлыми собаками. Однажды Анжелика побывала уже здесь с Каламбреном, и он даже показал ей дом Великого Коэсра. В большом трехэтажном здании, где когда-то размещался монастырь, обитал Великий Коэср со своим двором — с женами, казначеями и телохранителями. И здесь, под покровительством Коэсра. Тухлый Жан держал свой «товар» — украденных, купленных или бездомных детей.

Очувтившись во владениях короля Тюнов, Анжелика принялась разыскивать дворец Великого Коэсра. Инстинкт подсказывал ей, что Флоримон находился именно здесь. Она ничего не боялась, потому что в совершенстве знала обычаи и язык воровского мира. Она специально натянула на себя самое ужасное тряпье, которое нашлось у Барбы, и теперь любая нищенка сразу бы приняла ее за свою. Однако она боялась, как бы ее не узнали в лицо, потому что ее имя и она сама были популярны в воровском мире. Банда Каламбрена не пользовалась милостью Великого Коэсра. и если бы ее кто-то опознал, то наверняка возник бы сильный переполох. Она наклонилась, набрала в руку грязи и вымазала себе лицо. Теперь ее не узнал бы даже Николая.

Несмотря на поздний час, дом Коэсра был тускло освещен светом масляных ламп.

Скрываясь в тени на другой стороне улицы, Анжелика долго наблюдала за домом. Ночью тут, как и в башне Несль, собирались бандиты.

Та ночь была холодной, и окна изнутри обитатели завесили грязными тряпками. Анжелика решила приблизиться к одному из окон и посмотреть, что происходит внутри.

За окном оказался небольшой зал. Она сразу же узнала Маленького Евнуха, Ро ле-Барона и Тухлого Жана, беседующих с главным сборщиком налогов.

— Мы провели действительно хорошую операцию, мой дорогой. Полиция даже помогла нам разгромить банду гордеца Каламбредена.

— Но пятнадцать наших тоже повесили на Гревской площади. К тому же никто не знает, где скрывается Каламбреден. Ну, если даже он жив, то не скоро очухается и соберет своих ребят. Родогон занял все его позиции, — вздохнул Барон. — И я чувствую, что вскоре нам придется разделяться с Родогоном. Теперь, обучая новичков, я буду рассказывать им о том, что произошло на ярмарке. Резня в Сен-Жермен войдет в историю королевства Тюнов. Всегда нужно вовремя убирать зазнавшегося главаря.

— Да, — зевнул Жан, — я тоже собрал хороший урожай в башне Несль. Целых двадцать мальчиков и девочек! Мои клиенты дадут мне за них кругленькую сумму!

Ро ле-Барон пьяным голосом спросил:

— А где же твои юные пленники?

— Наверху, — мотнул головой Жан.

В углу что-то зашевелилось, и Жан сказал:

— Мадлен, подойди ко мне, милая!

К нему подошла толстая женщина с ребенком на руках. Она с силой оторвала его от своей полной груди:

— Проклятый мавр высосет из меня всю жизнь. Маленький дьявол!

— Молчи, дура! Мы получим за него бешеные деньги. Корми его хорошенько, не дай Бог, если с ним что-нибудь случится. Я тогда просто четвертую тебя!

Двое нищих ваяли литавры и стали танцевать крестьянский танец. Теперь Анжелика больше ничего не слышала, но она и так уже знала, что Флоримон находится наверху. Слева в стене зиял громадный провал. Через нее Анжелика проникла в дом и по лестнице поднялась на второй этаж. Стояла жуткая тишина, и, чтобы не шуметь, она сняла свои сабо.

В полной темноте Анжелика на ощупь двигалась вперед. Вдруг она наступила на что-то, заверещавшее под ногой. Мягкое и теплое тело оказалось огромной крысой. Анжелика едва сдержала крик ужаса, но кричать здесь было равносильно самоубийству, и она двинулась дальше.

Теперь уже совсем близко Анжелика слышала голоса детей. Она представила себе личико Флоримона, и ее сердце сжалось от боли.

Забыв об опасности, она оросилась вперед. Осмотрев несколько пустых комнат, она подошла к нише, освещенной крошечной лампой-плошкой.

Поблизости никого не было, и Анжелика подкралась к двери с висящим на ней огромным амбарным замком. Она тихо позвала:

— Фло, Фло! Ты здесь?

— Ты Маркиза Ангелов? — спросил кто-то.

— Да-да, я, — задыхаясь, ответила она.

— Я — Дино. Тухлый Жан запер нас здесь. Твой Флоримон с нами. Сначала он плакал, но я сказал ему, что ты обязательно придешь за ним. И вот ты пришла... Маркиза Ангелов, спаси нас!..

Сердце Анжелики разрывалось на части.

— Подождите. Сидите тихо, я освобожу вас. Замок был исправен и крепко заперт. Анжелика принялась обследовать стены — одна оказалась гнилой. Она уперлась в нее руками.

Вдруг сзади послышалось ехидное хихикание, похожее на кудахтанье наседки. Она повернулась и с ужасом увидела Великого Коэсра. Чудовище стояло в двух шагах от нее.

Комната, из которой вышел Коэср, находилась как раз напротив двери, за которой были заперты дети, вывезенные из башни Несль. Он удивленно смотрел на Анжелику диким взглядом, буквально парализующим ее. Она потеряла дар речи и стояла неподвижно.

Коэср кудахтал, и от смеха его одежда и огромный бюст содрогались. Потом он повернулся и направился мелкими шажками к

стене, где висел медный таз.

«Конец! — мелькнуло в голове Анжелики. — Сейчас он вызовет свою охрану. Я погибла!..»

Решение возникло мгновенно. Она рванулась вперед, одновременно вытаскивая нож из-за корсажа. Догнав Коэсра, она сзади с силой ударила его ножом в грудь. Длинный тонкий нож вошел в тело по рукоятку, и чудовище повалилось на спину, обдав ее фонтаном черной крови. Глаза его сразу потухли.

— О, как хорошо, что ты убила его! — воскликнул женский голос с порога комнаты, откуда вышел Великий Коэср.

В коридоре стояла девушка с лицом мадонны. Анжелика взглянула на лезвие, с которого еще капала кровь, и резко развернулась:

— Не вздумай звать на помощь. Или я и тебя отправлю на тот свет!

— А я и не собираюсь кричать. Я так довольна, что ты убила этого ублюдка! — промолвила девушка. — Все его боялись, а он был всего-навсего гнусным развратником. — Она ваяла Анжелику за руку. — Но теперь ты должна немедленно спастись, потому что убила моего мужа, короля Тюнов.

— А кто же ты? — спросила Анжелика.

— Я — Розина, последняя жена Коэсра.

— Помоги мне, Розина! Тухлый Жан запер здесь моего сыночка.

— Да-да, я знаю. Ключ у него. — Девушка, дрожа, показала на распростертое чудовище, нагнулась и пошарила в кармане покойника.

— Вот ключ. Бери же его!

Анжелика отперла дверь и схватила Флоримона. Он был почти без сознания. Грязные детские ручонки отовсюду потянулись к ней:

— Маркиза, спаси нас!

— Всех вас я сразу не смогу вывести. — И она направилась к выходу.

Два подростка кинулись за ней следом:

— Маркиза Ангелов, не оставляй нас тут!

Она с трудом узнала в них Флино и Дино. Розина шла впереди. Вдруг она остановилась, съежившись от страха. Теперь и Анжелике ясно слышались тяжелые шаги. По лестнице, без сомнения, поднимался идиот-телохранитель Великого Коэсра.

— Бежим! — громко прошептала Розина. — Я знаю лаз в стене.

Все бросились за ней. Незаметно выбравшись на улицу, они остановились передохнуть. Но когда в доме Коэсра зажглись огни и все пришло в движение, они в страхе бросились бежать дальше по улицам Парижа.

— Идиот — немой, — говорила Розина, — и не сразу объяснит всем, что убит Великий Коэср. А мы пока подальше уйдем от этого проклятого места. Я уже никогда не вернусь сюда, — уверенно заявила Розина.

— А если Тухлый Жан найдет нас? — вдруг испуганно пропищал маленький Дино.

— Не бойся, я всех вас буду защищать!

На небе появилась алая полоска рассвета.

— Смотри, Розина, какая красота, — и Анжелика показала рукой в сторону горизонта.

Да, ужасная ночь заканчивалась.

Ранним утром в аббатстве Святого Мартина раздавали еду нищим и бездомным. Дамы из высшего света помогали монахам в их святом деле. Нищие, не евшие ничего по нескольку дней, жадно поедали суп.

Анжелика со своей группой появилась у ворот аббатства. Она и ее спутники, грязные и оборванные, ничем не отличались от остальных нищих, жадно евших за длинными столами. Они встали в длинную очередь и через некоторое время получили по миске с горячей едой.

Анжелика поела и покормила крошку Флоримона. Но он ел плохо и мелко дрожал. «Вот что ты сделала, жизнь, — с жалостью думала она, — с законным наследником графа Жофрея де Пейрак... с ребенком, рожденным для света, богатства и радости...»

С содроганием вспоминала она последние часы прошедшей ночи — светящиеся глаза Коэсра, монстра с детскими ручками и ножками, свой удар и черную кровь, капающую с длинного ножа Родогона-Цыгана.

— Фло никогда не будет голоден, и ему никогда не станет холодно, — клялась себе Анжелика, рассматривая родное щуплое тельце.

Рядом с ней стояло множество несчастных матерей, таких же, как и она сама. Отверженные, люди без рода и племени, безо всяких

средств к существованию. Люди парижского дна.

Дамы из высшего света, прикрываясь веерами, раздавали нищим суп, глядя на них с нескрываемым презрением и брезгливостью. Одна из дам неожиданно приблизилась к Анжелике.

— Вы так рано пришли. У вас больной ребенок? — спросила она, прикрываясь платком.

Анжелика подняла глаза, узнала графиню Суассон и промолчала. Дама продолжала:

— Нищие сами виноваты в том, что производят на свет себе подобных, — пренебрежительно сказала она, указывая на Флоримона, и медленно направилась к своей карете.

Анжелика передала ребенка Дино:

— Подержи его!

— Хорошо.

— Ждите меня здесь, я сейчас вернусь, — сказала она тоном, не терпящим возражений.

Графиня уже успела сесть в карету, когда к ней вдруг подошла грязная нищенка.

— Мадам, мой ребенок умирает с голоду. Прикажите своему лакею, чтобы он отнес по адресу, который я назову, немного дров, еды и какой-нибудь одежды.

Знатная дама посмотрела с изумлением:

— Но ты получила сегодня свою порцию?

— Слишком мало. А вы, мадам, богаты!

Дама обратилась к кучеру:

— Наглость нищих переходит все границы! — И закричала: — Иди отсюда, пока я не приказала выпороть тебя за дерзость!

Грубый ответ взбесил Анжелику:

— Ну, тогда берегись, тварь! Я всем расскажу про черного ребенка! Я даже знаю дом, где его воспитывают. Ты была любовницей мавра! — выпалила Анжелика.

— Замолчи, негодная! — озираясь по сторонам, злобно прошипела графиня.

— Я знаю, что ребенок недавно родился в Фонтенбло. И ваш муж наверняка будет приятно удивлен, когда узнает, что его благородная жена лежала в постели мавра... — ехидно продолжала возбужденная Анжелика.

— О, замолчи, умоляю тебя! — взмолилась графиня Суассон.

Ее прошиб пот, и она поминутно вытирала свое напудренное лицо. Она напрасно старалась узнать свою собеседницу, и никогда бы она не подумала, что перед ней стоит блистательная графиня де Пейрак.

— Что вы хотите? Я выполню все, только молчите, — заикаясь, проговорила она.

— А я уже говорила, чего хочу, — грубо отрезала Анжелика. — И я хочу не так уж много за свою тайну. Вот адрес...

— Хорошо. Я распоряжусь, чтобы вам привезли все, о чем просите!

Лошади тронулись.

«Теперь все будет хорошо, — подумала Анжелика, — Я ей припомню сегодняшнее унижение. Она даст мне все, чтобы я молчала...»

Глава 15.

Под кровом торговца Бурже

Занималась заря. Господин Бурже, выпив свою первую пинту вина, был в добром настроении и даже напевал песенку, которую любила его покойная жена. Выйдя во двор, он неожиданно увидел странный кортеж. Пятеро нищих — две женщины и три подростка — прошли через калитку в его дом. На маленькой повозке они привезли свои пожитки, поверх которых примостилась обезьянка, строившая всем рожи. Господин Бурже подпрыгнул от возмущения и закричал на весь двор не своим голосом:

— Барба, как ты могла обмануть меня! Я всегда считал тебя порядочной женщиной, а ты знаешься с какими-то нищими оборванцами!

— Любезный хозяин, соизвольте выслушать меня, — скромно потупилась Барба.

— Нет, я не желаю ничего слушать! Моя таверна — не приют для нищих. О Господи, я опозорен на весь квартал!.. — Бормоча проклятья, он выбежал со двора. — Я пошел за стражей в полицию! — орал он.

— Пусть малютки пока посидят у тебя, — сказала Анжелика Барбе, — а я затоплю камин.

Во дворе появился лакей от мадам Суассон. Он принес дрова и одежду.

— Скажи своей госпоже, чтобы она передала нам немножко еды.

— Ну и нахалка же ты, красотка! — Лакей был неплохо одет, и по сравнению с ним Анжелика выглядела просто убого.

— Заткнись, малый! — резко оборвала она.

Крайне растерянный, лакей спустился во двор и выбежал через калитку.

Немного позже Барба поднялась в свою комнату, неся на руках Кантора и Флоримона. Камин уже ярко пылал, а Флино и Дино весело играли на коврике возле стены.

— Барба, ты не злишься на меня, что я пришла не одна? — спросила Анжелика.

— Вы оказали мне большое доверие, мадам!

— Нужно временно приютить несчастных детей, — показала она на Дино, Флино и Розину. — Знала бы ты, из какого ада мне удалось вырвать их.

— Мадам, комната в вашем распоряжении...

Со двора донесся душераздирающий крик:

— Барба! — Округа сотрясалась от воплей Бурже. — Нищие перешли все границы! Они не только пришли в мой дом, но и растопили камин так, что скоро все на свете стгорит!..

Пока он орал внизу, Анжелика успела перепеленать и переодеть своих крошек.

— Боже, почему умерла моя жена! — продолжал вопить Бурже. — Она бы не допустила такого безобразия! Ох, какой же я несчастный!..

— Они никогда не будут голодать, и никогда им больше не будет холодно, — как заклинание, твердила Анжелика.

Кантор сосал куриную косточку и играл со своими ножками. Флоримон спал, но вдруг проснулся, стал кричать и весь задрожал. Вероятно, ему приснился страшный сон.

Анжелика разделась и вымылась в чане, который употребляла для своего туалета Барба.

— Какая ты красивая, — проговорила Розина, подходя к чану. — Ты женщина Красавчика?

— Нет. Я — Маркиза Ангелов.

— Не может быть! Я так много слышала о тебе. Правда, что Каламбредена повесили?

— Не знаю, Розина. Не надо о нем... Она вытерлась и оделась. — Не надо о нем... — Ее тонкая талия терялась в сборках грубого платья.

— Тебе фараоны обрезали волосы?

— Да, Розина. Ничего, волосы еще вырастут. — И она поднесла к лицу маленькое зеркало. — Боже мой, Розина, что это такое?

— Прядь седых волос. Маркиза Ангелов.

— Да, я постарела за одну-единственную ночь. Вчера такой пряди не было. — В изнеможении Анжелика присела на постель Барбы. — Неужели я уже стала старухой?

Розина опустила перед ней на колени:

— Конечно, нет! У тебя нет ни одной морщинки и кожа свежа, как лепесток розы. У тебя двое детей, а грудь, как у молодой девушки, не

знавшей мужской руки. Мужчины от тебя без ума! — с завистью сказала она.

— А сколько тебе лет, Розина?

— Пятнадцать, а может, и шестнадцать.

— Я помню тебя, Розина. Ты шла по кладбищу Святых Мучеников с открытой грудью... Разве тебе не было холодно?

— Ты сама, маркиза, предложила не говорить о том, что было. Все уже в прошлом.

Барба принесла из кухни вареных овощей и сладкого крема. Флино и Дино ели за обе щеки. Позже она поднялась еще раз:

— Сегодня у нас в таверне, мадам, не было ни одного клиента. Бурже в шоке. И еще он говорит, что у него, украли часы.

Анжелика подозрительно глянула на Флино:

— Если ты не бросишь свои штучки, мой дорогой, я вышвырну тебя на улицу, где ты быстро очутишься в руках Тухлого Жана.

Флино, накупившись, молча пошел спать. Немного погодя все дети легли и уснули. Стало совсем тихо. Анжелика подошла к Барбе:

— Сколько сейчас времени?

— Уже девять часов, мадам.

Анжелика оделась и направилась к двери.

— До завтра, Барба!

— Но, мадам, вы устали! И так поздно!..

— Я... я должна заплатить по большому счету, Барба. Потом все будет кончено, и наша жизнь начнется снова!.. — Она вышла.

Спускаясь по лестнице, Анжелика слышала дикий храп г-на Бурже, который, очевидно, и во сне ругал ее и ее детей. Но сейчас ей было все равно. Она шла отдавать свой последний долг. Воровская жизнь кончилась.

«Все будет хорошо!» — подумала Анжелика.

Глава 16.

Романтическая ночь любви в Шателе

«Храбрый Петух», где расположилась Анжелика со своими детьми, находился в нескольких шагах от мрачной Шателе. Нужно было пересечь несколько улиц, и вот она, крепость-тюрьма, с башни которой разносится бой часов на всю округу. С верхнего этажа таверны можно было различить остроконечный шпиль основного строения блюстителей закона.

Анжелика невольно замедлила шаг у главного входа, где горели факелы и стояли часовые. С ближних улиц распространялась мерзкая вонь. Старинное здание нагнетало тоску — от него веяло холодом, пытками и заключенными.

«Хватит! — решила Анжелика. — Надо идти!» Она смело направилась ко входу. Дежурный охранник провел ее в главный зал.

— А, вот и ты! — произнес капитан.

Он сидел за большим столом, пил вино, курил и разглагольствовал с подчиненными.

— Я не думал, что она придет, — сказал солдат, присутствовавший тогда при их договоре.

— А я был абсолютно уверен! — торжествующе воскликнул капитан. — Я видел много мужчин, не умеющих держать свое слово. Но шлюха, если она пообещала, обязательно будет в срок. Ну что, моя дорогая? Верно?

Анжелика опустила лицо.

— Я хочу тебя, — продолжал он и пошлепал ее по бедрам. — Но сначала ты сходишь к врачу, и он посмотрит, не больна ли ты. Пойми, крошка, я дьявольски разборчив...

Солдат доставил ее к тюремному доктору, беседовавшему в тот момент с надзирательницей женского отделения.

Врач внимательно осмотрел Анжелику и обратился к надзирательнице:

— Отведи ее и передай капитану, что она чиста, как новое су, и свежа, как роза. У меня дрожали руки, когда я ее осматривал. Здесь у нас редко можно встретить подобную прелесть. Ну, иди, иди.

Надзирательница проводила Анжелику до комнаты капитана и закрыла за ней дверь.

Анжелика осталась одна в мрачном помещении с решетками на окнах. Здесь пахло кожаной амуницией, потом, вином и табаком. Ей становилось все холоднее и холоднее. Но вот послышалась тяжелая поступь Огра. Он вошел, злобно ругаясь сквозь зубы:

— Проклятые бездельники! Стадо паршивых ослов! Если бы я сам был там!.. — Он с размаху бросил мушкет и шпагу на стол, заходивший ходуном, и сел на стул. — А теперь снимите мне сапоги! — сказал он, улыбаясь.

— Но ведь я вам не служанка.

— Да-да, верно, — согласился он, положив на колени свои огромные волосатые руки.

Анжелика подумала, уж не сошла с ума, позволяя себе так разговаривать с Огром. Она была полностью в его власти и к тому же очень ему обязана.

Она спохватилась:

— Конечно, я охотно попытаюсь. Но посмотрите сами, мои ручки такие маленькие и нежные, а ваши сапоги так огромны!

— Действительно, у тебя руки баронессы. Чего только не увидишь!

— Но я все же попробую, — и она направилась к стулу, на котором восседал Огр.

— Не надо! — отстранил он ее. — Я сам...

В коридоре раздался шум, дверь распахнулась, и в комнату ввалился дежурный офицер:

— Капитан! Капитан!

— В чем дело? — гневно гаркнул Огр.

— Принесли труп с Нового моста.

— Отправьте его в морг, черт вас побери!

— Нужно, чтобы вы засвидетельствовали...

Огр выругался так, что затряслись старые стены Шателе, и вышел, продолжая браниться. Анжелика осталась одна, цепенея от холода. Она уже начала думать, что, может быть, капитан сломает ногу или получит удар ножом в живот... и совсем не вернется. Но вскоре снова услышала его громовой голос, и он вошел в сопровождении солдата.

— Сними мне сапоги! — приказал ему Огр. — О, какое блаженство! — Он размял отекавшие ноги. — Теперь убирайся и передай всем ублюдкам, чтобы не тревожили меня понапрасну... А ты что дрожишь, как осиновый лист? — обратился он к Анжелике. — Ложись в кровать и согрейся. По правде говоря, здесь холодно, но меня согревают красотки...

Она подошла к постели и начала раздеваться. Оставив на себе одну рубашечку, последнюю принадлежность своего туалета, она юркнула под одеяло, где было так же холодно, как и в комнате. Кровать оказалась широкой, простыни из грубой ткани, но все же постепенно она согрелась. Натянув одеяло до подбородка, она следила за постепенно раздевающимся гигантом. Громадная тень металась по стене.

Огр снял свой великолепный парик, тщательно расправил его и повесил на специальную подставку. Потом снял камзол и все остальное. Обнаженный, он походил на Геркулеса из древних сказаний, был настоящим чудом природы. Но, надо сказать, он оказался несколько стеснительным военным. Сначала Анжелика слышала, как он долго плескался в чане с водой, стоявшем у противоположной стены, а потом вернулся, натянув на голову ночной колпак и стыдливо обмотав бедра широким полотенцем.

Внезапно в дверь сильно постучали:

— Капитан!

Свирепея, Огр открыл ее. Вошедший солдат доложил, что на Монмартре ограбили дом.

— Стадо ослов! — заорал капитан так, что сверху посыпалась штукатурка. — Ты разве не видишь, идиот, что у меня в постели лежит тепленький цыпленочек и ждет меня уже три часа?! Ты думаешь, я брошу его и побегу разбираться с жуликами? Черта с два!

Солдат просто отлетел в сторону, когда он с силой захлопнул дверь. Он еще пару минут ругался у дверей, а потом успокоился, взял свечу и направился к кровати, где лежала притихшая Анжелика. Она смотрела, как к ней приближается великан, как на колпаке болтается красный помпон и как плавится свеча. Огр доходил на огромного гнома. Ей стало смешно.

Огр восхищенно уставился на нее:

— Ха-ха-ха! — тоже засмеялся он. — Ты смеешься, красотка, очень хорошо! Я и не ожидал! Думал, что ты испугаешься меня, а ты смеешься! — и он разразился громоподобным смехом. — Ты смеешься, как забавно! Ха-ха-ха! — Его смех перешел в раскаты грома, эхом откликнувшись под сводами комнаты.

Огр был так забавен, что Анжелика буквально задышалась от смеха. Наконец, со слезами на глазах, она перестала смеяться.

— Хорошо, красотка, — повторил капитан, приближаясь к кровати. — Дай мне примоститься рядом с тобой.

Он лег, кряхтя и причитая. Под его массивным телом матрац промялся и кровать угрожающе заскрипела. Вскоре он угомонился, и его тяжелая лапа обхватила Анжелику.

— Как ты хороша, моя куколка! Маленькая, как кролик! Подожди, сейчас не время, я чертовски устал, и не хочу брать тебя силой, хотя ты в моих руках и все прекрасно понимаешь. Отложим до утра. Ведь ты мне нравишься, ты так заразительно смеешься. Я давно не видел таких обворожительных женщин... А вообще, я мужчина в теле, — он покрутил усы, — и нравлюсь женщинам! А ты понравилась мне еще там, когда я увидел тебя первый раз. Я думаю о тебе уже целых три дня!

Его грубые пальцы начали ласкать ее.

— Ты такая красивая. У тебя, вероятно, было много любовников. Я думал, что ты меня обманешь, хотя и не подавал виду своим ослам. Я такой огромный, а ты — ну прямо цыпленок! Какой же я несчастный! С ворами и грабителями я совсем забросил свою личную жизнь. Думаю, что они нарочно отвлекали меня. Ну ладно, давай отдохнем, а после поквитаемся... — Он повернулся на другой бок и захрапел, как буйвол.

Анжелика успокоилась и тоже заснула крепким сном.

Уже забрезжил рассвет, когда она проснулась. Сначала она не поняла, где находится, но потом все-таки сообразила. Ее бросило в жар, она даже сняла рубашку, оставшись совсем нагой. Она больше не боялась Огра.

И все же ей было не по себе. Тюремные стены давили на нее, тоска распирала грудь, и что-то невыразимое донимало ее. Прислушавшись, она различила смутные звуки, доносившиеся откуда-то снизу.

И вдруг поняла все. Заключенные, находившиеся в камерах под полом, скреблись, как крысы, а звуки разносились по всему огромному зданию.

Выйдет ли она когда-нибудь отсюда? Отпустит ли ее Огр?.. Он был хозяином ада, где человека превращают в животное, влачащее жалкое существование. А сейчас он спал. Ее пробрала дрожь, и она тронула его за плечо.

— А, малютка уже проснулась. — Капитан зевнул, почесал грудь, а потом встал и приподнял плотные шторы.

Утреннее солнце осветило мрачную берлогу, много перевидавшую на своем веку.

— Как рано ты встала, моя курочка!

— А что это за звуки? — чуть слышно спросила дрожащая от страха Анжелика.

— Заключенные. Они не забавляются так, как мы. Они страдают. Тебе повезло, и ты дешево отделалась. Иди ко мне — так все же лучше, чем мерзнуть на гнилой соломе...

Он достал со стола кувшин с вином и долго пил, не отрываясь. Потом передал его Анжелике и то ли предложил, то ли приказал:

— Теперь твоя очередь!

Анжелика молча взяла кувшин и выпила все до дна, потому что только доброе вино смогло бы успокоить ее в такую минуту.

Огр тяжело повернулся к ней. Боязнь прошла, и она даже испытывала легкое удовольствие от его грубых ласк, походивших на массаж.

Целовал капитан по-крестьянски, громко и смачно. Поцелуи снова развеселили ее.

— А, тебе весело! Очень хорошо! — обрадовался капитан и сжал ее в объятиях, как стальной обруч сжимает новую бочку.

Анжелика поняла, что наступил момент Адама и Евы, закрыла глаза и решила не запоминать последующие события. Однако Огр оказался не так груб, как она предполагала. Он принимал во внимание свой вес и щадил ее. К своему удивлению, она должна была бы признаться, что получила удовлетворение от их связи.

Насытившись наконец, Огр встал и принялся одеваться, напевая бравурный военный марш.

— Черт бы меня побрал! — проговорил он, усмехаясь. — Давно уж я не испытывал такой страсти к женщине.

В дверь осторожно постучали, и вошел тюремный эскулап, неся в руках бритвенные принадлежности. Пока он брил капитана, Анжелика оделась и села на кровать, не зная, как покинуть комнату.

— Ты был прав, — сказал капитан врачу. — Она действительно свежа, как майская роза.

После этого Огр порылся в кармане камзола и бросил на стол большой кошелек.

— Возьми его себе, красотка, — сказал он, кривясь от мыла, попавшего в глаз. — Бери и уходи быстрее, а то я из-за тебя заброшу свои обязанности. Мне нужно служить королю и государству, — философски добавил он. — Ну, теперь мы в расчете. Прощай, крошка!

Анжелика не заставила себя просить дважды и, не отвечая на приветствия встречавшихся ей по дороге солдат, бросилась бегом по длинным темным коридорам. И только когда оказалась вне стен тюрьмы, вздохнула свободнее.

Она спустилась к Сене. Ей не хотелось сразу идти домой, — нужно было прежде всего очиститься от грязи. Речная вода тихо плескалась у песчаного берега.

Начинался новый день со всеми своими заботами и хлопотами повседневной жизни. Неподалеку были женские бани, и она решительно направилась в ту сторону.

Встретив первую клиентку, банщица обрадовалась, но предупредила, что вода в котлах еще не успела как следует согреться.

— Ничего, милая, — ответила Анжелика, — я закаленная.

Анжелика тщательно вымылась, а затем с помощью банщицы удалила все волосы со своего тела, как принято у женщин из высшего общества.

— Все! — заключила она. — Я не хочу больше жить в нищете. Я люблю нежное белье, вышитые простыни и красивые платья. Я хочу, чтобы мои дети никогда не голодали и не знали холода. Хочу, чтобы ко мне вернулось имя. Я хочу снова стать знатной дамой.

Она направилась в сторону таверны «Храбрый Петух», где ее с нетерпением ждали ангелочки и верная служанка Барбара.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ТАВЕРНА «КРАСНАЯ МАСКА»

Глава 17.

Анжелика сотрудничает с г-ном Бурже

Стараясь не шуметь, Анжелика пересекла двор харчевни г-на Бурже и отворила дверь. На пороге ее поджидал хозяин с кочергой в руках, и Анжелика резко отскочила под прикрытие колодца, находившегося в трех метрах от двери.

Бурже, как разъяренный бык, помчался за ней, норовя посильнее достать кочергой.

— Убирайся отсюда, проклятая нищенка! — вопил он. — Чем я провинился перед Богом, что он поспал на мою голову грязных воришек? Возвращайся в Шателе, откуда пришла, или я сам упеку тебя туда! Просто не знаю, что вчера остановило меня и почему я не вызвал охрану? Да, я добр... Но что бы сказала моя жена, если бы увидела с небес?.. Я опозорен! Таверна осквернена, и надолго!..

Хозяин сел на землю и заплакал, непрерывно причитая. Анжелика приблизилась и заговорила ласковым голосом:

— Да-да, г-н Бурже, что бы сказала ваша жена, если б увидела, что ее муж уже спозаранку напивается, как свинья, а потом буянит?

Хозяин поднял голову, но, не давая ему опомниться. Анжелика продолжала:

— Что бы сказала ваша бедная жена, глядя из рая на беспорядок, царящий в заведении, которое никто уже не посещает. Везде паутина и тараканы... Бедная г-жа Бурже! Сейчас она смотрит с небес и на чем свет стоит ругает своего бестолкового супруга. И ей стыдно перед святыми угодниками в раю, потому что они все время интересуются у нее: «Ну как там, на земле, ваш муж, господин Бурже?»

От такого натиска у хозяина опустились руки.

— Увы, — забормотал он. — Моя жена умерла. Она была такой веселой и радушной хозяйкой. Я любил ее, наша харчевня процветала... Но вот ее не стало, и все пошло кувырком.

Анжелика отыскала чувствительную струнку, на которой можно было сыграть с Бурже.

— Успокойтесь, — сказала наконец она, видя, что его щеки опять начинают вздрагивать, потому что с ним никто не говорил так

душевно. — Успокойтесь! Надо работать, а не пугать клиентов своим видом.

Г-н Бурже тоскливо оглядел себя:

— Да, ты права. Но думаешь, моя жена была бы довольна, увидев с небес такую вшивую и грязную нищенку, как ты?

— Я не вшивая, — возразила Анжелика. — А моя одежда хоть и старая, но чистая.

— А ты, кстати, не знаешь ли, кто украл мои часы? — ехидно поинтересовался он.

— Вот они, — она небрежно протянула ему часы, завернутые в тряпочку. — Я их нашла под лестницей. Наверное, вы потеряли их вчера, потому что были слишком пьяны. Видите, я не воровка, хотя и могла бы присвоить их, но мне не нужно ничего чужого...

Анжелика игриво подошла к хозяину. Она всегда умела обращаться с мужчинами, так неужели не сумеет уломать старого толстяка?

— А часы действительно дорогие и красивые, — произнесла она тоном знатока.

— Да, я купил их у одного торговца, приехавшего в Париж торговать вином. Он был гасконец, а они привыкли иметь дело только с настоящими коммерсантами, вроде меня.

Он бережно открыл футляр, протер часы и опустил их в карман. А потом снова уставился на Анжелику:

— Только я никак не могу понять, каким образом часы могли выпасть из глубокого кармана, хотя вчера я действительно напился, как свинья... А ты умеешь разбираться в вещах и разговаривать, как знатная дама. Но последний раз ты говорила на таком жаргоне, — он усмехнулся, — что у меня на голове выпали последние волосы...

— О, господин Бурже! Как приятно говорить с вами, когда вы не сердитесь. Вы так хорошо знаете женщин.

Хозяин харчевни упер руки в бока:

— Я действительно знаю их, злодеек. Да, но что прикажешь делать с тобой и с остальными?

Анжелика была выше ростом смешного толстяка, но сейчас ее судьба полностью зависела от его решения.

— Почтенный г-н Бурже! Вы — хозяин, и я сделаю все, как вы прикажете. Если вышвырнете нас на улицу, то мы уйдем. Но я не знаю,

куда идти, а мои малыши замерзнут или умрут с голоду. Думаете, что ваша жена выгнала бы нас? Я останусь в комнате Барбы и не буду вас стеснять, у меня будут свои Дрова и пища. Мы могли бы помогать вам управлять хозяйством — носить воду, колоть дрова. Я все умею делать. Малыши останутся наверху и не будут мешать...

Она так умоляла, что Бурже не выдержал.

— Почему же, — возмутился он, — дети должны находиться на кухне возле очага? Спускай их быстро оттуда или я рассержусь!

Он тяжело повернулся и, переваливаясь на толстых ногах, поднялся в дом.

Как птица, влетела Анжелика в комнату Барбы, где в страхе перед будущим сидели ее ангелочки. Жилой дом господина Бурже был высоким, похожим на башню, к которой снизу примыкала таверна. Эта часть Парижа застраивалась еще в средние века, и старинный стиль архитектуры сохранил первозданную прелесть. На каждом из этажей башни было две небольшие комнаты, а крутые лестницы, казалось, могут довести до небес.

На верхнем этаже Анжелика заметила Давида, племянника г-на Бурже. Племянник учился на повара, но после смерти жены г-на Бурже приехал в Париж помогать дяде по хозяйству. Он был совсем молоденьким юношей и, только увидев Анжелику, сразу начал ей симпатизировать. Она же не принимала всерьез его ухаживаний и шутила с ним, как с мальчиком. Давид краснел и от смущения не мог вымолвить ни слова. И теперь она снова разыграла поваренка.

— Здравствуй, малыш! — улыбнулась она.

— Я вовсе не малыш, — гордо парировал он. — Мне уже, уважаемая, шестнадцать лет.

— О, извините меня, господин! Я не думала обидеть вас... — и она ласково потрепала его по щеке, на которой совсем недавно появился юношеский пушок.

Поваренок покраснел до корней волос и что-то пробормотал. У него были красивые черные глаза и выразительное худое лицо. И вдруг она обратила внимание на его акцент. Ей показалось, что звук «р» звучит так же, как произносят его в Тулузе.

— А откуда ты родом? — поинтересовалась она, разглядывая его, будто диковинную игрушку.

— Я из Тулузы, — гордо произнес поваренок.

— Вот как! — обрадовалась Анжелика и добавила еще что-то на тулузском наречии.

Давид покраснел от удовольствия.

— И вы тоже из Тулузы? — От напряжения у него на лбу выступил пот.

На миг она почувствовала себя счастливой. Какой контраст — быть одной из знатных дам Тулузы и так обрадоваться, увидев простого поваренка. Давид напомнил ей запах цветов, чеснока и солнце благодатного края.

— Красивый город, — задумчиво продолжала Анжелика и, подумав немного, спросила: — Почему ты приехал в проклятый Париж, где все продается и покупается?

— Сначала умер мой отец... — смутившись, начал он дрожащим голосом.

«Ох, сейчас расплачется!..» — подумала она.

— Мой отец всегда хотел, чтобы я жил в Париже около дяди, г-на Бурже. Он хотел, чтобы я научился делать лимонад, а потом организовал свое собственное дело. Отец всю жизнь проработал бакалейщиком, — поваренок всхлипнул, — и вот он умер. Тогда я приехал в Париж, но и здесь мне не повезло... Моя тетя, жена г-на Бурже, скончалась. Мне всю жизнь не везет!.. — снова всхлипнул он.

— Ничего, — утешила его растроганная Анжелика и ласково погладила по голове. — Удача еще придет, надо только уметь взять ее!

Поваренок убежал. В мансарде Анжелика нашла Розину, наблюдавшую за игрой Флоримона и Кантора. Дети весело забавлялись с котом.

— Я не хочу, чтобы они когда-нибудь просили милостыню, как дети парижского дна, — решительно произнесла Анжелика.

— А что же ты хочешь, чтобы они делали? — удивилась Розина, привыкшая к жизни на дне Парижа.

— Я хочу, чтобы они работали, чтобы у них было будущее. Помогите мне отнести детей на кухню. Барба присмотрит за ними.

Кухня, куда они перенесли детей по приказу г-на Бурже, была огромна. Посреди пылала плита, вдоль стен стояли столы, за одним работала Барба, одетая в белый фартук. Она готовила клиентам различные блюда.

«Теперь мои дети, по крайней мере, всегда будут сыты!» — подумала Анжелика.

Они надела Флоримону длинную рубаху, и он бегал по просторной кухне. А Кантор все время дергался в своих пеленках, которые крепко завязала добросовестная Барба.

— Только посмотри, какие у него сильные ножки! — порадовалась Анжелика.

— Наш наследник... — Глаза Барбы увлажнились, и она смахнула слезу краем передника. — Как только у меня появляется свободная минутка, я играю с ним. Кантор меня уже узнает и улыбается. Дай Бог, чтобы он поскорее поправился!

— Успокойся, милая, — Анжелика расцеловала ее в пухлые щеки. — Я скажу Розине, чтобы она пришла помогла тебе.

Устроив всех, Анжелика отправилась к Новому мосту. Цветочница не узнала ее, но, когда она напомнила про букет, торговка воскликнула:

— Как же я могла тебя узнать? В тот раз у тебя были длинные волосы, но не было башмаков. А сейчас есть башмаки и волосы острижены под мальчишку. Но я надеюсь, что твои золотые руки остались прежними. Иди садись со мной. У меня много работы.

Анжелика присела под навес и принялась составлять букеты. Она очень боялась увидеть кого-нибудь из банды Каламбредена, так как Новый мост был территорией, где они промышляли. Но, к счастью, в тот день Новый мост был спокоен. Редкие прохожие не обращали никакого внимания на девушку, составлявшую букеты. Было тихо, не слышались даже фанфары Великого Мотье, временно перенесшего свою эстраду в Сен-Жермен. Мамаша Маржолена, как звали цветочницу, рассказывала своей соседке о драке на ярмарке:

— Полиция оказалась на высоте. Около ста бандитов и карманников отправили в тюрьму. Теперь на Гревской площади каждый день будут вешать по одному. — Ну ничего, так им и надо!

Усердно работая, Анжелика прислушивалась к разговору. Торговки продолжали говорить о готовящемся приеме в Лувре — по случаю рождения королевского наследника.

— Скоро и у нас будет знатный ужин, — мамаша Маржолена вытерла пот со лба. — Каждый год наша корпорация цветочниц собирает всех хозяев мелких цветочных магазинов и угощает их. В нынешнем году мы тоже собирались в одной таверне, но нас надули.

Вино оказалось кислым, а закуска несвежей. И мы пока еще не решили, какую выбрать харчевню.

— Я знаю таверну, — вмешалась Анжелика, — где кормят хорошо и недорого. — И она дала адрес господина Бурже.

— А чем ты подтвердишь свои слова? — недоверчиво спросила другая цветочника. — Где ты живешь? Ведь мы тебя совсем не знаем.

— Я и сама живу в таверне «Храбрый Петух», — гордо ответила Анжелика.

— Недавно там был мой муж, — не унималась цветочница. — И он говорил, что кормят там просто отвратительно.

— Ваш муж, наверное, просто напился, как свинья, — парировала Анжелика. — Хозяин таверны недавно выписал из Тулузы знаменитого повара, который готовит не хуже королевского, поверьте мне, дорогие!

— Ну что же, — воскликнула мамаша Маржолена. — Раз ты так нахваливаешь харчевню, то я сегодня схожу туда вместе с тобой и договорюсь насчет ужина.

— О нет, только не сегодня! — замахала руками испуганная Анжелика, понимая, что таверну нужно еще приводить в порядок. — Сегодня хозяин с поваром отправились на базар за продуктами. Да к тому же в таверне живет маленькая обезьянка, она будет развлекать вас. Приходите завтра вечером, и вы отведаете ветчины, какой не ели никогда в жизни, а после договоримся об ужине.

— А что ты сама делаешь в таверне? — вмешалась еще одна дородная цветочница.

— Я родственница хозяина, — уклончиво ответила Анжелика и для уверенности добавила: — Мой муж был мелким лавочником, но зимой умер от холеры и оставил меня в нищете, потому что мы истратили все на лекарства.

— Да, — горестно вздохнула мамаша Маржолена, — хорошие люди всегда умирают рано.

— Я приехала к г-ну Бурже, — продолжала Анжелика. — Он сжалился надо мной, и теперь я помогаю ему по хозяйству.

Они так увлеклись разговором, что даже забыли как следует познакомиться.

— Вот и хорошо. Меня зовут Анжелика, — весело сказала, вставая, молодая женщина. — Завтра вечером мы вас ждем в гости!

Придя домой, она поначалу испугалась, что так разрекламировала харчевню. Ведь, правду сказать, та выглядела ужасно: все заросло паутиной, столы загрязнились, окна закоптились, на полу лежал прочный слой грязи.

Но каким-то шестым чувством Анжелика предугадала, что сейчас ей сопутствует удача. И к тому же она твердо решила порвать с воровским миром. Если ее дети станут честными людьми, получат образование и специальность, то у них появится будущее. Может, и сама она когда-нибудь станет знатной дамой... Ну, а пока нужно работать, ей предстоит борьба за существование. И все-таки она была уверена, что вырвет своих ангелочков из парижского чрева и они никогда не узнают ни холода, ни голода.

Вечером она улеглась пораньше, чтобы с рассветом начать уборку и привести в божеский вид таверну, в которую должны прийти договариваться об ужине представители благородных парижских цветочниц.

Глава 18.

Торжественный ужин корпорации

На следующее утро Анжелика встала с петухами и сразу разбудила Барбу, Розину и мальчишек.

— Вставайте, души грешные! — похлопала она по плечу племянника г-на Бурже, — Сегодня у нас тяжелый день. Вечером к нам в таверну придут цветочницы, чтобы договориться о проведении большого совместного ужина. Мы должны хоть как-то подготовить таверну.

— Маркиза, — недовольно ворчал Флино, — почему мы всегда работаем, а лентяй Давид дрыхнет сколько вздумается?

— Кстати, я должна вас предупредить, что отныне я не Маркиза Ангелов, а вы не нищие. Теперь мы родственники г-на Бурже. И я уверена, что скоро мы с вами станем почтенными горожанами.

— Фу-у, — разочарованно протянул Дино, но Анжелика тут же отвесила ему звучный шлепок, показавший, что его новая жизнь уже началась.

Пока Дино почесывал место пониже спины, Анжелика критически осмотрела одежду своих подопечных. Бывшие узники Двора Чудес были одеты весьма невзрачно, так как мадам Суассон не слишком расщедрилась.

— Флино и Давид пойдут со мной на базар, а ты, Дино, будешь помогать Барбе.

Потягиваясь, Дино вздохнул. Новая работа была ему явно не по вкусу.

— Как хорошо жилось раньше, когда я был карманником, — уныло проговорил он.

— Хочешь вернуться в логово Великого Коэсра? — спросила его Анжелика. — Я не держу тебя, убирайся, но не просись уже назад...

— Нет, нет! — всполошился подросток. — Теперь мне туда нельзя. Они меня убьют!..

— У вас совсем нет фантазии, друзья мои! Скоро мы вылезем из грязи и нищеты, я вам обещаю! А сейчас — пошли! — И она с подростками направилась к выходу.

Бурже неуверенно протянул кошелек.

— Если вы думаете, что я собираюсь обманывать вас, то пойдёмте вместе на базар. Но считаю, что вам следует привести в порядок зал, — сказала Анжелика кабатчику.

Тот недоуменно почесал затылок. С тех пор как умерла его жена, у него не оставалось времени на размышления. Утро он начинал с рюмки водки, а к вечеру напивался в стельку. Но женщина, пришедшая к нему два дня назад, как бы встряхнула его от длительной спячки.

«Она разорит меня, — думал он. — Черт знает что за женщина! И в ней заключена невероятная сила убеждения...»

Немного постояв, он растерянно направился в общий зал следить за уборкой, предварительно все же выпив маленький стаканчик.

Анжелика хотела не только приготовить торговкам шикарный ужин, но и одновременно привести в порядок обеденный зал таверны. Для этого проще всего было купить длинные гирлянды перца, лука и чеснока и красиво повесить их на стены. А главное, нужно было приобрести доброго бургундского вина.

Покупая на рынке продукты, она не торговалась, и поваренок, следивший за ней по наставлению г-на Бурже, постоянно причитал:

— Хозяин убьёт нас за такие расходы!..

— И тебе не стыдно трястись над каждым су? — упрекнула его Анжелика. — Не говори же мне больше, что ты родом из Тулузы!

— Нет-нет, я действительно из Тулузы, — возразил задетый за живое Давид и, покраснев, продолжал: — Мой отец — покойный г-н Шайо. Его имя вам ни о чем не говорит?

— Нет. А чем занимался твой папаша?

— Как, вы не знаете? Он же владел бакалейной лавкой на площади Горон. Только в его лавке продавались всякие пряности и приправы для тулузских гурманов.

«Да, в то время я сама не ходила на базар...» — с невольной грустью подумала она.

— Мой отец много путешествовал, — продолжал Давид. — Он служил на королевском флоте. И хотел продавать шоколад в Тулузе.

Анжелика вспомнила, как популярен был этот напиток в ее доме. Но в массовое производство он так и не попал — вероятно, из-за недостатка сырья и предприимчивых людей.

— Давид, расскажи мне про шоколад!

С заговорщическим видом юноша приблизился к Анжелике:

— Мадам, доверяю вам тайну, которую я не сообщил даже своему дяде, г-ну Бурже, хотя, по правде говоря, моя тайна не очень его интересует. Мой покойный отец видел, что шоколад варят уже в Испании, в Италии, в Португалии и где-то еще. Он приятен на вкус, полезен для здоровья и бодрит человека.

— Да, — вздохнула Анжелика, слушая его будто бы мимолетно. — Я никогда его не пробовала. Но говорят, что наша королева от него без ума. Ох, да ведь она же родилась испанкой. Весь двор во главе с королем посмеивается над ее маленькой слабостью.

— Потому что они сами никогда не пробовали шоколада, — заметил юноша. — У моего отца уже был патент, подписанный королем, по которому он мог выпускать и продавать шоколад в пределах Франции. Но — увы! — он умер, я остался сиротой и не знаю, что делать с тем патентом. Я обратился к дяде за помощью, но он только посмеялся надо мной. Он всегда считал моего отца сумасшедшим.

— А где сейчас находятся бумаги?

— В шкатулке, в моей комнате. — Давид задумался. — Если мне память не изменяет, патент выдан 28 мая 1659 года и действителен на 29 лет.

— Значит, если я правильно тебя понимаю, ты еще 27 лет имеешь право делать и продавать шоколад своего изготовления?

— Верно, мадам. Но у меня нет денег, чтобы начинать какое-то дело.

— Поберегись! Поберегись! — раздались крики, и мимо них промчалась телега с овощами.

Анжелика взяла Давида за руку, и бедный поваренок задрожал от этого прикосновения.

— Мадам, как вы прекрасны! — пролепетал он, краснея до корней волос. — Ах, если бы...

— Увы, мой друг! Мне не пятнадцать лет, и у меня уже двое детей, — ответила она, подумав, что не следует отталкивать глупого поваренка, непонимающего, каким богатством он владеет. — Ты посмотри, Давид, у меня в волосах уже целая прядь седины...

— Но она только украшает вас!

— Седые волосы появились у меня после бегства с окраины Сен-Дени... Да, а где Флино? — оглянулась Анжелика. — Не вспомнил ли он свою старую привычку разыскивать кошельки в карманах почтенных горожан?

— Напрасно вы так переживаете, мадам, из-за этого плута, — ревниво заметил Давид. — Я только что видел, как он обменивался знаками с каким-то грязным и вшивым мальчишкой.

— Ну ладно. Пойдем домой, основные покупки мы уже сделали, — сказала она.

Но тут кто-то сильно потянул ее за юбку из-под прилавка. Она нагнулась и увидела Флино с горящими от возбуждения глазами. Она протянула руку и вытащила его оттуда.

— Я тебе такое расскажу, Маркиза! — заикаясь, начал он говорить, — Только что я встретил одного знакомого с Двора Чудес. Ты знаешь, кто теперь наш Великий Коэср? Жанин Деревянный Зад. Приятель мне сказал: «Берегись, вы живете под крышей нашей предательницы».

У Анжелики кровь остыла в жилах.

— Ты думаешь, они знают, что это я убила чудовище? — прошептала она.

— Он ничего не сказал о Коэсре, но предупредил, что тебя ищет банда Родогона.

Они быстро переговаривались на воровском жаргоне, и, естественно, Давид ничего не понял. Он даже открыл рот от изумления. Он чувствовал, что здесь кроется какая-то страшная тайна и что Анжелика замешана в ней. И эта таинственность еще больше повысила авторитет Анжелики в глазах подростка.

«Да, опасную игру я затеяла, — подумала Анжелика. — В одно прекрасное утро я могу оказаться с перерезанным горлом. Раньше мне угрожали принцы, а теперь — бандиты...»

— Хорошо! — отмахнулась она от мрачных мыслей. — За работу, друзья! Надо, чтобы почтенные дамы из корпорации цветочниц остались довольны сегодняшним вечером.

И работа закипела.

Наконец прибыли цветочницы. Когда они вошли в украшенный зал, их сразу опьянил аромат, исходивший от множества

разнообразных блюд. Жарко горел камин, пламя отсвечивалось в начищенных до блеска подсвечниках, на столах красовалась самая лучшая посуда и стоповые приборы: Анжелика даже умудрилась выудить у хозяина серебряные вилки, которые он ревниво держал за семью замками. Между подносами со спелыми фруктами высились бутылки с великолепным бургундским вином. Цветочницам было чему поучиться у Анжелики. Разнося цветы, они частенько посещали богатые дома, и торжественный прием, подготовленный Анжеликой, откровенно им льстил. Они простодушно и искренне восторгались, вставляя в речь ядреные словечки и критически рассматривая оформление блюд. Но Анжелика приложила много энергии и фантазии при их изготовлении, и цветочницам не к чему было придраться. «Женщины есть женщины, они все ревнивы и придирчивы», — подумала Анжелика, чувствуя их скрытое удовлетворение.

Опрятно одетый Дино, усевшись возле камина, играл на шарманке, и маленькая Пикколо весело танцевала под музыку.

— Ну вот, — пробасил хозяин, когда почтенные цветочницы, насытившись, наконец удалились. — А что мы будем делать с оставшимися блюдами? Нет, ты меня разоришь! — бормотал он, обращаясь к Анжелике.

— Вы удивляете меня, г-н Бурже, своей недалёковидностью! — возмутилась она. — Вы деловой человек, а ничего не смыслите в коммерции. Расточительный, с вашей точки зрения, ужин принесет вам доход, в десять раз превышающий все ваши затраты!

Хозяин продолжал сомневаться, и ей с превеликим трудом удалось переубедить его.

— Ну ладно, — развел он руками, — пусть нас рассудит Святая Дева. Если мне тебя послал Господь Бог, то он не допустит моего разорения. Поглядим, что будет дальше.

И все пошло, как хотела Анжелика. Хозяин таверны «Храбрый Петух» не мог нарадоваться на свою «кузину», как он отрекомендовал соседям внезапно появившуюся молодую женщину.

Однажды утром Бурже позвал ее к себе и с заговорщицким видом приказал следовать за собой. Они поднялись по лестнице и очутились в большом зале, где посередине стояла кровать. Мысли Анжелики пошли кругом. Нет-нет, она никогда в жизни не будет спать с такой толстой бочкой... А дети? Что будет с ними, если хозяин выгонит всех

вон? Она уже заранее пришла в отчаяние. В зале было много пыли — уже год после смерти жены г-н Бурже не заходил сюда. На стенах висели старинные картины в позолоченных рамах и декоративное оружие — мушкетеры, пики и шпаги.

Кряхтя, хозяин полез под кровать.

— Иди сюда, — произнес он, держась за поясницу, — иди сюда и помоги мне.

Вдвоем они едва-едва вытащили громадный сундук с висевшим на нем огромным замком.

— Вот, — пыхтя, сказал хозяин и отпер ключом тугой замок. В сундуке лежали аккуратно сложенные вещи покойной г-жи Бурже. — По правде говоря, жена была немного толще, чем ты. Но что-то наверняка можно будет переделать, — он украдкой смахнул слезу. — Выбирай, что хочешь, и не смотри на меня так... Здесь есть на все случаи, — гордо сказал он. — Да, хорошие люди умирают...

— Я уверена, что ваша жена сейчас смотрит с небес и говорит: «Какой у меня добрый и благородный супруг!» Я с удовольствием принимаю ваш подарок и выберу себе одно платье по вкусу. Позовите мне, пожалуйста, Барбу. Она поможет мне с примеркой...

В тайне Анжелика давно мечтала о том, чтобы хоть один раз примерить хорошее платье и чтобы, как в старое время, ей помогала служанка... Через несколько минут в зал влетела счастливая Барба и закутилась вокруг нее. Было выбрано зеленое платье с кружевным воротничком. И когда все переделки были кончены, Барба позвала хозяина.

— Святая Мария! — воскликнул Бурже. — Ты похожа на ту девочку, о которой мы с женой мечтали всю жизнь. Но Бог не дал нам ребенка... О, какой я несчастный! — И, совсем уж растрогавшись, он заплакал. — Ей было бы сейчас двадцать пять лет. Она бы смеялась и бегала по нашему дому, принося всем радость... Однако с тех пор, как ты появилась в доме, у нас что-то изменилось. Ты внесла свет в мое жилище. И я только боюсь, что однажды ты улетишь так же внезапно, как и прилетела.

Победа Анжелики была полной. Тем же вечером она под села к хозяину «Храброго Петуха».

— Господин Бурже, вот что я хотела бы вам сказать. Я согласна сотрудничать с вами — я, Розина, мальчики и обезьянка. А вы будете

отдавать нам четверть от прибыли. Если вы тоже согласны, то, чтобы все было законно, мы завтра подпишем контракт у нотариуса. А для соседей, если будут спрашивать, я — ваша кузина. Все будет хорошо, сами увидите. Только нужно трудиться и заводить новую клиентуру. Главное — клиентура.

Хозяин почесал за ухом. Он не возражал. Молодая женщина загипнотизировала его.

— Делай что хочешь, — пробормотал он, опрокинув стаканчик. — Я вижу, что ты всегда права. Сам Господь Бог послал тебя. А сейчас иди спать. Завтра пойдем к нотариусу. Время шло. Кареты со знатными дамами все чаще останавливались возле таверны. Дела шли успешно, хозяин был доволен, мечты Анжелики постепенно начали осуществляться. Она копила деньги, хорошо зная, что богатство — ключ к свободе. «Если бы мое имущество не было конфисковано при аресте мужа, я бы могла еще спасти его», — думала она.

Прошлое вернуть невозможно, его надо отбросить. Сейчас нужно жить и бороться, чтобы выжить. Анжелика твердо решила, что никогда не будет думать о прошлом, просто забудет о нем. Теперь ей следует думать только о подрастающих Канторе и Флоримоне.

Но в тот вечер какое-то скрытое беспокойство встревожило ее душу. Уставшая за трудный день, она присела, облокотясь на подоконник. Вдруг кто-то ловко перелез через забор и направился к ее окну. Свет фонаря упал на незнакомца, и она узнала его, хотя тот был в черной полумаске. Перед ней стоял Черный Хлеб из охраны Каламбредена.

У нее бешено забилося сердце, но она взяла себя в руки и, не подавая виду, что испугалась, угостила старого знакомого чаркой вина и добрым куском свежей ветчины.

Как далека оказалась она от своего старого мира, втянувшись в работу!

Но парижское дно так просто не отпускает свои жертвы. Пришелец снова ушел в темноту ночи, поблагодарив за угощение и скрестив на прощание пальцы в знак преданности. Выбежав из дома, Анжелика догнала его:

— Скажи, Черный Хлеб, меня не проклинают там, в доме нового Великого Коэсра? И как ты думаешь, мне не будут мстить?

Он посмотрел ей прямо в глаза:

— Ты прекрасно знаешь наши законы. Маркиза, но для тебя всегда делались исключения. Живи спокойно, пока ничего плохого не слышно. К тому же наш Великий Коэср — твой друг. Жанин Деревянный Зад питает к тебе определенную симпатию. Так что пока будь спокойна... — и он быстро перелез через забор.

Черный Хлеб исчез, но на душе у Анжелики было беспокойно. Она знала, что оставались еще Тухлый Жан и Родогон, которые при случае не станут молчать. Встревоженная, пошла она в свою комнату, легла в холодную кровать и забылась тяжелым тревожным сном.

Глава 19.

Визит в Лувр к карлику Баркарролю

Вот уже месяц Анжелика трудилась в таверне «Храбрый Петух», а по вечерам помогала цветочнице, мамаше Маржолене, составлять букеты. Приближающееся рождение королевского наследника приносило большие хлопоты богатой корпорации парижских цветочниц. Надо было снабжать двор изящными букетами, и корпорация работала не покладая рук.

В один прекрасный день вдруг внеурочно зазвонили башенные часы и раздался грохот пушек со стен Бастилии — самой страшной тюрьмы Парижа и всей Франции.

Ликовали все горожане — богатые и бедные, молодые и старые. Королева родила!

Да, королева Франции родила наследника.

— Да здравствует наследник! Да здравствует королева! Да здравствует его величество король! — слышалось отовсюду.

Радостные парижане обнимались, целовались и плакали от счастья. По личному распоряжению короля на главных улицах и площадях были установлены столы: угощали всех прохожих, вино лилось рекой. А вечером состоялся грандиозный фейерверк. Все праздновали рождение будущего короля Франции.

Как только королева со своим малышом вернулась в Лувр, все парижские корпорации начали готовиться к цеховым приемам. Не отставали и цветочницы. Мамаша Маржолена даже пообещала Анжелике, взять ее с собой, чтобы возложить к ногам ее величества красивые букеты, составленные накануне.

— Ты вместе со мной понесешь корзины, — говорила она смущенной Анжелике, — и увидишь дворец. Не каждому такое удается!..

Анжелика согласилась. Она не признавалась себе в том, что чувствовала себя весьма озабоченной визитом во дворец, где в ее жизни произошло столько событий и драм.

А де Гиш, де Вард? Кто из сильных мира сего узнает ее, бывшую графиню де Пейрак, жену одного из богатейших людей Франции,

которая, блистая нарядами, проходила по Лувру со своим слугой — огромным мавром?

А сейчас, в потрепанном чепце, с корзинкой цветов в руках, она выглядит, как тысячи парижанок, зарабатывающих себе на хлеб ежедневным трудом.

В назначенный день мамаша Маржолена и Анжелика, нагруженные корзинками с цветами, прибыли во двор королевского дворца, где уже собрались представители многих корпораций Парижа, принесшие свою дань наследнику престола. Дворец пестрел множеством цветов и туалетами прекрасных дам, нарядно разодетых по такому случаю. Подошел час, и благородные цветочницы, затаив дыхание, начали подниматься в королевские покои, поражаясь роскоши апартаментов, задрапированных шелками, парчой и бархатом.

Наконец их провели в спальню королевы. Торговки опустили на колени и принялись наперебой расхваливать наследника, которому было всего-навсего несколько дней.

Анжелика вместе со всеми опустилась на ковер и взглянула на королеву, лежавшую в кружевах на большом ложе. Сверху свисал живописный балдахин, защищавший ее от солнечных лучей. В лице королевы-испанки чудилось что-то орлиное, хотя оно было красиво и величественно, и тень покорности уже вырисовывалась на ее восковых щеках. Она стала жертвой династических связей, соединив свою жизнь с Королем-Солнцем. Отказавшись от родины, королева Франции стала игрушкой в руках влиятельных придворных.

Вдруг раскрылась потайная дверь будуара и в спальню вошел король. Он остановился подле кровати и галантно улыбнулся дамам.

Анжелика почувствовала себя так, будто перед ней оказался сам Создатель. Ноги отнялись, и она в страхе потупила взор перед земным Властелином. Она видела в нем все зло, воплощение власти и честолюбия, видела человека, отнявшего у нее мужа, богатство и даже имя. За королем следовала свита, но она никого и ничего не видела, — все померкло перед ней, кроме одного величественного лица. Теперь она панически боялась его, он был совсем не похож на того молодого человека, который впервые принимал ее во дворце несколько лет назад. В тот далекий день они стояли яруг перед другом, как равные. А ныне он превратился в властного самодержца, тщеславно говорившим своим министрам: «Государство — это я...»

Затем представителей парижских цветочниц повели обратно по темным переходам Лувра. И вдруг Анжелика услышала свист. Она до сих пор отлично помнила сигнал, которым пользовались в банде Каламбредена — один длинный и два коротких свистка. Ей показалось, что она бредит. Здесь, в королевском дворце! И сюда добрались люди Каламбредена! Дьявол из Монтелю и после смерти преследовал ее. Спазмы сдавили ей горло. Резко обернувшись, у маленькой двери, выходящей на дворцовый двор, она увидела...

Нет, ей не почудилось. Анжелика ясно увидела карлика Баркароля. Испытывая истинную радость, она бросилась к нему. Карлик гордо опирался на красивую трость.

— А, моя дорогая маркиза, здравствуй! Пойдем поболтаем немножко!..

Анжелика весело рассмеялась и пошла за ним по темным переходам. Она заговорила, чтобы в темноте не потерять его из виду.

— О, Барко, каким ты стал элегантным! Как хорошо ты говорить и держишься!

— Я любимый карлик королевы. Сейчас я познакомлю тебя с одной особой, маркиза.

На карлике был роскошный камзол и расшитые замшевые сапожки. Его можно было бы принять за малолетнего сына какого-нибудь знатного сеньора или богатого придворного.

— Да, маркиза, я теперь катаюсь, как сыр в масле, — продолжал карлик. — Меня любят все обитатели здешних хором. Мне приятно, что в своем возрасте я уже сделал карьеру.

— А сколько тебе лет, Барко?

— Тридцать пять. Это вершина расцвета мужчины, его физических и моральных качеств, — высказался он, философски подняв палец.

Они вошли в большую комнату, где за столом сидела женщина лет сорока. Женщина оказалась довольно уродлива, но тем не менее Анжелика раскланялась.

— Донна Терезита, представляю вам Анжелику, — по-испански обратился он к женщине.

Терезита посмотрела на Анжелику и ответила тоже по-испански. Из ее слов Анжелика поняла только «Маркиза Ангелов».

— Видишь, маркиза, я никогда не забываю друзей, — горделиво засмеялся карлик.

Анжелика заметила, что ноги донны Терезиты едва достают до четверти стула.

— Она любимая подруга ее величества, — отрекомендовал хозяйку Баркароль.

Кивком головы карлица пригласила гостью сесть рядом с собой. Баркароль прыгнул прямо на стол и, устроившись поудобнее, колот орехи и рассказывал сразу по-французски и по-испански разные смешные истории.

Вдруг открылась дверь, и в комнату вошел придворный ее величества. Подойдя к столу, он поставил на него серебряную кастрюльку. И Анжелика почувствовала резкий, приятный и очень знакомый запах.

— Что это такое? — спросила она карлика.

— Сейчас донна Терезита будет готовить шоколад для ее величества, королевы Франции, — с достоинством объяснил он.

Пока он весело болтал с Анжеликой, карлица готовила шоколад.

— Королева очень любит меня, — говорил Баркароль, грызя орехи. — Иногда она берет меня за подбородок и говорит: «О, как я несчастна, Баркароль!» У нее на глазах появляются слезинки, но она их быстро смахивает и предлагает: «Давайте веселиться!» — и мы начинаем какую-нибудь забаву.

— Барко, а правда, что у короля есть новая фаворитка? — тихо спросила Анжелика.

— Да, маркиза. Он ее скрывает, но куда денешься от любопытных глаз придворных?.. Бедная королева Франции! У нее такой утонченный ум, и вместе с тем она ничего не понимает в жизни. Да, — вздохнул карлик, — живя здесь, я понял, что у принцев тоже свои проблемы и заботы. Надо видеть, как ее величество ждет мужа по вечерам в своих апартаментах, а он в то время ласкает другую... И бедная королева все чувствует. Такова жизнь, маркиза!

Вскоре карлица закончила приготовление шоколада. Анжелика очень заинтересовалась напитком. У Баркароля она выведала рецепт приготовления и тщательно записала его.

— Наша королева не может обходиться без шоколада. Его величество и весь двор, подражая королю, алеют над маленькой

слабостью королевы. Ведь она испанка и потому с детства привыкла к шоколаду.

— А здесь, во Франции, можно достать зерна какао? — не унималась Анжелика.

— О, королеве юс привозят из Испании через посольство. — И карлик тихонько добавил: — Я не понимаю, маркиза, как для такой гадости люди тратят свой труд и энергию.

Дверь снова открылась, и вошел слуга.

— Шоколад ее величества, — произнес он.

Карлица слезла со стула и в сопровождении слуги пошла в апартаменты королевы, неся на подносе готовый дымящийся напиток. Поговорив еще немного, Анжелика и карлик вышли из комнаты и узким коридором подошли к двери, открывавшейся прямо на набережную Сены. Она взяла Баркароля за руку:

— Ты не спрашиваешь, что со мной стало?

— А зачем мне спрашивать? — усмехнулся он. — Я и так все знаю. Ты дала отставку Каламбрдену и стала жертвой приятных иллюзий.

— Барко, ты как будто меня в чем-то упрекаешь? Каламбрден исчез. Мне повезло, что я вырвалась из Шателе. Родогон со своей бандой занял башню Несль. Я всегда помогаю нищим и бродягам из нашего «королевства»... А кто тебе сказал про меня? — спросила Анжелика, затаив дыхание от внутреннего страха.

Барко внимательно посмотрел на нее:

— Наш старый друг, Жанин Деревянный Зад. Я недавно ходил к нему и отнес налог — кошелек, полный золотых луидоров. Вот как обстоят дела, дорогая маркиза.

— Скажи откровенно, они мне ничего не сделают? — с надеждой в голосе спросила она.

— А что же они могут сделать с такой умной красоткой, как ты?

И тут Анжелика почувствовала настороженность карлика. Страх парализовал ее.

— Нет, пусть я умру, но никогда не вернусь туда! Я могу сказать так прямо в лицо Великому Коэсру.

— У-у-у! — злорадно засмеялся Баркароль. — Мне будет очень неприятно увидеть однажды милую красотку с перерезанным горлом и с распоротым животом. Ха-ха-ха!

От его смеха у Анжелики затряслись поджилки. Она растерянно пошла по набережной.

— Вот тебе мой совет, маркиза, — догнал ее карлик. — Ты должна сама сходить к Великому Коэсру. Отнесешь налог, и все уладится.

Они холодно попрощались. Анжелика двинулась к таверне, а карлик юркнул за дверь.

Начиная с декабря месяца Анжелика отдавала все свое время коммерции у папаши Бурже. Клиентура, благодаря ее таланту, росла с каждым днем. Реклама корпорации благородных цветочниц сделала свое дело.

В таверне «Храбрый Петух» проводились вечера дружбы и отмечались юбилей. Со всей страстью южанки Анжелика окунулась в новую для себя работу. В таверне стали собираться не только мастеровые и ремесленники. Сюда заходили поэты, философы и деловые люди. Сразу после спектаклей здесь появлялись артисты в масках и карнавальных костюмах и давали представления прямо в таверне, забавляясь с маленькой обезьянкой Пикколо.

— Вот наш собрат, — смеялись они, показывая на обезьянку. — Из нее получился бы неплохой комедиант!

Так они шутили, пели и пили вино до глубокой ночи. Анжелика ходила с подносами, угождая клиентам. Она делала все, чтобы забыть нищенскую жизнь в башне Несль.

Она не раз вспоминала, что в детстве охотно помогала кормилице по кухне. Но Жофрей, как гурман, привил ей страсть к тонкой пище. Обеды в «Храме Науки» были известны всему королевству. Она вспомнила рецепты кулинарного искусства и потчевала клиентов такими блюдами, что они только диву давались.

Пришла зима, и случилось несчастье. Заболел маленький Флоримон. Он горел огнем и часто бредил во сне. Анжелика не знала, что делать. Неужели Бог отнимет у нее ангелочка? На третий день болезни Флоримона хозяин приказал ей занять комнату его покойней жены, куда уже полтора года никто не заходил. И, слава Богу, Флоримон начал поправляться.

— Я не хочу больше видеть, — часто ругался г-н Бурже, — как тебе, на глазах у всех соседей, лакей графини Суассон приносит дрова.

Передай ему, чтобы я больше не видел его в таверне. Пользуйся нашими дровами!

Анжелика благодарила хозяина, сидевшего за стойкой таверны. Теперь она собиралась раздавать подарки графини обездоленным.

Но с наступлением зимы толпы нищих возле таверны стали расти день ото дня. В душе она догадывалась, кто являлся инициатором такого нашествия. Теперь она боялась, что ночью ей перережут горло или похитят сыновей. Поздними вечерами она подходила к окну, и ей казалось, что она видит, как из кустов и сточных канав выползают тени и слышатся знакомые пересвисты. В страхе бросалась она к кроваткам безмятежно спавших Кантора и Флоримона.

Но потом стало еще хуже. Выпал большой снег, и ударили морозы. Наступило самое трудное время для нищих и бездомных бродяг. Холод и голод гнали их, как диких зверей, поближе к человеческому жилью. С каждым днем они становились все наглее и опаснее.

— Я должна идти к Жанину, — сказала себе Анжелика, — дальше тянуть нельзя!

Но как он примет ее? От него зависела вся дальнейшая жизнь. И она решила — будь что будет!

Темной безлунной ночью, когда хозяин не выгонит собаку со двора, Анжелика пришла в Сен-Дени. Пронизывающий ветер, свистел в ушах, и слышался жалобный вой бездомных собак. Не было ни фонарей, ни костров, и только блеск далеких звезд освещал ей путь. Наконец она нашла нужный дом и постучала в дверь. Ее проводили к Великому Коэсру.

В большом зале стояло что-то вроде трона, где восседал человек-колода. Дым от газовых рожков и курительных трубок застилал таз. Не говоря ни слова, Анжелика приблизилась и бросила в таз увесистый кошелек с луидорами. Она принесла также и другие подарки — большой окорок и несколько колбас. Таков был старый обычай.

Жанин сразу же узнал ее. Подождав немного для солидности, он вынул трубку изо рта:

— Ба! Маркиза, я давно тебя жду! Ведь ты ведешь очень опасную игру.

Анжелика подошла к трону и поклонилась:

— Понимаю, что тем, что я все еще жива, я обязана только тебе одному.

Она подняла голову и прямо посмотрела в его выпученные глаза. По обеим сторонам Коэсра стояли телохранители, готовые в любой момент обрушиться на посмевшегося перечить королю Тюнов. Поодаль сидели Большой и Малый евнухи, а рядом стояла метла, к которой был привязан труп собаки. Деревянный Зад был одет в добротный камзол, а в большой шляпе торчали три красных пера. Как ей была знакома вся окружающая обстановка!

Анжелика пообещала Великому Коэсру, что каждый месяц в определенный день он будет получать налог и что на его столе всегда будут блюда, собственноручно приготовленные ею. Взамен она просила отвести нищих от таверны «Храбрый Петух». Жанин помолчал, а потом протянул руку.

Ему тут же подали большой кубок с вином.

— Надо вспрыснуть наш союз, маркиза, — и он захохотал своим диким смехом. — Из-за твоих прекрасных глаз я сделаю то, о чем ты просишь, хотя и рискую своей репутацией в воровском мире. От нас не уходят так просто. Так пусть будет первое и последнее исключение в моей жизни! — Жанин выпил кубок до дна. — Но только не вздумай предать нас, а то я устрою тебе такую жизнь — вернее, такую казнь, которой никто не видывал... — И он опять засмеялся своим замогильным смехом так, что попятились его придворные.

Анжелика попрощалась, скрестив пальцы и плюнув на пол, — в знак того, что она сдержит слово. Итак, теперь ее должны оставить в покое. Она сможет свободно трудиться, а там, в будущем... Но что ждало Анжелику в будущем — никто не мог знать.

Под утро, счастливая, она пришла домой, разделась и забралась под одеяло. Кровать была холодной, но в душе ее царил покой. Завтра наступит новый день со своими радостями и невзгодами, но самую главную задачу она уже выполнила. Теперь она может не опасаться ни за свою собственную жизнь, ни за жизнь и свободу своих ангелочков.

Глава 20.

Слава таверны «Красная маска»

— Да проклянет меня Бог, если я еще когда-нибудь переступлю порог вашей харчевни! Я не потерплю, чтобы меня так обманывали!

Услышав такое заявление, Барба опрометью бросилась за помощью к Анжелике. Клиент жаловался и был недоволен. Барба видела его несколько раз в харчевне. Он прилично одевался и выглядел знатным сеньором, шатающимся по городу в поисках развлечений. Он всегда щедро платил, и его жалоба прозвучала как гром среди ясного неба.

Обворожительно улыбаясь, Анжелика подошла к клиенту. Окинув ее уничтожающим взглядом, тот раскрыл рот. Но, не давая ему заговорить, Анжелика воскликнула:

— Господин! Чем мы провинились? Скажите, почему ваша милость так недовольна? — Она сделала глубокий реверанс, и декольте чуть опустилось, оголив великолепную грудь.

— Я хочу повторить, — начал он, слегка заикаясь, что ноги моей больше не будет на пороге вашего заведения.

— Но кто же обманул вас, сударь?

— Ты сама должна догадаться, красотка, что в моем доме достаточно много поваров и другой прислуги, чтобы я мог не шляться по тавернам. Но я, сознаюсь, не в первый раз захожу к вам. Однажды меня притянул волшебный аромат, исходившей из окон кухни. А то, что я попробовал, превзошло все мои ожидания. Мне подали такой чудесный омлет, какого я не имел удовольствия откусать вот уже много лет.

Клиент все говорил и говорил, жестикулируя и краснея. Анжелика быстрым взглядом окинула стол, за которым сидел незнакомец. Бутылка бургундского была только начата, и он был абсолютно трезв.

— Тот омлет, что я ел несколько дней назад, был абсолютно не похож на сегодняшней. Скажи, кто готовил омлет в прошлый раз?

Анжелика вспомнила, что именно в тот день она сама готовила злополучный омлет.

— Мне очень приятно, что вы оценили мое скромное искусство, — она сделала новый реверанс. — Тот омлет готовила я сама.

Незнакомец вежливо привстал:

— О, красotka! Счастлив твой муж, имеющий возможность есть такие блюда. Я очень хочу списать рецепт приготовления! — Он пригласил ее за стол и сам наполнил два бокала. — Ну, за знакомство, прекрасная кухарка!

Практический ум Анжелики подсказывал ей, что богатый клиент может привести в таверну своих знакомых и друзей, а те в свою очередь — других. «Главное — создать заведению постоянную клиентуру!» — считала она.

Клиент слово в слово записывал в книжку рецепт приготовления омлета по-тулузски. А когда письменные принадлежности были отложены, он воскликнул:

— Я буду рад привести сюда своих друзей! Вынув кошелек, он щедро расплатился.

Замысел Анжелики претворялся в жизнь — клиентура росла с каждым днем.

Уже к началу 1663 года Анжелика исполнила три своих сокровеннейших желания. Первым делом она переехала. Ее угнетала старая жилая башня таверны, находившаяся вблизи от Шателе. Новый район был гораздо чище и лучше, здесь даже дышалось как-то свободнее.

Анжелика купила одноэтажный домик из трех комнат и комфортабельной кухни. Квартира казалась ей раем, а главное, она была ее хозяйкой.

Дом находился на улице Франк-Буржуа, неподалеку от старинного замка. Еще в эпоху Генриха IV какой-то знатный финансист решил построить шикарный особняк из белого кирпича, но война помешала довести дело до конца. Отделанным оказался один-единственный флигель. И теперь богатая одинокая старушка, являвшаяся хозяйкой жилой части недостроенного особняка, уступила ее за сходную плату.

Одну комнату Анжелика полностью отвела детям, которых ни на минуту не покидала верная Барба. К тому времени она перестала работать у г-на Бурже и перешла к своей старой хозяйке, мадам Марен, то есть к Анжелике, принявшей такое имя, чтобы ее дети в будущем

имели право прибавить к своей фамилии очаровательную приставку «де», дающую все вытекающие отсюда привилегии.

«Деньги делают все», — думала м-м Марен. Кто-кто, а она знала их власть над людьми. «Деньги открывают путь к свободе и власти», — когда-то говорил Жофрей де Пейрак. В вечер переезда Анжелика была счастлива. Она смеялась, бегая по комнатам с Флоримоном и Кантором. У нее было совсем немного мебели: три кровати, стол, стулья и два маленьких диванчика. Но она не унывала.

Огонь из камина ласкал своим теплом ее лицо, шею и натруженные руки. На кухне приятно пахло блинами. Маленькая собачка Дату и худенькая служанка Жавотта весело играли в прятки, а Флоримон хлопал им в ладоши.

Устроившись на улице Франк-Буржуа, Анжелика хотела было завести сторожевую собаку, так как район дю Марэ отстоял от центра и кишел бандитами разных мастей. Но покровительство Великого Коэсра спасало ее от неожиданного нападения. Все воры знали, где живет бывшая «Маркиза Ангелов», о которой до сих пор ходили легенды в воровском мире. И она взяла себе комнатную собачку.

Не так давно Анжелика приняла к себе на службу Жавотту — ту девочку, которая из жалости подкармливала Кантора и Флоримона, пока они находились у кормилицы. Крестьянка, конечно, не узнала в г-же Марен нищенку с ножом в руке. Анжелика выкупила девочку, и с того времени Жавотта считалась у нее на службе. Поглядев на играющую девочку, она со страхом вспомнила, в каком ужасном положении находились ее собственные малыши.

«Никогда они не будут голодать, никогда им не будет холодно», — часто повторяла она.

Решив побаловать своих ангелочков, она купила за большие деньги красивые игрушки у купца, приехавшего из Нюрнбурга. С радостью наблюдала она за своей маленькой семьей. Все собрались у камина, и Краснощекая Барба угощала их великолепными блинами со взбитыми сливками.

— Ну, теперь мы заживем на славу! — проговорила она, смахивая непрошеную слезу.

Послышалось заунывное пение могильщика:

— Слушайте те, кто не спит!.. Проснитесь спящие! Помолитесь Богу за усопших!..

Анжелика подбежала к окну и с возмущением вылила ему на голову содержимое горшка.

Второй мечтой Анжелики было переделать наскучившую вывеску таверны. Она придумала новое название, и теперь таверна называлась «Красная Маска». Перед дверью, окованной железом, висела карнавальная маска, выкрашенная в красный цвет. Она хотела сделать вывеску привлекательной, потому что предчувствовала, что скоро ее таверна станет известна всему Парижу.

Однажды, возвращаясь с рынка, она заметила возле лавки оружейника красивый портрет усатого военного во весь рост со шпагой в руке. Она зашла в лавку, и ей сказали, что такие портреты делает художник по имени Гонтран де Сансе, живущий в конце улицы Святого Марселя.

«Может, однофамилец?» — думала Анжелика, направляясь по указанному адресу.

На третьем этаже скромного дома обитал ее родной брат. Приятная пухленькая женщина открыла ей дверь. Проводив Анжелику в мастерскую, она скромно пошла на кухню.

Гонтран стоял спиной к двери и не заметил вошедшую. Незнакомка была в вуали, и художник не узнал ее. Анжелика принялась расхваливать картины, висящие на стенах мастерской, а потом, резко откинув вуаль, воскликнула на наречии, принятом в Монтелю:

— Здравствуй, брат Гонтран! Как живешь?

Гонтран был поражен, ибо считал ее погибшей. Сообщив Анжелике, что недавно женился на дочери хозяина, он спросил:

— Сестра, а что было с тобой? В нашей семье ты как легенда. Все шепотом говорят о графине де Пейрак и о ее муже, который, сговорившись с дьяволом, делал золото прямо из воздуха. Но я не особенно верю в такие бредни. А я вот стал художником... Когда наша семья собирается, мы не говорим о тебе — ты словно миф, фантом, привидение. К счастью, не многие знали, что ты наша, а то и нам бы не миновать грозы. Для всех — ты жена колдуна, о процессе ходило много басен.

Рассказывая, он нежно обнял ее за плечи испачканной в краске рукой. Она была готова расплакаться, а ведь так давно слезы не показывались у нее на глазах. Старое никак не забывалось, оно, как

рок, все время преследовало ее по пятам, не оставшись там, у костра, где проклятые еретики сожгли мужа.

Разговор стал неприятным, и она перевела его на другую тему.

— Ты, Гонтран, действительно талантлив. Ты прекрасно рисуешь!

— Спасибо, сестра. Но знатные сеньоры называют меня на «ты», хотя и заказывают мне свои портреты. Пока я человек маленький, и мы с тобой находимся в самом нижнем слое нашего общества. Но я верю, что в недалеком будущем мы с тобой появимся в Версале. Я стану отделять апартаменты его величества и писать портреты королевской фамилии, и король признает: «Вы талантливый художник, господин Гонтран, а вы, мадам, самая прекрасная женщина в Версале...»

Они засмеялись, и Анжелика забила неприятный разговор о прошлом. Спустя пару часов они распрощались, крепко обнявшись.

Покидая мастерскую, Анжелика заказала брату свой портрет, который ей захотелось повесить в гостиной новой квартиры. Теперь у нее оставалась невыполненной последняя, третья мечта: пустить в продажу шоколад.

Глава 21.

Анжелика решает продавать шоколад

Третьей мечтой Анжелики было начать продажу шоколада — заморского экзотического напитка. Такая мысль уже долгое время не давала ей покоя. Давид покапывал ей однажды патент своего отца, где было сказано, что г-ну Шайо разрешается изготавливать и продавать шоколад в пределах территории Франции в течение 29 лет. Патент был подписан самим Людовиком XIV. Давид даже не догадывался, какое сокровище унаследовал он.

Нужно было кто-то срочно делать с бесценной бумагой. Анжелика спросила у поваренка, делали ли они когда-нибудь с отцом шоколад и что он вообще о нем знает? Юноша был горд, что хоть чем-то может привлечь внимание безразличной к нему Анжелики, и рассказал ей:

— Впервые напиток был привезен из Мексики в 1500 году известным мореплавателем Фернандо Кортесом. Из Испании шоколад попал во Францию и Италию, а сейчас его изготавливают даже в Польше. Так говорил отец, — смущенно смотрел Давид на Анжелику, прекрасные глаза которой заставляли его бледнеть и краснеть.

На лбу поваренка выступал лот от волнения, но глаза его гордо блестели.

Производство шоколада оказалось делом нелегким. Отец Давида вызвал из Испании своих двоюродных братьев, и они вместе придумали станок для размельчения зерен какао, который в настоящее время хранится у дальних родственников в Тулузе. Но вскоре после смерти г-на Шайо дело заглохло.

— А ты не знаешь, что нужно делать с сырыми зернами? — вдруг спросила Анжелика.

— Как не знаю? Я все знаю! — весело воскликнул юноша. — Мы брали зерна, размачивали их, потом немного подсушивали и жарили до тех пор, пока они не становились хрупкими, как стекло. Ну, а затем толкли их в большой специальной ступке. Вот и все!

— Один раз, на Новом мосту, — задумалась Анжелика, — я слышала рассказы моряка о свободной стране, которую он называл Америкой. Интересно, а Мексика далеко от той Америки? Послушай,

Давид, а если бы сейчас мы смогли перевезти тот станок из Тулузы, ты сумел бы прямо здесь приготовить шоколад?

— О, да! — воскликнул счастливый поваренок, покраснев от удовольствия.

Теперь Анжелика искала любую возможность узнать побольше об экзотическом напитке. И она вспомнила о старичке-аптекаре, у которого покупала часто различные травы и снадобья.

— Он непременно должен что-то занятное сообщить мне. Нужно навестить его!

И ранним утром Анжелика отправилась к аптекарю. Старичок рассказал, что шоколад был изобретен знаменитым лекарем-испанцем Рене Мора, и даже прочитал ей из толстой книги рецепт его приготовления.

Вскоре Анжелика ушла. Удивленный аптекарь снял очки, протер стекла и покачал головой. Он был поражен. Прожив долгую жизнь, он знал женщин, различными способами делавших себе аборт. Но чтобы женщина разыскивала секрет производства шоколада?! Такое было просто невероятно! Он нацепил очки и вдруг, что-то вспомнив, выбежал на улицу. Догнав Анжелику, он схватил ее за руку.

— Подождите, мадам, я забыл вас предупредить: остерегайтесь дьявольского напитка! — и он понизил голос, опасно оглядываясь по сторонам. — Вы мне понравились, и я открою вам профессиональную тайну. Вообще-то мы никогда не выдаем тайн наших клиентов, так уж заведено у медиков. Ну ладно, да простит меня пресвятая Дева Мария! Никто даже не подозревает, что 18 ноября 1662 года наша молодая королева родила мертвую девочку — маленькое волосатое чудовище. Мы, медики, молились Богу, чтобы его величество ничего не узнал. Врачи считают, что это от шоколада, потому что ее величество каждое утро пьет свой дьявольский напиток. Так что остерегайтесь, мадам! — Аптекарь повернулся и, переваливаясь на старческих ногах, удалился.

Несмотря на такую страшную историю, в душе Анжелика считала, что здесь имеют место только слухи, а на самом деле все было совсем не так. И она хотела... нет, для себя она уже решила, что любыми путями пустит в продажу странный напиток, о котором идет столь дурная слава.

Через несколько дней Анжелика снова отправилась к донне Терезите, карлице королевы. Тут ей посчастливилось, и она смогла наконец попробовать настоящий шоколад. А карлица, гордясь знанием секрета его изготовления, с пренебрежением рассказывала ей, что даже большинство кондитеров, прибывающих во дворец из-за границы, не умеют правильно варить напиток.

Провожая Анжелику домой, Баркароль сообщил ей, что один молодой буржуа, специально обучавшийся в Италии искусству приготовления кондитерских изделий, будто бы знает, как делать шоколад, что зовут его Одиже что он служит метрдотелем у графа Суассон и, наконец, что будто бы он собирается пустить в продажу шоколад по всей Франции.

«Все что угодно, но только не это! — подумала она. — У нас же есть патент...»

Она решила разузнать о возникшем конкуренте. Понимая, что идея изготовления шоколада уже носится в воздухе, она не хотела терять дорогого времени.

— У Одиже, должно быть, существуют неплохие связи при дворе, — вслух произнесла она.

Однажды Анжелика вместе с Дино расставляла цветы на столиках таверны. Богато одетый молодой человек спустился по ступенькам в обеденный зал и направился к ней.

— Мое имя Одиже, я — метрдотель графа де Суассон, — представился он. — Мне сообщили, что вы хотите пустить в продажу шоколад. Но у вас же нет никаких прав...

— У меня есть законный патент.

— Вот я и пришел дружески предупредить вас. Если вы не откажетесь от своей затеи, то прогорите... если не будете раздавлены!

— Благодарю вас за предупреждение, мессир, — сухо ответила Анжелика. — Но если у вас самих есть право на продажу, то зачем вы открываете мне свои карты?

Молодой человек восторженно и, улыбаясь, посмотрел на свою собеседницу.

— О, как вы прекрасны! Я не ожидал, что у меня столь соблазнительный конкурент...

Она одарила его очаровательной улыбкой:

— Если вы пришли сказать только это...

Он бросил пальто и шляпу на стул и сел напротив Анжелики. Через несколько минут они были уже друзьями, а не конкурентами. Одиже было примерно лет тридцать, и небольшая полнота не портила его фигуры. Как метрдотель, прислуживающий за столом богатого сеньора, он носил шпагу и был, конечно, относительно обеспечен. Родители его — состоятельные провинциальные буржуа. В молодости он получил даже некоторое образование. Он приобрел должность кравчего, прислуживающего за столом высшим чинам в армии его величества, а затем попал в Италию, где два года изучал секреты итальянской кухни и изготовления кондитерских изделий — лимонада, мороженого, конфет и даже шоколада...

— В 1660 году, вернувшись из Италии, я сразу понравился королю. Вот как все случилось. Проезжая через деревню в окрестности Жен, я увидел в поле горох. У меня появилась идея собрать в ящик несколько пучков гороха и приготовить его помилански с соусом. Через две недели в Париже, через г-на Бонна, камердинера короля, я представил его величеству свою скромную находку. Да, не удивляйтесь, дорогая! Я видел короля так, как сейчас вижу вас, и он меня очень любезно принял. Как сейчас помню — его величество был с братом, Филиппом Орлеанским, с графом де Суассон и маршалом де Граммон. По приказу короля граф де Суассон попробовал тушеный горох и засвидетельствовал свое удовлетворение. А все то, что осталось, его величество съел с братом в тот же вечер. А на следующий день король распорядился через камердинера Бонна выдать мне денежное вознаграждение. Года через два, поднакопив еще денег, я собираюсь открыть лимонадный цех, в котором хочу изготавливать и шоколад.

— Так почему же вы не делаете его сейчас? — удивленно воскликнула Анжелика.

— Спокойно, красotka, не все сразу, — заметил молодой человек. — Идея должна еще созреть. Мой патент лежит у канцлера Сегье. Когда он поставит королевскую печать, патент войдет в силу, и даже вы не сможете помешать мне. Но пока дело задерживается.

«У него будет такой же патент, как и у нас», — думала Анжелика, слушая собеседника.

Пока она не хотела открывать свои карты. Нужно было все узнать в дирекции корпораций. Она еще не знала законов, касающихся патентов, а потому не стала спорить.

— Вы не галантны, мессир Одиже, — возразила хозяйка таверны. — У меня есть чертовское желание — самой преподнести парижанам экзотический напиток. А вы мне мешаете.

— Ну что же! — воскликнул молодой человек. — Выходите за меня замуж, и вместе возьмемся за такое перспективное дело.

Анжелика весело рассмеялась, а потом спросила, останется ли мессир Одиже отобедать в таверне? Не ломаясь, молодой человек согласился. Со всей тщательностью, на какую она была способна, и призвав на помощь все свое обаяние, Анжелика обслуживала богатого клиента. Нужно было показать, что в таверне «Красная Маска» хозяйева тоже не лыком шиты.

Пока она ходила по залу, Одиже не спускал с нее глаз. Пообедав, он щедро расплатился и ушел с очень озабоченным видом.

«Мессир Одиже понял, что не сможет легко пустить в продажу шоколад, — подумала Анжелика. — Нельзя терять ни минуты, нужно действовать и опередить гордеца...»

Вечером она пошла к г-ну Бурже.

— Дядюшка, — вкрадчиво начала она, называя так хозяина таверны, что очень нравилось старику. — Я хотела бы услышать твое мнение по поводу истории с шоколадом.

Кабатчик как раз собирался идти на дежурство в мрачную тюрьму Шателе, — повинность, накладываемую на всех именитых граждан города. Он уже, конечно, приложился к стаканчику красного, и настроение у него было приподнятое. Он тихо засмеялся:

— Зачем тебе мое мнение, племянница?

— Дело очень серьезное, дядюшка! Завтра я хочу пойти в дирекцию корпораций, чтобы узнать ценность патента нашего Давида.

— Ну что ж, иди, детка, — заметил Бурже. — Что может удержать тебя, если ты все уже сама решила? Я ведь вижу по тебе!..

— Но вы как будто сомневаетесь?

Бурже зажег свечу в фонаре и нежно потрепал по щеке Анжелику:

— Ты отлично знаешь, что я в таких делах темный человек. Я всегда боюсь, что новое плохо обернется. Иди своей дорогой,

мошенница, и не обращай внимания на старого папашу Бурже. Ты как солнце в моем доме, и все, что ты делаешь, — всегда хорошо.

Он зашел за стойку, вылил еще стопку и, взяв старую алебарду, вышел во двор.

Растроганная Анжелика видела, как он постепенно удалялся в надвигающуюся ночь: круглый, как колобок, с горящим фонарем в руке и со ржавой алебардой на плече. И она знала, что все будет так, как она скажет.

«Посмотрим, кто будет первым — я или Одиже», — думала Анжелика, укрываясь одеялом.

В ту ночь ей снилось, что она первая во Франции продает шоколад парижанам...

Глава 22.

Предложение на мельнице Жавель

На следующее утро Анжелика отправилась с Давидом в торговую резиденцию, чтобы на месте выяснить значение патента. Они были приняты огромным потным толстяком в судейской мантии с грязным белым воротничком. Он заявил, что патент, перешедший по наследству молодому Шайо, действителен, если он выполнит некоторые требования и уплатит новые налоги.

Очень удивленная, Анжелика возразила:

— Но мы давно выплатили налоги на свое заведение! Почему же надо платить за новый напиток, который будет в нем продаваться?

— Все правильно, моя дорогая, — согласился толстяк. — Но надо компенсировать убытки маленьких лимонадных и бакалейных предприятий, и то при условии, если дела у вас пойдут хорошо.

— И это все? — еле сдерживалась Анжелика.

— Нет, милочка. Мы еще не говорили о королевских налогах и о контролерах, отвечающих за вкус и качество напитка.

— Но как же вы можете проверить продукт на вкус и качество, если вы его не знаете?

— Не в том дело. Поймите одно, — толстяк вытер пот со лба. — Став товаром, продукт будет приносить прибыль, и все корпорации, от которых зависит его приготовление, имеют право на часть прибыли при его реализации. Если вы говорите, что шоколад ваш — напиток пряный, то вы должны иметь у себя специалистов и от бакалеи, и от лимонадной промышленности. Вы обязаны содержать их и платить им жалованье. Я предупреждаю вас, что здесь потребуется много денег и, кроме того, все должно быть согласовано с нами, иначе мы просто закроем ваше предприятие...

У Анжелики разболелась голова, но она приняла отважный вид, оперев руки в бедра.

— Так, значит, господин...

Толстяк не мог больше говорить, с него градом лил пот, и его сменил помощник.

— Так, значит, мадам, — подхватил он, — если вы войдете в корпорацию и гарантируете, что ваш напиток пойдет в продажу, то бакалейщики и лимонадники тоже получат право на продажу вашего напитка — при условии, конечно, что он понравится клиентам...

— Так, — проговорила она. — Значит, я должна пригласить к себе каких-то незнакомых мастеров, кормить их и платить им жалованье. Тогда я или сразу разорюсь, или протяну недолго. Но в таком случае, все доходы пополам. Так, что ли? Не пойдет! Неужели такую пошлину вы берете с каждого нового дела? Где же ваша совесть, господа?

Молодой человек из всех сил старался успокоить разбушевавшуюся Анжелику:

— А знаете ли вы, мадам, что корпорации всегда нуждаются в субсидиях? Вы — деловая женщина и должны понять, что с началом каждой войны или при рождении детей в королевской семье мы все снова покупаем у короля свои собственные привилегии, завоеванные с таким трудом. А его величество подкидывает нам то новые налоги, то пошлины, то патенты, о которых мы сейчас говорим... Ах да, мы говорим о патенте г-на Шайо.

— Это я, — заметил поваренок, не проронивший ни слова с начала разговора.

— Шайо — я или мой покойный отец. Смее уверить вас, господа, что отец дорого заплатил за получение патента.

— Да-да, молодой человек.

— Но вы не правы по отношению к нам!

— К вам, молодой человек, мы не имеем никаких претензий. Вы никогда не станете ни бакалейным, ни лимонадным мастером.

— Но его отец сделал открытие и принес его в корпорацию бакалейщиков, — вступила Анжелика.

— Тогда, мадам, принимайте на себя все расходы и докажите, что можно извлечь пользу из того проклятого открытия!

«Так бюрократы и тормозят развитие всего нового, — подумала Анжелика. — Но что делать, видно, так уж устроен наш мир!..»

По дороге домой она упрекала себя за то, что нескромно вела себя в приемной. «Их ничем не проймешь. Одиже прав, говоря, что с королевским покровительством он перепрыгнет через голову дирекции корпораций...»

Ну конечно же он богат и у него имеются связи при дворе, Анжелика и бедный Давид попали прямо на растерзание корпорантам. Просить у короля льготы на патент, выданный пять лет назад, было бессмысленно, и, подумав, Анжелика решилась на сотрудничество с Одиже. Вместе того чтобы соперничать и бороться друг с другом, им следовало бы объединиться.

Анжелика со своим патентом и оборудованием, хранящимся в Тулузе, могла бы доставать какао-бобы и перерабатывать их в порошок с добавлением корицы и специй. А Одиже мог бы превращать пудру в готовый напиток. Таким образом, они поделили бы пополам основной процесс изготовления шоколада.

Однако после их разговора Анжелика поняла, что молодой человек совершенно не отдавал себе отчета об источниках снабжения сырьем их будущего предприятия. Он только самоуверенно заявил, что ему помогут друзья. А от карлицы королевы Анжелика уже знала, что доставка даже нескольких мешков бобов какао, необходимых для изготовления шоколада только для ее величества, связана с громадными трудностями требует множества посредников из дипломатических миссий и специальных связей с испанским или флорентийским дворами. И наладить бесперебойное снабжение бобами какао их будущую фабрику будет далеко не так просто, как думал Одиже.

Наверное, именно из-за трудностей в снабжении сырьем отец Давида не смог довести дело до конца. А потом он умер. Да, хорошие люди умирают, на небесах они тоже нужны.

Одиже теперь часто приходил в таверну. Он садился всегда за отдельный столик, избегая общения с завсегдатаями. После их недавней стычки он стал неразговорчив, и Анжелике было обидно, что он ничего не говорит о блюдах, подаваемых ему на стол. Но он не спускал глаз с молодой женщины, пока она ходила по залу, обслуживал многочисленных клиентов. И упорный взгляд уверенного в себе красивого мужчины часто смущал ее.

Анжелика уже сожалела об их размолвке и очень хотела возобновить их вначале хорошо складывавшиеся отношения. Сам метрдотель не делал никаких попыток к сближению, хотя и частенько сопровождал ее во время выездов на природу и пикники, что Анжелика делала систематически. В сумках на крупе его верховой

лошади неизменно оказывался окорок, жареная зайчатина, пирожки и бутылка бургундского вина.

Держался Одиже чопорно и всегда был вызывающе одет. Анжелика часто видела его в своем доме или по дороге в Шайо. Перья и ленты его шляпы странно смотрелись среди простой публики. Казалось, молодой человек специально хотел показать Анжелике свой недостаток.

Как-то летом, в воскресенье, дороги, выходящие из Парижа, оказались заполненными всадниками и каретами. Люди хотели выбраться из шумного города и вдохнуть свежесть деревенской жизни с ее ритуалами и чудесными национальными блюдами. Одни выезжали на загородные виллы, другие — в окрестные деревни. Отстояв мессу в маленькой деревенской церквушке, они танцевали с празднично одетыми крестьянками, пили белое вино из окрестностей де Сас или красное вино из департамента де Сирен.

Парижский поэт Клод ле Пти не оставил без внимания привязанностей горожан к природе и написал стихи, ставшие известными всем:

*Праздник лета, чудный день!
И весь Париж стремится
К земле окрестных деревень,
Чтоб там повеселиться.*

Папаша Бурже и его «семья» тоже участвовали в таком веселом событии.

— В Шайо! В Шайо! — авали лодочники клиентов и везли их потом по Сене мимо королевской виллы и монастыря кармелиток. Потом подвыпившие пассажиры с шумом высаживались, чтобы пройти в Булонский лес на пикник. А если лодки подвозили отдыхающих до самого Сен-Клу, то все бежали к Версалю смотреть, как обедает король Франции.

Анжелика всегда отказывалась от таких маршрутов. Она поклялась себе, что пойдет в Версаль только по приглашению короля. Неужели она никогда не попадет во дворец? Она обычно оставалась на берегу Сены с обоими мальчиками, опьяненными чистым воздухом.

Время проходило быстро, и наступал вечер.

— В Париж! В Париж! — орали перевозчики.

Давид и поклонник Розины, сын соседнего кабатчика, который осенью должен был жениться на ней, брали детей на плечи и с неохотой направлялись к лодкам.

Однажды во время прогулки Одиже сказал:

— Чем больше я смотрю на вас. Анжелика, тем сильнее вы меня поражаете, милый друг. В вас есть что-то, беспокоящее меня.

— Вы насчет шоколада?

— Нет, или только косвенно, — заметил он.

— Сначала я думал, что вы созданы только для любовных утех, но потом понял, что вы практичны и никогда не теряете голову.

«Надеюсь», — подумала Анжелика, обворожительно улыбаясь в ответ.

— В жизни, дорогой Одиже, бывает время, когда нужно действовать. У одних людей легкая жизнь, и тогда они бездумно предаются любви и развлечениям. Для других жизнь представляет собой повседневный труд. Я не скрываю, Одиже, что для меня сейчас главная цель — заработать денег для своих крошек, у которых... у которых умер отец.

— Если вы заговорили о детях, то, поверьте мне, в коммерции, где все продается и покупается, невозможно правильно воспитать их и сделать по-настоящему счастливыми.

— У меня нет выбора. К тому же я не могу жаловаться на г-на Бурже. Я нашла в его лице неожиданного помощника, и он также рад моему скромному образу жизни.

Одиже смутился, теребя свой кружевной воротник, и нерешительным голосом спросил:

— А если бы вам представился выбор?

— Что вы имеете в виду? — взглянула ему в лицо и увидела в его глазах нескрываемое обожание. «Пришло время продолжить переговоры!» — подумала она про себя.

— А кстати, вы уже получили свой патент?

Одиже глубоко вздохнул:

— Видите ли, дорогая, вы заинтересованный человек и мой соперник. Но я ничего не скрою от вас. У меня пока нет королевской печати, но я надеюсь получить ее еще до октября. Сейчас, пока стоит жара, канцлер Сегье живет на своей загородной вилле. Когда он

возвратится в Париж — поверьте мне, — все совершится очень быстро. Я подключил к делу графа де Гиша, зятя канцлера. Видите, у вас нет никакой надежды стать прекрасной шоколадницей Парижа.

— Но у меня есть свой собственный патент, с которым я могла бы причинить вам множество неприятностей, дорогой Одиже. И на мой взгляд, нам лучше не соперничать, а сотрудничать. Я бы доставала бобы какао и перерабатывала их, вы бы готовили сам напиток, а прибыль делили бы поровну. Скажите, где вы хотите построить вашу шоколадницу?

— В квартале Сен-Оноре.

— Ужасно глупо! — воскликнула Анжелика.

— Нет, не глупо, мадам, квартал Сен-Оноре — отличное место. И знаете почему? Лувр совсем близко, и Пале-Рояль тоже. Я не буду делать харчевню. Мне видится красивый пол, выложенный цветным паркетом, зеркала и позолоченные панели, а позади заведения настоящий сад и маленькие беседки со скамейками для влюбленных...

— Одиже даже загорелся, описывая будущее место торговли шоколадом, но потом взял себя в руки: — Вы великолепны, Анжелика, когда так внимательно слушаете. Я уважаю трезвость вашего ума и практичность вашего характера. Я все время внимательно изучал вас. Ваша изумительная внешность никак не вяжется с тем скромным образом жизни, который вы ведете. И еще мне нравится, как вы смело держите себя в компании с опытным в коммерции мужчиной — таким, как я. Хрупкость и целомудрие женщины не сочетаются с вашей практичностью. Женщины, которых я встречал раньше, были не способны мыслить логически.

Анжелика оглянулась.

— Я вижу, что хозяин и Давид о чем-то говорят. Я, может быть, нужна им...

— Сейчас дело совсем не в них, — прервал ее молодой человек.

— Неужели вы не поняли, что я совсем одна в жизни? — вырвалось у нее.

— Да, вам нужен покровитель...

Анжелика сделала вид, что не расслышала или не поняла его последних слов.

— А в действительности вы завистник, Одиже! — засмеялась она. — Вы хотите сами пить свой шоколад, а еще затеваете разговоры о

женской слабости. Мы с вами ведем глупую войну. А то, что я вам предложила, замечательный выход.

— Дорогая Анжелика! Мое предложение во сто раз лучше вашего...

Она спокойно поднялась и, вытерев со стола, спросила, что он желает на десерт.

— Не будьте так жестоки, Анжелика! — воскликнул метрдотель. — Я хочу пригласить вас в ближайшее воскресенье на прогулку. Мы могли бы поехать на мельницу Жавель. Попробовали бы там рыбные блюда, а потом погуляли бы. Вы согласны?

Одиже нежно обнял ее за талию, и она смущенно подняла глаза. Полные губы молодого человека вырисовывались из-под усов. Его губы, жаждущие поцелуев, были полуоткрыты.

Чувство блаженства наполнило все существо Анжелики. Она представила себе, как эти губы целуют ее лицо, шею, грудь... И она пообещала поехать в воскресенье на мельницу.

На том и расстались.

По правде говоря, Анжелика была весьма смущена предложением Одиже, представляя себе дальнейшую перспективу прогулки. Она отдавала себе отчет в том, что, когда вспоминала губы Одиже и его руку на своей талии, ее охватывала сладкая истома. Давно уже не испытывала она такого чувства.

Вот уже почти два года после авантюры с капитаном Огром ни один мужчина не касался ее. Она, конечно, не считала поцелуи пьяных клиентов, их грубые ласки и признания в любви. Несколько раз во дворе она была вынуждена звать на помощь и сама защищаться от нападения грубиянов, одурманенных винными парами. Хамское обращение и ласки подвыпивших посетителей ранили душу и охлаждали ее пылающее сердце.

«Женщине нужна нежность, — думала Анжелика, — а если ее нет, тогда... Ну что ж. Может, он хочет надуть меня с патентом? Ничего, один день не отразится на делах. К тому же Одиже всегда был корректен со мной».

Впервые за два года она задумалась о своей внешности, расправляя перед зеркалом длинные ресницы. Была ли она еще

красива? Да, ей так постоянно твердили. Не испортил ли жар печей кухни цвета ее лица?..

«Я стала немного полнее, но, в общем, выгляжу неплохо. А мужчины такого сорта, как Одиже, любят полноту в женщинах», — подумала Анжелика, и вдруг ей стало стыдно за свои руки, огрубевшие от кухонной работы.

Вечером она отправилась на Новый мост к Мотье и купила у него склянку с мазью, отбеливающей руки. Купив себе воротничок из нормандских кружев, она прикрепила его на скромное платье из синего сукна. Свой туалет она завершила, купив еще пару перчаток и красивый веер.

Много хлопот принесла ей прическа. Отрастая, волосы начали виться и стали более светлыми. Но гребень и Барба победили.

И вот настало воскресенье. Бурже подарил своей названной племяннице кошелек, принадлежавший когда-то его покойной жене.

День обещал быть великолепным. Небо над городскими крышами выглядело, как кусочек синего моря. Увидев подъезжающую карету Одиже, Анжелика нетерпеливо направилась к ней, как воспитанница монастыря урсулинок перед выходом на волю.

Метрдотель был ослепителен в велюровом камзоле с красными лентами и в белой шелковой рубашке. Кружева манжет были тонки, как паутина, и Анжелика невольно с восхищением потрогала их пальцами.

— Ирландские кружева, — горделиво заметил молодой человек. — Их очень трудно приобрести, — он с пренебрежением взглянул на скромный воротничок спутницы. — Но скоро вы будете носить еще более красивые вещи. Мне кажется, что вы способны продемонстрировать любой, самый модный, туалет и выглядеть в нем изящно и очаровательно. Я вижу вас в платье из чистого шелка и даже атласа...

«А может, и из золотой парчи?» — мысленно добавила Анжелика, скрипнув от злости зубами. Но как только карета двинулась по дороге вдоль Сены, она опять повеселела.

Мельница Жавель располагалась на равнине. Невдалеке паслись стада овец. Воздух был так чист, что казалось, будто купаешься в нем, как в море. Большие крылья мельницы, похожие на крылья летучей

мышы, крутились и скрипели, вторя поцелуям гуляющих здесь влюбленных.

Пристройка к мельнице представляла собой большой постоянный двор. Сюда приходили тайком от жен и ревнивых мужей. Хозяин был хороший малый — весельчак, умеющий держать язык за зубами.

— Мои люди всегда молчат, — улыбаясь, говорил он клиентам. — Можно было бы держать в руках весь город, — хвастался он. — Но вы хорошо платите, а мы все сразу забываем.

В столовом зале пахло рыбным супом и вареными раками. Анжелика с наслаждением вдыхала свежие запахи деревенской природы, ей вспомнился далекий-далекий Монтелю.

Несколько белоснежных облаков появилось на лазурном небе. Анжелика улыбнулась им, сравнивая их с яйцами, разбитыми на сковороде. Время от времени она бросала взгляды на губы Одиже, и сладкая дрожь пробегала по всему ее телу. Что с ней случилось? Поцелует ли он ее? Будет ли он ласкать ее тело? Метрдотель выглядел чересчур чопорным в своей элегантной одежде и, казалось, был целиком поглощен составлением меню обеда с хозяином мельницы, чрезвычайно довольным оказанной ему честью.

От ставен, прикрытых на окнах, в зале было сумрачно и прохладно. Заходили парочки, садились за столы. Постепенно все помещение заполнилось публикой. По мере того как опустошались кувшины с белым вином, атмосфера в зале становилась все более раскованной. Фамильярные жесты мужчин вызывали воркование подвыпивших дам.

Переборов нервность, Анжелика выпила бокал вина. Одиже принялся рассказывать ей о своих путешествиях. Вскоре его болтовня надоела захмелевшей Анжелике.

— О, давайте выйдем отсюда!

— Но на дворе жарко...

— Снаружи, по крайней мере, продувает ветерок. И неудобно смотреть на целующиеся пары, — добавила она вполголоса.

Они вышли на широкий двор.

— Анжелика, вы можете загореть на солнце и испортить себе цвет лица! — воскликнул Одиже и решительным жестом нахлобучил ей на голову свою шляпу с белыми перьями. — Боже, как вы прекрасны! — добавил он.

Но через некоторое время, идя по тропинке к берегу Сены, он снова принялся рассказывать о своей карьере:

— Мое состояние покоится на солидной базе, и я не боюсь превратностей судьбы. Мои родители... мои знания... мое умение... Когда производство шоколада станет на широкую ногу, я напишу книгу, очень важную в работе метрдотеля. Читая ее, метрдотель узнает, как правильно накрывать на стол и расставлять приборы. Экономка прочтет там, как складывать белье, а кондитер — как сварить варенье и сделать конфеты... Когда метрдотель увидит, что наступило время обеда, он должен взять белую салфетку, сложить ее по длине и повесить на согнутую в локте руку. Салфетка на руке является знаком его власти и превосходства над остальным обслуживающим персоналом. Именно он полностью распоряжается за столом. И несмотря на то что здесь я ношу плащ и шляпу, когда я нахожусь возле стола, салфетка должна быть в описанном мной положении...

Анжелике смертельно надоела его болтовня, и она ехидно заметила:

— Сударь, а когда вы любите женщину, в каком положении вы держите салфетку? — Но, увидев смятение в глазах Одиже, она сразу же извинилась: — Ох, простите меня, пожалуйста! Белое вино всегда приносит нелепые мысли. Я только не пойму, зачем вы просили меня поехать с вами на мельницу? Только чтобы рассказать о положении салфетки?

— Не высмеивайте меня, дорогая, — смутился молодой человек. — Я говорю о своих планах, о будущем, если хотите. Вы помните нашу первую встречу? Так я повторяю. Выходите за меня замуж! Чем больше я размышляю, тем больше нахожу, что вы именно та женщина...

— О! — воскликнула Анжелика. — Я вижу недалеко стог сена. Побежим туда! Там будет не так жарко, как прямо под солнцем!..

И она опрометью бросилась бежать, придерживая широкополую шляпу. Примчавшись к стогу, она бросилась в теплое сено. Молодой человек, подойдя к ней, нехотя сел рядом.

— Сумасшедшая, вы шокируете меня своим поведением, — с горечью заметил он. — Я думал, что говорю с деловой женщиной, а вы — бабочка, порхающая с цветка на цветок.

— Один раз не в счет! Будьте добры, снимите свой парик. Жарко же от такой массы волос. Я хочу погладить настоящие волосы...

Одиже сначала отпрянул, но затем все-таки снял парик и сам нежно дотронулся до золотых волос Анжелики. Теперь и она протянула руку, но он вежливо отстранил ее пальцы:

— Что с вами, мадам? Вы становитесь обольстительницей. А я хотел говорить с вами о самых серьезных вещах...

Его рука лежала на руке молодой женщины, и она чувствовала жар его тела. Он медленно наклонился над ней. Губы у Одиже были влажные, а кожа нежна, как лепесток лилии.

«Если бы он стал моим любовником!» — подумала вдруг Анжелика. Она нашла бы в нем ту поддержку, которая отвлекла бы ее от повседневного труда. А лежа рядом в постели, они говорили бы о будущем шоколада.

— Тихо, слушайте! — начала Анжелика, прикрыв глаза. — Слушайте мельницу Жавель. Ее песни не разрешают говорить о серьезных делах, здесь это запрещено! Слушайте! Небо голубое, я и вы... Мы одни... Вы красивы, и я хочу... — она побоялась закончить фразу и посмотрела ему в глаза своими полными огня бирюзовыми глазами. Ее полуоткрытый рот, розовые щеки и вздымающаяся грудь, которую Одиже ощущал под платьем, говорили за нее сами: «Я хочу вас...»

Он наклонился над ней еще ниже, но потом вдруг отпрянул, как от укуса змеи.

— Нет... — проговорил он дрожащим голосом. — Нет, только не вас. Конечно, я любил женщин в стогах сена, но вас... Нет! Вы — женщина, которую я выбрал. Вы будете моей только после свадьбы, когда нас обвенчают в церкви. Я всегда придерживался такого правила. Я уважаю ту, которую хочу взять в жены. Я избрал вас с первого взгляда. Сегодня я хотел услышать ваше «да», но вы так и не дали мне договорить до конца...

Кусая цветок, Анжелика пристально смотрела сквозь длинные ресницы на молодого человека. Она представляла себе, как будет выглядеть супругой Одиже.

«Да, у нас будет буржуазная семья. Знатные дамы станут неохотно приветствовать ее из окон своих экипажей во время прогулок в Тюильри. Они будут ездить в скромной карете, обтянутой сукном

оливкового цвета. Кучер, одетый в черное, и лакей на запятках. Когда он постареет, — подумала Анжелика, — у него появится брюшко, а лицо станет красным. И когда он в сотый раз начнет рассказывать историю с горохом для его величества, у меня появится желание убить его...»

— Я уже беседовал о вас с г-ном Бурже. Он не скрыл от меня, что у вас была тяжелая жизнь. В ваших руках спорится любая работа, но вы не набожны. Вы еле-еле отстаиваете воскресную мессу и никогда не ходите к вечерне. А ведь набожность является достоинством женщины, ангелы защищают ее душу от всех пороков повседневной жизни...

— Чего же вы хотите? Нельзя быть одновременно и набожной и деловой женщиной.

— Что вы говорите?! Вы заражены настоящей ересью! Католическая религия...

— Прошу вас, не вспоминайте о религии! — взмолилась Анжелика. — Люди разворачивают все, к чему притрагиваются. Бог простит мой грех, потому что он сам сделал меня такой.

— Анжелика, вы потеряли голову! — в страхе воскликнул Одиже. — Вы святотатствуете. Но пришло время вывести вас из заблуждений современных нравов. Нужно, чтобы мужчина поставил вас на настоящее место женщины, продолжательницы рода. Ваш дядя и племянник обожают вас, но я не разрешаю вам думать о подобных вещах. С вашей свободной натурой вам надо...

Он так и не договорил. Анжелика откровенно зевнула. Длинная нудная тирада убила в ней всякое желание любить. Забью обо всем, она удобно устроилась в сене, не задумываясь о том, что обнажились ее лодыжки. «Тем лучше для меня», — подумала она и через пять минут уже спала спокойным сном.

С бьющимся сердцем смотрел Одиже на простертое перед ним тело, о котором так мечтал. Тонкое лицо с полуоткрытыми губами. Под платьем вырисовывались стройные ноги. Молодой человек был весь в поту. «Мне лучше тихонько уйти», — думал он, поднимаясь.

А Анжелике снилось, что она плывет по морю и чья-то нежная рука ласкает ее тело. Ей слышался голос: «Не плачь, все будет хорошо!.. Твои плечи из слоновой кости, твоя грудь создана для ласк...»

Когда она проснулась, рядом с ней никого не было. Солнце уходило за горизонт, и его последние лучи падали ей на лицо.

— Из-за этого идиота Одиже я должна резвиться с самим солнцем, — сказала она и подумала: «А где та черная птица, ветер, человек с шаланды, говоривший такие приятные и смешные слова? Он так хорошо умел целовать... А может, его вообще не было?»

Анжелика поднялась и отряхнула с платья приставшие соломинки. Одиже она нашла в таверне мельницы. Подойдя, она угрюмо попросила отвезти ее домой в Париж.

Глава 23.

Анжелика становится любовницей Клода ле Пти, поэта с Нового моста

На город спустились мрачные осенние сумерки. Анжелика гуляла по Новому мосту. Она часто приходила сюда что-нибудь купить или просто побродить от ларька к ларьку. Она в ужасе содрогнулась у эстрады Великого Мотье: знаменитый парижский дантист вырывал зуб у очередной жертвы, стоявшей перед ним на коленях. Возле эстрады скопилось множество зевак, и ей пришлось локтями расчищать себе путь.

Было довольно прохладно, но тем не менее Мотье был покрыт крупными каплями пота.

— Черт бы побрал твой, проклятый зуб! — говорил он клиенту. — Как крепко сидит!..

Рот пациента был широко открыт. Страшные клещи, обхватывающие зуб, скрежетали в руках дантиста. Но Анжелика сразу узнала в пациенте человека, с которым была в шаланде несколько месяцев назад.

Тем временем Мотье вытащил клещи изо рта своей жертвы и громко спросил:

— Тебе больно сын мой?

Страдалец повернулся к публике и, изобразив подобие улыбки, пробормотал:

— Н-нет.. и не болит...

Да-да, это был именно он: тонкий профиль, улыбающийся рот, растрепанные волосы.

— Посмотрите, дамы и господа! — продолжал Мотье. — Чудо, не так ли? Человеку совсем не больно! Не скажу вам, что его зуб еще не доставит мне хлопот. А почему ему не больно? Ему не больно благодаря чудесному эликсиру, который я сам приготовил и дал выпить больному перед процедурой. Вот в этом флаконе, дамы и господа, содержится средство против зубной боли. Покупайте мой эликсир, и вы забудете про зубную боль! — И Мотье обратился к пациенту:

— Ну что, продолжим?

Тот открыл рот, и через мгновение все услышали триумфальный возглас дантиста, протягивавшего публике клещи, в которых был зажат вырванный зуб.

— Тебе больно, мой дорогой? — снова спросил он у дрожащей всем телом жертвы.

Человек что-то промычал, мотая головой. И Великий Мотье еще раз обратился к публике:

— Благодаря моему новому средству больной не страдает. Боль исчезла, ее нет! Она пропала, как прошлогодний снег...

А пациент, нахлобучив остроконечную шляпу, спустился с эстрады и направился к берегу Сены. Анжелика последовала за ним.

Присев около воды, он начал что-то бормотать, сплевывая кровь, сочившуюся из ранки. У него было такое бледное лицо, что Анжелика даже испугалась. «Он может упасть и утонуть!» — подумала она, быстро подходя к жертве Мотье.

— Вы больны, сударь? Вам плохо?

— О, я умираю, мадам, — ответил тот страдальческим голосом. — Наверное, этот зверь сломал мне челюсть! — и он сплюнул кровь.

— Но вы же говорили, что вам не больно! — изумилась Анжелика. — Я сама слышала...

— Я ничего не говорил, я только мычал. Правда, Мотье хорошо заплатил мне за спектакль... О, мадам, ведь наш новый инквизитор вырвал у меня совершенно здоровый зуб!

Она взяла бывшего пациента за руку:

— Пойдемте со мной. Как глупо с вашей стороны вырывать здоровые зубы. Пойдемте быстрее, я накормлю вас, и еда не будет стоять вам ни солиди, ни зуба.

Через некоторое время они подошли к таверне. Быстро сбежав на кухню, она принесла все, что могло служить для утоления голода жертвы Великого Мотье. При виде лукового супа нос гостя заходил ходуном.

— Святая Мария! — Он даже забыл про боль в челюсти. — Как я давно не ел такого супа!

Анжелика вышла из кухни, чтобы не мешать ему насытиться вволю. Пока ее гость, знаменитый парижский поэт и памфлетист Клод ле Пти, ел, она обслуживала клиентов в общем зале.

Вдруг дверь в зал открылась и на пороге появился памфлетист, улыбаясь во весь рот. Он прямо подошел к Анжелике и, обхватив ее за тонкую талию, быстро поцеловал в губы.

— Я давно ищущ тебя по всему Парижу, Маркиза Ангелов. Ведь ты из банды Каламбредена, не так ли?

— Да, — ответила она и сразу запнулась. — Но теперь для всех я родственница г-на Бурже, хозяйина таверны. Так что замолчи! — Она с опаской осмотрелась по сторонам. — Тихо!

Памфлетист громко засмеялся:

— Не бойся, красотка! Фараонов в зале нет, я их всех наизусть знаю... Ты хорошо устроилась... А я до сих пор помню лодку, запах твоих волос и сладость вишневых губ...

— Замолчите! — она резко высвободилась из его цепких объятий. — Может быть, вы хотите еще чего-нибудь на закуску?

— Нет, я хочу тебя! Твой облик и твое дыхание станут для меня пищей. Я хочу целовать твои губы и ласкать твою грудь. Все в тебе красиво и гармонично, а кожа так нежна, что мне хочется кусать и целовать все твое тело. О, ты такая теплая!

— Ах, вы просто невозможны! — воскликнула Анжелика, хотя ей несомненно понравилась цветистая речь поэта.

Клод ле Пти снова припал к ее губам, но сильный удар деревянного кувшина о стол разлучил их. В дверях стоял г-н Бурже.

— Ах ты проклятый поэт! — пробасил он, выпячивая живот, и, закатывая рукава, направился в сторону памфлетиста. — Ах ты дрянь, в моем доме, да еще лапаешь мою служанку! Убирайся отсюда, а то я вышвырну тебя сам! Сейчас я выдам тебе хорошего пинка в зад!

— О, пощадите меня, сеньор, ведь мой зад такой худой... — Поэт не успел договорить, так как последовал шквал ругательств, и разъяренный хозяин бросился на него.

Анжелика не знала, что ей делать.

— Я... я... Он вошел, и я не знала, как от него отделаться, — повторяла она.

Памфлетист пулей вылетел на улицу. Немного успокоившись, Бурже подошел к ней, отдуваясь, как после жаркой бани.

— Пойми меня правильно, детка, — заговорил он. — Я прекрасно понимаю, что тебе нужен мужчина. Но почему ты выбрала именно

этого субъекта? Разве к нам не заходят солидные люди? — И он вышел во двор, что-то бормоча про себя и размахивая руками.

У новой фаворитки короля, Луизы де Лавальер, был большой рот, и она немножко прихрамывала, что, впрочем, не мешало ей изящно танцевать. Но факт оставался фактом — она хромала. У нее была маленькая грудь и нечистая кожа, а после беременности, в которой был виноват король, она совсем зачахла. Подробности знали только несколько человек — и в их числе, конечно, Клод ле Пти, поэт с Нового моста, недремлющее око Парижа. Где и как узнавал он такие новости — для всех оставалось загадкой. И он написал памфлет, начинающийся следующими словами: «Будьте хромоножкой, но чтоб вам было только пятнадцать лет. Грудь, лицо и ум не имеют значения. Родители? Бог с ними, с родителями. Но если повезет, то станете его любовницей, как Луиза де Лавальер...» Белые листки с таким текстом были разбросаны по всему Парижу и появились даже в будуаре королевы. Прочитав памфлет, королева рассмеялась, понимая, что одной соперницей у нее стало меньше. А честно говоря, королева Франции смеялась очень редко.

Опозоренная Луиза де Лавальер бросилась к ногам владыки. К вечеру того же дня вышел указ короля — изловить нахального поэта. Лучшие силы полиции во главе с самим Дегре бросились на поиски проклятого памфлетиста, и теперь уже никто не сомневался, что Клод ле Пти будет быстро пойман и повешен.

Как-то вечером Анжелика уже переоделась в ночную рубашку, Жавотта ушла к себе, а дети давно спали. Вдруг в дверь постучали.

— Кто там? — подошла.

— Открой скорее, красотка, а то я погиб. Здесь собака и полицейский! — ответил из-за двери знакомый голос.

Не раздумывая, она отодвинула засов. Ворвался взлохмаченный памфлетист, за ним мчалась черная рычащая масса.

— Стоять, Сорбонна! — резко приказала по-немецки Анжелика, так как знала, что Дегре разговаривает с собакой на этом языке. Сорбонна остановилась, все еще держа в зубах кусок материи от штанов насмерть перепуганного поэта.

— Ой-ой! Она загрызла меня! Я уже умер.

— Нет, пока вы еще живы.

Пока Сорбонна трепала в коридоре то, что оставалось от штанов памфлетиста, Анжелика силой затащила его в комнату. Потом она вышла в коридор, взяла собаку за ошейник и, так как наружная дверь была все еще открыта, увидела приближавшегося полицейского. Им был некто иной, как Франсуа Дегре.

— Не ищите ли вы свою собаку, господин полицейский?

Дегре остановился возле двери и отвесил ей глубокий поклон. — Нет, мадам, я ищу памфлетиста.

— Да? А я тут закрывала дверь и увидела Сорбонну. Я дала ей кусочек сахара.

— Спасибо, мадам.

— Кстати, мне казалось, что вы не знаете, где я живу.

— Нет, мадам. Я давно уже знаю, кто живет в этом доме. Вы теперь называетесь м-м Марен, у вас два сына — Флоримон и Кантор.

— О, Святая Мария! От вас ничто не скроется, господин полицейский!

— Я думаю, наша сегодняшняя встреча доставила вам больше удовольствия, мадам, чем предыдущая... Последний раз мы с вами расстались... Вы помните?

Да, она помнила предместье Сен-Жермен!

— Что вы хотите сказать?

— В ту ночь тоже шел снег.

— Все было так давно...

— Да, мадам. Я бросил адвокатскую практику и купил должность капитана-эксперта при королевской полиции.

— А что же вы делаете здесь, господин полицейский?

— Я преследую Клода ле Пти. Сорбонна взяла след, он был почти в моих руках, но потом будто бы провалился сквозь землю. А вы, случайно, не видели ли его, мадам?

— Что вы, г-н Дегре. Я не имею дел с чумазыми поэтами, — засмеялась Анжелика.

— А почему вы, по старой памяти, не приглашаете меня войти в дом, мадам?

— Знаете, Дегре, я бы с удовольствием. Но я живу бедно, да и поздно уже... — Чтобы скрыть замешательство, она наклонилась и погладила собаку.

Поднялся ветер, снежинки полетели в открытую дверь. Дегре поднял воротник пальто.

— Ну что ж, мадам, если вы меня не приглашаете, тогда прощайте. Спокойной ночи! Сорбонна, ко мне! — и они скрылись во мгле.

Стуча зубами от холода, Анжелика закрыла дверь на засов и вернулась в комнату. Клод ле Пти сидел возле камина, едва дыша от всего пережитого.

— Так вы и есть — памфлетист?

— Чумазый — да, поэт — может быть, — тонко улыбнулся сочинитель.

— И вы написали про любовницу короля?

— Да, я.

— Вам лучше было бы оставить их в покое. Поведение его величества, конечно, оставляет желать лучшего, но он все-таки король, и мы все в его власти. Не так ли?

Анжелика прошла по комнате и села с другой стороны камина. Клод ле Пти следил за ней горящими глазами, и она видела, как в них растет желание.

— Ваша игра не доведет вас до добра, милый поэт. Вы мне казались таким добрым...

— Да, я добр с феями, спящими в шаландах с сеном, но я жесток с принцами.

Анжелика все еще не могла согреться.

— Ну, теперь вы можете уйти, господин поэт.

— Путь свободен, полицейский надел наручники? Они всегда преследуют меня вместе, полицейский и собака... — и он потянул к ней руки. — Иди ко мне, я вижу, как ты дрожишь. Сейчас ты жестока, а в шаланде...

Завороженная его глазами, Анжелика подошла. Не мешкая, он обнял ее за талию.

— Но ты вся дрожишь, маркиза!

— Собака, полицейский, поэт... Сколько событий... О, проклятое чрево Парижа!

— Я давно слышал про Маркизу Ангелов и знал, что ты в банде Каламбрена.

— А знаешь, кем я была до банды?

— Твое прошлое меня не интересует, — он нежно погладил ее по спине. — Полицейский и я, мы так с ним похожи...

— Почему? — прошептала Анжелика.

— Я не умею убивать и делаю людям только добро. У тебя тут уютно, я не часто бываю в таких квартирах. На улице идет снег и чертовски холодно, а здесь тепло. Я чувствую, что ты в одной рубашке... Нет-нет, ничего не говори, просто молчи...

Она смотрела на блики пламени. Мысли начали пугаться. Поэт говорил красиво и приятно, его рука опустилась и теперь ласкала ее колени. Потом он поцеловал ее в губы...

На улице раздался зычный голос разносчика дров, и поэт заторопился:

— Послушай, друг мой, мне нужно идти!.. — Он надел шляпу и потрепанное пальто, низко поклонился и вышел.

— Приходи еще! — крикнула Анжелика вслед.

И он приходил каждую ночь. По условному стуку в окно она открывала дверь. Лежа в постели, Клод рассказывал ей парижские новости, и она на время отвлекалась от житейских забот. Но с рассветом поэт вырывался из объятий Анжелики и уходил, часто даже не попрощавшись.

Они любили друг друга, Клод был ласков и щедр на комплименты. Больше у него ничего не было. Он был беден, не имел ни дома, ни денег, но для парижан он был олицетворением справедливости и свободы.

Все нищие любили Клода ле Пти, а бродячие певцы разносили по улицам Парижа его песни и серенады. У поэта была одна единственная страсть— свобода. Он любил свободу, как мать любит свое дитя. Но за свободу всегда нужно платить, и платить кровью.

А время шло.

Анжелика с радостью думала о скорой весне. Она была поглощена заботами о своих сыновьях.

Глава 24.

Анжелика отстаивает право на патент

Клод ле Пти правильно поступал, пораньше уходя из теплой постели Анжелики. Почти каждое утро, прямо с рассветом, за решетчатыми окнами спальни появлялась черная тень.

— А вы не могли бы прийти еще раньше? — с иронией спрашивала она у Дегре.

— Я пришел не к вам, мадам, хотя и не отказался бы поваляться в вашей постельке. Я все еще разыскиваю памфлетиста.

— Здесь, у меня? Да вы с ума сошли!

— Как знать, мадам, как знать?!

Анжелика быстро одевалась, чтобы успеть на работу в таверну «Красная Маска». Между ней и Дегре происходило нечто вроде обмена любезностями, и он провожал ее по заснеженным парижским улицам. Сорбонна бежала впереди, весело помахивая хвостом. Такая прогулка напоминала ей время, когда несколько лет назад она так же шла бок о бок с Дегре перед несправедливым процессом, отнявшим у нее сразу мужа, состояние и свободу.

Теперь судьба свела их снова. Анжелике не было стыдно, что Дегре видит, как она трудится в таверне служанкой, ибо знала — он не осудит ее. Он все понимал, умный фараон... Теперь она хотела забыть время, проведенное в банде Каламбредена. Она до сих пор не знала, где он может быть. «Он успел убежать в деревню, — думала она, — а может, возглавляет сейчас другую банду?» Но она чувствовала, что никогда больше не увидит Николя.

Анжелика уверовала, что Дегре не сделает ей ничего плохого. Было видно, что за последнее время полицейский поправил свои финансовые дела. Он стал хорошо одеваться и курить дорогой табак.

Подойдя к таверне, Дегре, как всегда, поклонился и отправился по своим делам, а Анжелика, оставшись одна, задержалась перед вывеской, нарисованной ее братом Гонтраном. На большом щите была изображена женщина в длинной мантилье и красной маске.

Постепенно жизнь начала заполнять улицы проснувшегося города. Вдали послышался утренний перезвон монастырских

колоколов.

Периодически приходил Одиже, все еще надеявшийся сосватать Анжелику.

— Не забудьте про шоколад, — говорил он.

— А вы никогда не получите своего патента, — каждый раз парировала она.

— Да почему же, мадам?

— Потому что вы опираетесь на де Гиша, а он сам хочет погреть руки. Знайте, что все знатные сеньоры злы и алчны!

— Но патент Давида тоже не утвердили?

— Да! — вспыхнула Анжелика, — Проклятые волокитчики хотят получить «на лапу», а у меня нет денег, чтобы заткнуть им глотки. Они намекают, чтобы я переспала с кем-либо из комиссии по патентам. Но они мне все до смерти противны — потные жирные каплуны!

Она не замечала, что когда злилась, то всегда переходила на воровской жаргон. От таких слов благородный Одиже бледнел и краснел, уходя ни с чем. И так повторялось уже много раз.

Анжелика знала, что на улице Сен-Оноре Одиже начал строить просторный зеркальный зал с позолоченными панелями. И еще она знала, что до получения им патента на изготовление шоколада было далеко.

«Вообще-то, он с головой, Одиже, — думала Анжелика, бегая по таверне между клиентами. — Красота зала может приманить людей».

— Я думаю, что красивое убранство зала привлечет ко мне богатую клиентуру, — объяснял Одиже внимательно слушавшей Анжелике.

— Выпуская на рынок новую продукцию следует обновить место, где ее станут продавать.

Но все приготовления были ничтожны по сравнению с трудностями приобретения патента на выпуск шоколада.

— Ничего, скоро кончится зима, и весна обязательно принесет что-то новое. Я все равно добьюсь подтверждения на патент Давида и назло всем буду выпускать шоколад!

Так рассуждала она, сидя за стойкой в ожидании ранних клиентов. Она не могла даже предположить, что скоро новое несчастье войдет в ее дом, растревожив ее и без того истерзанную душу.

На улице шел снег, было тихо. В дверь забарабанили, и появились первые клиенты. Отбросив грустные мысли, Анжелика открыла дверь таверны.

Глава 25.

Кровавая оргия в «Красной Маске»

...Отложив в сторону перо, Анжелика с удовольствием посмотрела на свою работу. Весь вечер она занималась подсчетами расходов и доходов. Вообще, дела шли хорошо, и прибыль росла с каждым днем.

Перед самым уходом она заметила, что в таверну зашла группа богато одетых людей. Они были в черных масках, что говорило об их высоком положении в обществе — они не хотели быть узанными простыми горожанами.

По этикету приближенные короля не могли посещать таверны, притоны и бордели, но они частенько пренебрегали правилами, чтобы погулять в свое удовольствие.

Анжелика уже привыкла к таким визитам, так как ее заведение пользовалось хорошей репутацией. И, оставив господ на попечение хозяина и служанок, она спокойно пошла домой. Ведь в основном она была хозяйкой таверны, и все дела лежали на ее плечах.

Подходил к концу 1664 год. Уже три года минуло с тех дней, как Анжелика поселилась в «Храбром Петухе». И то, что случилось за это время, превзошло самые смелые ожидания. Старая харчевня, переименованная в таверну «Красная Маска» расцвела и окрепла.

С появлением Анжелики г-н Бурже преобразился. Он почти перестал пить и всегда слушался ее советов. Постепенно она взяла в свои руки все заботы о заведении. И того, что она отдавала хозяину, вполне хватало последнему, чтобы обеспечить приближающуюся старость. Так Бурже и жил припеваючи в своей таверне под крылышком новой хозяйки. А выпив рюмку-другую, он гордо говорил соседям, что свое заведение он уже оформил на свою дочь, как часто называя Анжелику. Кстати, этот его поступок совсем не вызывал удовольствия у племянника Давида, являвшегося законным его наследником.

За прошедшие три года Давид стал красивым юношей и все еще не терял надежды сделать Анжелику своей любовницей, хотя та продолжала относиться к нему, как к младшему брату. Правда, невинные шутки, которыми они обменивались на кухне, были не

лишены тонких намеков с его стороны и настоящего женского кокетства — с ее. Иногда шутки заканчивались даже мимолетным поцелуем.

«Если так будет продолжаться и дальше, — размышляла Анжелика, — то однажды я уступлю юному сердцу и молодой страсти...» К тому же Давид был нужен для будущих предприятий.

Другим поклонником по-прежнему оставался Одиже. И с тем, и с другим нужно было поддерживать хорошие отношения, хотя они были разными людьми и по уму, и по возрасту.

Посыпав песком полностью проверенный отчет, Анжелика сладко зевнула.

«Вот я и оказалась между двух огней, — сказала она себе. — Давид или Одиже?..» Ее мысли прервала Жавотта, раздевавшая и причесывавшая перед сном волосы мадам.

— Кажется, кто-то скребется в нашу наружную дверь, — заметила Анжелика.

— Вам только показалось, мадам.

Но через некоторое время звук снова повторился. Анжелика подошла к двери и прислушалась, но звук исходил из маленького окошка, расположенного рядом с крыльцом. Она приоткрыла ставню и тут же вскрикнула, когда сквозь решетку к ней протянулась маленькая черная лапка.

— Да ведь это Пикколо! — воскликнула она.

Как только дверь открылась, обезьянка бросилась Анжелике на руки и прижалась к ней, спрятав голову в оборках платья. — _

— Что произошло? — растерянно проговорила Анжелика. — Обезьяна никогда не приходила домой одна. Посмотри, Жавотта, кажется, она оборвала свою цепочку!

Женщины заперли дверь и вошли в комнату.

— О ля-ля! — удивилась Жавотта. — У нее вся шерсть слиплась. Может, она упала в вино? Посмотрите сами, мадам!

— Нет, здесь не вино. Я по запаху чувствую кровь. Она ранена, я раздену ее...

Пикколо громко заверещала.

— Жавотта, ее кафтанчик весь пропитан кровью. Что с тобой произошло, друг мой? — ласково спросила Анжелика.

Обезьянка вдруг прыгнула назад, схватила маленькую коробочку и начала важно расхаживать по столу, держа ее перед собой.

— Ох, проказница! — сообразила Жавотта. — Она передразнивает Дино с корзинкой. Правда похоже, мадам?

Но Пикколо, сделав несколько кругов, остановилась, оглянулась вокруг и принялась строить гримасы, будто от нестерпимой боли. Поклонившись направо и налево, она бросила коробочку на стол и стала драться сама с собой, дрыгать ножками и подпрыгивать, а потом, ухватившись за живот, опрокинулась на спину, издавая дикие вопли.

— Что с ней? — пробормотала Жавотта. — Уж не взбесилась ли она, мадам?

Но Анжелика, внимательно следившая за действиями животного, быстро подошла к вешалке и накинула на себя мантилью.

— Наверное, с Дино случилось несчастье. Я должна немедленно идти в таверну.

— Я с вами, мадам!

— Пойдем. Ты будешь нести фонарь. Передай обезьянку Барбе, пусть она отмоет ее, высушит и даст молока.

Предчувствие чего-то ужасного не покидало Анжелику. Она была уверена, что Пикколо пыталась сообщить о страшной драме, разыгравшейся в таверне.

Но действительность превзошла все ее опасения. Они еще не дошли до набережной, как их едва не сбил с ног мальчишка, несшийся по направлению к ее дому. Это был Флино. Анжелика долго трясла его за плечи, но малыш не мог вымолвить ни слова. Наконец он пришел в себя.

— Я бежал за тобой, хозяйка! — пролепетал он, задыхаясь от волнения. — Они... они убили Дино!..

— Кто они?

— Они... господа... клиенты! — И, сплюнув, Флино затараторил, будто отвечал выученный урок: — Дино был на улице с корзинкой. Он, как обычно, пел и торговал вафлями. Вдруг один из клиентов, сидящих в зале, весь в кружевах и в черной маске, сказал: «Какой красивый голос, позовите мальчишку!» А когда Дино вошел, господин закричал: «Святая Мария! Какой прелестный мальчик! Он еще более соблазнителен, чем его песни!..» Потом он посадил Дино к себе на колени, начал угощать вином и полез целоваться... Сеньор был изрядно

пьян, и Дино вырвался, Тогда сеньор вскочил, выхватил шпагу и вонзил ее в живот ничего не подозревавшего Дино. А когда Дино упал, то к нему подбежал другой господин в маске и прикончил беднягу. Кровь текла ручьями по всему залу...

— Что ты говоришь? Опомнись! — трясла его за плечи Анжелика.
— А господин Бурже? Нет, ты сошел с ума, такое невозможно!..

— Нет, маркиза, сошли с ума те демоны в масках! Когда хозяин услышал, как кричит Дино, он вышел из кухни и стал уговаривать их: «Господа, остановитесь! Оставьте мальчика в покое!» Но дьяволы напали на него и стали бить. А один из них закричал: «Я знаю его, он хозяин «Храброго Петуха»... Но он не похож на петуха, старая толстая бочка! Я сделаю из него каплуна!» И они все бросились на хозяина, окружили его, сорвали штаны и... и кастрировали его! Хозяин кричал, как сумасшедший, а те дьяволы продолжали пить, не обращая внимания на него. Давид хотел помешать им, но они ударили Давида по голове, и он упал... Мы все, увидев такое, бросились врассыпную, а я побежал за вами, мадам!..

Улица Вале де Мизер была освещена множеством фонарей. Возле входной двери таверны «Красная Маска» творилось что-то невообразимое. Виднелись белые колпаки и темные силуэты в белых передниках. Соседние кабатчики, прислуга и горожане, вооруженные кто чем, атаковали двери таверны.

— Мы не знаем, что делать, — сказал один из них подбежавшей Анжелике. — Пьяные дьяволы забаррикадировали двери с той стороны. К тому же они вооружены, у них пистолеты.

— Тогда надо вызвать охрану! — воскликнула уже обозлившаяся Анжелика.

— Давид бегал, — сказал хозяин соседней таверны, — но бесполезно. Слуга тех дьяволов предупредил городскую охрану, встретив их на улице Тюильри. Они сообщили, что их хозяева, находящиеся сейчас в таверне «Красная Маска», относятся к королевской свите. И охрана, не желая нарываться на неприятности, повернула назад. Давид бегал и в Шателе, там ему посоветовали самому разбираться со своими клиентами.

Из таверны доносились крики, пьяные песни и звон разбитой посуды. В окна ничего нельзя было рассмотреть, так как стекла

запотели. Слышались выстрелы и звон разбиваемых бутылок. Казалось, все черти из ада собрались здесь на свой шабаш.

Внезапно Анжелика заметила Давида. Тот был бледен, как полотно, а из-под повязки на голове сочилась кровь. Он подробнее рассказал ей, как все произошло:

— Они пришли уже сильно выпившие. Один из господ вылил тарелку с горячим супом на голову слуге, помогавшему за столом. Потом они захотели поиздеваться над Сюзанной, но та вывернулась и убежала. А Дино...

— Ладно, пойдем, — Анжелика схватила за руку очумевшего от страха подростка. — Мы проскочим через задние двери.

Двадцать рук сразу протянулись к ней:

— Ты с ума сошла!.. Они же убьют тебя!..

— Может, еще не поздно помочь Дино и хозяину! — возражала она. — Я не боюсь их!

— Мы все пойдем, когда они утихомятятся и уснут, — опасливо говорили соседи.

— Но они все сожгут и перебьют!..

Наконец она вырвалась и, держа за руку Давида, бросилась во двор таверны. Пройдя задним ходом, они оказались на кухне, сообщавшейся с общим залом. Потихоньку отворив дверь, Анжелика осмотрелась. Пол в зале был усеян черепками посуды, сорванными со столов скатертями и битыми стаканами. Теперь она уже различала обрывки песен, ругательства и отдельные слова. Большинство присутствовавших собралось возле камина, и по их льстивому тону можно было понять, что они лебезят перед кем-то. От бликов пламени черные маски клиентов светились мрачным огнём.

— Мадам, они же настоящие дьяволы, — произнес тихо Давид, дрожа всем телом.

Анжелика пыталась разглядеть тело Дино и хозяина, но в зале было сумеречно.

— Кто первым вонзил шпагу в Дино?

— Тот господин, которого все окружили...

Вдруг сеньор, на которого показал Давид, привстал и дрожащей рукой провел по парикку:

— Я пью за здоровье принца Астре, господи!

— О, этот голос... — прошептала Анжелика. Она узнала бы его среди сотен других. Часто он возникал в ее вечных кошмарах в башне Несль. Ей и сейчас послышалось: «Сейчас вы умрете, мадам. Вы должны умереть, мадам...»

Да, это был он, дьявол во плоти человека, всегда преследовавший ее. Перед ней, без сомнения, находился брат короля, шевалье де Лоррен. Теперь она знала убийц, скрывавшихся под масками от людей.

Вдруг один из буянов начал бросать в камин стулья, а другой схватил бутылку и с силой швырнул ее в огонь. В бутылке оказалась водка, и яркое пламя, вырвавшись из камина, лизнуло занавески на окнах. Кампания хором засмеялась зловещим смехом.

Анжелика бросилась, чтобы остановить безумных пьяниц.

— Не ходите, мадам! — Давид ухватил ее за талию. — Они же убьют вас!..

Несколько минут они беззвучно боролись. Потом Анжелике удалось оттолкнуть Давида, и она пулей влетела в зал.

Появление женщины в длинной мантилье сначала обескуражило гуляк. Песни и пьяная болтовня стихли на мгновение.

— О, красная маска! — воскликнул кто-то.

— Господа, — начала Анжелика дрожащим от волнения голосом. — Вы не боитесь гнева короля, когда он узнает о ваших злодеяниях?

Она понимала, что только упоминание о короле сможет повлиять на «сильных мира сего». Не теряя времени, она схватила ведро с водой и плеснула в камин. Пламя зашипело. Она сделала два шага по залу среди застывших черных фигур и почти наткнулась на тело изуродованного хозяина. Рядом лежал Дино с распоротым животом и белым, как снег, лицом спящего сном праведника ангела. Ужас на минуту парализовал Анжелику, и егохватило, чтобы бесноватые демоны пришли в себя.

— Господа, господа! Женщина!.. Вот чего нам до сих пор не хватало!..

Ее толкнули, потом сильно ударили в лицо, и она потеряла сознание. Ее поволокли и положили на угол. Черные маски склонились над ней, как на дьявольской кухне. Руки и ноги ее оказались сжатыми железными пальцами. Юбки полетели в разные стороны.

— Кто первый? — произнес ненавистный голос. — Кто первым полюбит нищенку?

Все было как в кошмаре. На нее сверху навалилось тяжелое тело, ее рот закрыл другой рот. Все вокруг померкло. Ей стало больно, но она ничего не могла сделать.

А потом вдруг наступила тишина. Все смотрели на пол, на какой-то предмет, который она не могла видеть со стола. Человек, набросившийся на нее, неловко сполз в сторону. Почувствовав, что руки и ноги ее свободны, она резко вскочила со стола и первым делом опустила задранные юбки.

Будто по мановению волшебной палочки сказочной феи, дьяволы сразу превратились в неповоротливых животных. Глазам Анжелики представилась невероятная картина. Брат короля лежал навзничь в луже вина, а огромная собака стояла на нем передними лапами и трепала его за шею. Это, конечно, была Сорбонна. Проскочив через кухню, она сбила с ног монсеньора и вонзила зубы в его горло.

— Убейте собаку... — пролепетал невнятный голос. — Где пистолеты?

— Не двигайтесь! — приказала Анжелика. — Если вы сделаете хоть одно движение, собака разорвет брата короля!.. — Ее ноги тряслись от пережитого напряжения, но голос звучал твердо. — Господа, оставайтесь на месте, иначе вы будете нести ответственность перед королем за еще одну смерть!..

Все мгновенно застыли. Люди в черных масках были слишком пьяны, чтобы осмыслить происходящее, и в их одурманенных мозгах крутилась лишь одна-единственная мысль, что жизнь монсеньора висит на волоске.

Достав нож из ящика стола, Анжелика подошла к убийце, стоявшему рядом с ней. Увидев нож, тот в ужасе отпрянул назад.

— Я не собираюсь убивать вас. Я лишь хочу узнать, кто скрывается под маской!..

Это был шевалье де Лоррен. Глядя на его лицо, отмеченное уже печатью разврата, Анжелика вспомнила страшную ночь в Лувре, принесшую ей позор и унижение. Еле сдерживая гнев, она двинулась к остальным.

Страх за жизнь брата короля парализовал злодеев, все они были вялы и отвратительны. Здесь собрались сливки общества: Бриенн, маркиз де Олонэ, красавец де Гиш и его братец, промямливший, еле

ворочая языком: «Ура, Красная маска против Черной...» — и тут же повалившийся на грязный пол.

Под следующими масками прятались Пегилен де Лозен, Фротеняк, Сан-Тирли и граф де Вард. «Честное слово, лучшие придворные его величества!» — подумала Анжелика.

Однако трое из веселой компании оказались незнакомыми ей. Один из них, голубоглазый великан в великолепном парике и кружевном камзоле, стоял возле лестницы и чистил ногти. Казалось, все происходящее в таверне, было ему безразлично. Он был пьян гораздо меньше, чем другие. Когда Анжелика подошла к нему, он сам грациозно снял маску. В его глазах теплилось что-то вроде сочувствия, а губы кривила усмешка.

Помедлив еще несколько секунд, Анжелика подошла к Сорбонне и взяла ее за ошейник.

— А теперь убирайтесь! — приказала она. — Вы и так наделали уже слишком много зла!

Придерживая возле лиц маски, побежденные дьяволы покидали таверну, таща за собой на руках брата короля и де Варда. Но на улице им пришлось защищаться шпагами от столпившихся разъяренных горожан, которые нападали на них до тех пор, пока слуги, вооруженные мушкетами, не разогнали толпу.

Сорбонна нюхала кровь и рычала, раздувая ноздри, а подойдя к трупу Дино, жалобно заскулила. Анжелика поцеловала его лоб.

— Дино, Дино! — всхлипнула она. — Мой бедный маленький ангелочек...

Вдруг снаружи раздались громкие крики:

— Пожар! Пожар!..

Пламя уже охватило таверну, едкий дым наполнил помещение. С Дино на руках Анжелика выбежала из зала. На улице было светло, как днем. Соседи пытались тушить огонь, охвативший старый деревянный дом. Снопы искр сыпались сверху на соседние крыши. Да, дьяволы закончили свою тризну грандиозным костром.

Люди бросились к Сене, организовав цепочку для переноса ведер с водой. В последний момент Анжелика и Давид хотели вытащить тело Бурже, но сверху посыпались горящие балки, чуть не задавив их. Соседи хватали все, что можно было спасти, и выбрасывали через окна на улицу.

Тем временем на место происшествия приехали капуцины. Толпа радостно приветствовала монахов, в обязанность которых входило тушение пожаров в городе. Монахи привезли с собой лестницы и насос для подачи воды. Быстро забравшись на крыши соседних домов, они начали поливать уже почти сгоревшую таверну. Все боялись, что огонь перебросится на другие дома, стоявшие рядом. Но, к счастью, погода стояла безветренная, и пожар не распространился.

Вообще-то в Париже было много деревянных домов, и два-три раза в столетие случалось, что целые кварталы выгорали дотла.

Через час все было кончено. На месте процветающей таверны «Красная Маска» осталась куча золы и пепла, где были погребены останки незадачливого хозяина. Огонь был усмирен. Анжелика в отчаянии смотрела на руины. Возле нее, понуриив голову, стояла Сорбонна.

«Где Дегре? Я должна его увидеть, он посоветует, что мне делать», — подумала Анжелика и, наклонившись, взяла собаку за широкий кожаный ошейник.

— Веди меня к своему хозяину, Сорбонна!

Умное животное потянуло ее в темноту. Недалеко от пожарища она увидела широкополую шляпу полицейского. Казалось, он ждал ее.

— Здравствуйте, мадам, — спокойно произнес он. — Ужасная ночь, не правда ли?

— И вы не пришли мне на помощь! Разве вы не слышали, как я кричала?

— Я не знал, что то были вы, мадам...

— Не все ли равно? Кричала женщина...

— Но не могу же я бежать на помощь всем женщинам, которые кричат? — философски заметил Дегре. — Но если бы я знал, что в беду попали именно вы, то непременно появился бы.

— Сомневаюсь...

— Я и так уже не раз, — грустно вздохнул Дегре, — рисковал из-за вас и карьерой, и головой. Увы, в моей судьбе вы играете какую-то роковую роль. Когда-нибудь я крупно погорю из-за вас.

— Они хотели изнасиловать меня прямо на столе таверны, — голос Анжелики задрожал.

— И только-то? Они могли сделать и хуже!

— К счастью, Сорбонна выручила меня.

— Я всегда доверял своей собаке.

— Так вы сами послали ее?

— А вы как думали, милочка?

Анжелика с облегчением вздохнула, привстала на цыпочки и поцеловала полицейского.

— Благодарю вас, господин Дегре.

— Поймите меня правильно, мадам. Я — полицейский и не могу связываться с властью имущими. Никто не может остановить их, когда они развлекаются. Так уж заведено, и в принципе, я и служу им... И на помощь я должен был бы спешить к ним, а не к вам!.. Они никого и ничего не боятся... Их можно убить только словом. Они боятся памфлетиста с Нового моста, выворачивающего наизнанку подлость и коварство. Поэт — заклятый враг аристократии. Вы поняли меня, мадам? Мне сейчас поручено поймать одного из их братьев, и потому я случайно оказался рядом с вами.

— Ну что ж, продолжайте верно служить им. А я вас презираю и ненавижу!

— Ладно, мадам. Я спешу. Рад, что хоть чем-то помог вам, — и он удалился.

— Фараон, — процедила Анжелика. — Предатель!.. — И только тут в ее воспаленном и переполненном страшными событиями мозгу мелькнула новая мысль.

«О, теперь я отомщу им за все!..» — с затаенной надеждой подумала она.

— Подайте, мадам! — донеслось из темноты.

Глава 26.

Справедливая месть Анжелики

Как и при первой их встрече, Анжелика нашла Клода ле Пти в шаланде на берегу Сены. Он, как всегда, спал в сене, привезенном по великой реке с юга Франции. Она разбудила его и рассказала о кровавой оргии в таверне. Опять, как и несколько лет назад, разодетые в шелк и кружева убийцы из высшего общества вторглись в ее жизнь.

— Отомсти за меня, Клод, — попросила Анжелика. — Только ты можешь достойно отплатить им за все зло. Ты ненавидишь их так же, как и я... Дегре сам подтолкнул меня к решению обратиться к тебе.

Поэт сладко зевнул и потянулся:

— Интересно, а почему ты называешь меня на «ты»? Ах, ты же стала богатой, я и забыл. Скажи, зачем тебе такой шарлатан, как я?

Он протянул руки и хотел притянуть ее к себе, но она резко вырвалась из объятий.

— Послушай лучше, что я тебе скажу!

— Да-да, я забыл, — прервал ее Клод шутливым тоном. — Слушаюсь, мадам! Я сделаю все, что ты хочешь, маркиза. С кого начать?

— С господина Бриенна, пожалуйста!

— Я знаю, что одно время он крутил с Лавальер. Ну что ж, сделаем ему веселье. Я понимаю, что с некоторых пор король не любит вспоминать о нем. Мы дадим г-на Бриенна на закуску его величеству. — Клод ле Пти повернул лицо к востоку, где всходило розовое солнце. — А на обед, маркиза, мы предоставим ему другую жертву!.. — И он на краю лодки принялся писать памфлет.

А что же происходило в королевских апартаментах? Утром Людовик XIV, отстояв мессу, направился в свой покой. Здесь творилось что-то неладное. Люди бегали взад-вперед. Войдя в кабинет, он заметил, что одни слуга шепчется с другим. Королю сразу не понравилась какая-то таинственность.

— Что делается во дворце? — остановил король маркиза Креки, читавшего бумагу с напечатанным на ней текстом.

— Ничего, ваше величество, — ответил маркиз в крайнем замешательстве.

— Дайте мне! — властно приказал король. — Я хочу знать, что происходит в королевстве.

Он взял листок, но его тут же пригласили в столовый зал. За обедом, состоявшим из черепахового супа, жареных куропаток с виноградом и фаршированной форели, после бокала старого вина король вспомнил о листке бумаги и достал его из кармана. По мере того как он читал злополучный памфлет, его крупное красивое лицо мрачнело, как небо перед грозой. Когда он закончил, придворные, прислуживающие за столом, замерли.

Памфлет был написан на парижском жаргоне едко и насмешливо, с непристойными выражениями, от него пахло Фрондой и бунтом. В нем затрагивались имена людей, приближенных к его величеству, и в первую очередь имя г-на де Бриенна, дворянина из свиты короля.

Судя по памфлету, он прошедшей ночью вспорол живот мальчику-слуге из таверны «Красная Маска», а его спутники изнасиловали служанку. Там же было сказано, что в последующие дни появятся памфлеты на других участников оргии, а в последнем Париж узнает, кто убил и надругался над хозяином таверны, почтенным господином Бурже.

Это было уже слишком. Людовик позеленел.

— Святая Дева! — воскликнул он. — Если хотя бы половина здесь правда, то Бриенн заслуживает самого серьезного наказания. Кто слышал подробности, господа? — обратился он к придворным, но те в страхе перед опалой молча опустили головы. — А что скажешь ты, сын мой? — в упор посмотрел он на пажа.

Юноше было лет тринадцать-четырнадцать, а он не посмел солгать своему королю.

— Да, сир, — ответил он, запинаясь. — Все, что написал поэт с Нового моста, — чистая правда. Минувшей ночью я гулял с приятелями неподалеку от того места, и вдруг мы увидели пламя. Мы побежали на пожар и увидели, как горела таверна «Красим Маска», а человек двенадцать в масках отбивались шпагами от разъяренной толпы людей.

— Что вы еще видели, сын мой? — Король впился глазами в юношеское лицо пажа.

Юноша смущено опустил голову.

— Я видел, сир, тело маленького продавца вафель. Женщина, вытащившая его из огня, держала его в объятиях и заливалась слезами. И еще я видел племянника хозяина, раненного в голову.

— А что же с хозяином таверны? — воскликнул растроганный король.

— Его не смогли вытащить из огня, и он оказался погребенным под обрушившейся крышей своего дома. Люди говорили, что это весьма достойные похороны для кабатчика.

Лицо Людовика стало холодным, как лед.

— Немедленно найти г-на Бриенна, а вы, маркиз, напишите указ! — И он начал диктовать, нервно постукивая тростью в пол: «Я, Людовик XIV, приказываю заключить в Бастилию г-на Бриенна за совершенное им минувшей ночью преступление, а всех, кто будет читать памфлеты, штрафовать и отправлять на две недели в Шателе». И подписав указ, он велел отнести его шефу полиции.

Зло посмотрев па придворных, король молча удалился из обеденного зала. Караульный офицер нашел г-на Бриенна в его апартаментах. Он лежал на диване и жалобно стонал. С большого похмелья голова его была перевязана полотенцем.

— Дорогой друг, — смущенно сказал офицер, — по приказу короля вы арестованы, — и поднес к его лицу памфлет. — Вот и причина!

— Господи, я пропал! — воскликнул Бриенн. — Ничего нельзя утаить в нашем королевстве. Я еще не успел прийти в себя от выпитого вина в той проклятой таверне, а мне уже домой приносят счет.

Его доставили королю. Тот был краток.

— Господин Бриенн, — мрачно начал Людовик. — По многим причинам разговор с вами мне неприятен. Я хочу только знать, правда ли то, что написано в листке? Да или нет?

— Сир, я был там, но никого не убивал, клянусь честью дворянина. Даже памфлетист не говорит, что именно я убил юношу...

— Тогда кто же? — понизил голос король. Бриенн, не отвечая, опустил голову. — Итак, вы молчите. Хорошо, вы будете отвечать за всех. Я хочу, чтобы парижане уже сегодня говорили на улицах, что Бриенн, приближенный короля, уже в Бастилии и что он жестоко

наказан. А что касается лично меня, то я очень доволен, избавляясь от необходимости видеть вашу надоевшую физиономию, и вы сами хорошо знаете — почему...

Осужденный вздрогнул всем телом. Наступил его конец: король припомнил ему де Лавальер. Бриенн одновременно заплатил и за выпитое вино, и за украденные поцелуи.

А по дороге в Бастилию его карета была остановлена толпой народа, жаждавшего самостоятельно расправиться с убийцей. И если бы не стража, арестованному свернули бы шею.

Итак, Париж получил первую жертву. А на следующий день новая волна белых листков захлестнула и так накаленный Париж. Сам король нашел памфлет возле обеденного стола.

Вторым был г-н де Олонэ, первый ловчий королевства. После очередной охоты его прямым ходом отправили в Бастилию. Парижские сорванцы распевали возле дворцовой решетки:

— Каждый день новое имя, а напоследок имя настоящего убийцы!

Париж гудел, как растревоженный улей. Возмущение становилось похожим на бунт.

Король был в бешенстве. Чтобы избежать народного гнева, ему приходилось сажать в тюрьму своих лучших придворных. Тем временем настала очередь Пегилена де Лозена, знатного сеньора из королевской свиты. Горожане с ненавистью выкрикивали его имя, и когда он прочитал о себе в памфлете, то велел заложить карету и поехал в Бастилию.

— Предоставьте мне камеру, — улыбаясь, попросил он начальника тюрьмы.

— Но у меня еще нет распоряжения на ваш счет, — изумился старый вояка.

— Вот оно! — и с грустной улыбкой монсеньор протянул начальнику тюрьмы бумажку с памфлетом, купленную за пару сольди и подзатыльник от кучера у сопливого мальчишки.

Следующей жертвой стал Фротеняк, предпочетший немедленно покинуть пределы Франции, хотя де Вард долго уговаривал его остаться.

— Поймите, — говорил де Вард, — что ваше бегство все примут за признание вины. Берите пример с меня — смеюсь, шучу, пью вино,

и никто меня не подозревает. Недавно даже сам король намекнул, что ему надоело все...

— Смех превратится в слезы с появлением памфлета, где будет стоять ваше имя, — угрюмо заметил Фротеняк и уехал.

А взволнованный Париж не унимался.

— Кто же будет следующим? — пели на улицах неугомонные мальчишки.

В Париже явно пахло бунтом. Некоторые придворные заранее были выдворены королем в их далекие имения. Но ненасытный Париж каждый день съедал очередную жертву. Все с нетерпением ждали последнее имя, имя убийцы.

Вскоре Анжелика узнала реакцию двора на ее месть. Дегре нашел ее в доме на улице Франк-Буржуа, где она жила. Она внимательно слушала, что рассказывал полицейский.

— Они думаю, что мы уже в расчете, — зло бросила Анжелика. — А дело только началось. Кровь Дино запятнала трон нашего владыки... Вчера мы похоронили Дино на кладбище Святых Мучеников. Видели бы вы, Дегре, как плакали люди, пришедшие проводить в последний путь невинное существо. Бедный Дино!.. Проклятые убийцы в кружевах отобрали у него единственную ценность — саму жизнь! — Она закрыла лицо руками и разрыдалась. — Торговки забросали тухлыми яйцами карету, везущую Бриенна в Бастилию... Лучше бы они сожгли тюрьму, а с ней и королевский дворец! Пусть горят Версаль и Сен-Жермен. притоны трусливых развратников из высшего света!..

Дегре тонко улыбнулся:

— А где же тогда вы будете танцевать, мадам, когда снова станете знатной дамой?

Анжелика пристально посмотрела на него, а потом низко опустила голову.

— Никогда я не стану знатной дамой... Да, кстати, вы принесли мне имена всех, кто находился в таверне в тот злополучный вечер?

— Да, мадам. Вот имена, а вот протокол расследования, порученного мне его величеством. Если хотите, я вам его прочту.

«Вечером 16 февраля 1664 года в таверну «Красная Маска» вошли несколько неизвестных в масках. Посидев немного, они учинили в таверне пьяный дебош. Их имена: де Лувиш, г-н Бриенн, маркиз дю

Плесси Бельер, де Сан-Тирли, де Фротеняк, де Гиш, де Лавальер и так далее...»

— Де Лавальер? Врат фаворитки, любовницы короля?

— Он самый, мадам! — И, заметив алое лицо Анжелики, Дегре шутливо заметил: — Вам очень идет, когда вы сердитесь, мадам. При нашей первой встрече вы были именно такой.

— Когда я вас увидела впервые, вы были более справедливы, — отпарировала она. — А сейчас я ненавижу вас, фараон бездушный!

— О, мадам, вы так выражаетесь, что, слушая вас, можно подумать, что вы воспитывались на самом дне Парижа...

Анжелика поднялась, взяла несколько поленьев и бросила их в тлеющий камин. Действие несколько отвлекло ее от мрачных мыслей. А Дегре, закулив трубку, продолжал беседу своим рассудительным тоном:

— Да, мадам, сейчас вы резонно боитесь за памфлетиста. Он не уйдет от полиции и, если останется в Париже, будет повешен.

— Вы говорите, что там был маркиз дю Плесси Бельер?

Она отлично помнила красавца с голубыми глазами и торсом Аполлона, несколько лет назад пренебрежительно назвавшего ее «баронессой унылого платья».

— Да, мадам.

— Филипп дю Плесси, — почти прошептала Анжелика, — мой кузен. Владения Плесси расположены недалеко от Монтелю. Дегре, вы меня не предадите?

— Вас — никогда, мадам. Но памфлетист будет повешен. Увы, так хочет король... Ну, до свидания, мадам!

И полицейский, откланявшись, удалился.

После его ухода Анжелика немного успокоилась, хотя сердце ее все еще было готово разорваться от боли. Никогда ей не было так грустно. Страх, боль, тоска — все эти чувства давно быт знакомы ей, но сегодня сердце сжималось в комок. Предчувствие чего-то непоправимого давило и угнетало душу.

Вечером пришел Одиже и попытался хоть как-то утешить. Она не приняла сочувствия.

— Катастрофа... катастрофа... — повторяла она. — Я потеряла все, что имела. Где я возьму денег? Неужели опять нищета, голод и

парижское дно? Денег, что я скопила, хватит только на месяц... Я разорена, я погибла...

— Не бойтесь, любовь моя, — Одиже положил руку ей на плечо. — Пока я жив, вам ничего не грозит. У меня достаточно средств, чтобы содержать вас вместе с детьми.

— Нет, я не хочу! — Анжелика резко сбросила руку Одиже, на глазах навернулись слезы. — Я не хочу работать у вас в качестве служанки.

— Почему вы говорите о равноправии женщины и мужчины? Такие мысли пахнут ересью.

— Уходите! Я ненавижу вас, Одиже. Слишком вы благополучны. Я не хочу вас видеть!

— Анжелика, дорогая моя!

— Уходите сейчас же!

— Умоляю вас, — он встал на колени.

— Встаньте, сударь. Вы смешны...

Одиже встал и, покачиваясь, вышел из ее дома, забыв даже свою шляпу.

Анжелику раздражали вой ветра и мяукание кошки. Она была крайне утомлена после всего пережитого. Ей уже не хотелось жить.

Понимая, что пришла его очередь, маркиз де Лавальер бросился к ногам сестры, чтобы она попросила короля о милости.

— Я не буду вас строго наказывать, — сказал Людовик, — если даже ваше имя появится в очередном памфлете. Мне дороги слезы вашей сестры. Покиньте на время Париж и поезжайте в свой полк. Возвратитесь, когда утихнет скандал. Прощайте, маркиз.

Скандал, однако, не утихал, несмотря на то что многих людей, читавших памфлеты, арестовывали и штрафовали. Множество мальчишек — продавцов белых листков — было поймано и отправлено в Шателе. Во дворце усилили охрану, все входы и выходы из Лувра тщательно охранялись, возле окон стояли часовые. Крепость абсолютизма приготовилась к осаде, но проклятые листки оказались даже в будуаре королевы. Незаметно прошмыгнуть или пронести что-то во дворец было невозможно... Невозможно для обычного человека, но не для карлика, любимца королевы.

«Нет», — думал Дегре, подозревая Баркароля в том, что он сотрудничает с Анжеликой.

«Да, — размышлял Дегре, — но что за женщина! Ведь она уже подняла на ноги всю парижскую чернь! Даже сам Великий Коэср благоволил к бывшей Маркизе Ангелов».

— Ну что за женщина! — в сотый раз воскликнул Дегре. Кто-кто, а он знал, что победа будет на стороне короля.

Однажды утром Париж узнал новую сенсацию. Оказывается, в злополучную ночь пожара в «Красной Маске», еще до убийства маленького Дино, маркиз де Сан-Тирли якобы сказал, покидая своих собутыльников:

— До свидания, господа. Я лучше пойду крутить любовь с маркизой Ракио.

Маркиз Ракио вызвал обидчика на дуэль, и Сан-Тирли был убит. Париж снова ликовал.

— Остались только четверо, четверо, четверо! — пели вокруг, сочиняя фарандолы.

Патрулировались все улицы, но полицейские не могли поспеть везде. Охрана плетью разгоняла толпу, а бунтовщики кидались тухлыми яйцами, распевая проклятые памфлеты.

Прячась днем и ночью от нарядов полиции, Клод ле Пти — поэт с Нового моста — тайком пробирался к Анжелике. Его искали везде, лучшие силы полиции были брошены на поиски памфлетиста, баламутившего народ. Казалось, мышеловка вот-вот должна была захлопнуться.

Запыхавшись, он вбежал в комнату.

— Да, маркиза. Теперь я попался и с меня снимут шкуру... — Он был сильно испуган.

— Не говори так, Клод. Ты же сам повторял, что тебя никогда не повесят, что ты ум и совесть парижского народа.

— Я так шутил, дорогая маркиза. Разве мне справиться с его величеством? Полицейские ищейки идут по моим следам. Полчаса назад меня чуть не схватили в маленькой таверне. Я уже был на краю гибели... — Дрожь всем телом, он прилег на кровать. — В моей гибели будешь виновата ты, маркиза, именно ты заставила меня писать памфлеты. Мне не надо было бы любить тебя, не надо было слушать. С того момента, как я стал называть тебя на «ты», я стал твоим рабом.

Расстроенная Анжелика села у изголовья и нежно обняла его, но Клод, отмахнувшись, закрыл глаза. Он был ужасно испуган. В глубине души она уже поняла, что поэту грозит неминуемая гибель, но тут же отогнала от себя страшные мысли. Клод открыл глаза:

— Возле тебя тепло и уютно, но рядом, на улице, меня уже подстерегает смерть... Ты — моя мечта. Зачем я полюбил тебя?

— Ты говоришь совсем как Каламбрден. — И она нежно поцеловала его в губы.

— Ты погубила его, — тихо пробормотал он, — а теперь погубишь и меня.

— Не говори так. Ведь он любил меня.

— Ты — как призрачное видение, как ночная бабочка, как лесная фея... — он задохнулся. — Все мужчины, что были с тобой и любили тебя... Твоя любовь принесла им смерть или великие душевные страдания.

Анжелика молчала. Да, как это ни было страшно, но он был прав. Перед ее мысленным взором промелькнуло лицо Жофрея перед крестом, Каламбрден, Клод... Да, такова была ее нелегкая судьба.

— Но ведь ты, Клод, можешь на время покинуть Париж. — Она продолжала ласкать его лицо.

— А куда я пойду? У меня никого нет, кроме тебя. Да и Париж — вся моя жизнь!

— Ты говорил, что где-то в горах Жюра живет твоя кормилица. Сейчас зима, дорог нет, тебя там никто не найдет. Слушай меня внимательно. Ночью ты должен быть возле ворот Монмартра, они плохо охраняются, я уже все разведала. Там ты найдешь лошадь, немного денег на дорогу и пистолет.

— Ладно, маркиза, — он сладко потянулся. — Теперь я пойду. Но если меня повесят, хоть иногда вспоминай Клода ле Пти.

Он несколько минут, не отрываясь, смотрел в ее бирюзовые глаза, а потом вышел, громко хлопнув дверью. И она поняла, что а последний раз видела его.

В полночь Красавчик и несколько других людей из банды Каламбрдена должны были переправить Клода ле Пти в деревню. Пока все шло по плану, и Анжелика немного успокоилась. Дети и прислуга уже спали, она сидела у камина и тихо разговаривала с обезьянкой. Стук в дверь прервал из разговор.

«Кто бы мог быть?» — подумала встревоженная Анжелика. Ее сердце громко забило в предчувствии нового несчастья.

— Откройте, мадам. Это я — Дегре, — произнес знакомый голос за дверью.

— Вы пришли как друг или как враг?

— Откройте и узнаете! — продолжали за дверью. Дрожащими от волнения руками она отодвинула задвижку. Вошел Дегре, стряхивая снег со своей широкополой шляпы. В душе она была рада увидеть полицейского, именно сейчас одиночество было для нее непереносимо.

— А где же ваша Сорбонна? — спросила она.

— Сидит дома. Мне жаль брать собаку на улицу в такую погоду. Анжелика заметила, что Дегре был одет в красивый камзол, видневшийся через расстегнутый плащ. Белый кружевной воротничок окружал его крепкую шею. У полицейского был вид провинциального буржуа, впервые приехавшего в Париж, а шпага и шпоры придавали ему живописный и задорный вид.

— Я пришел к вам прямо из театра, мадам.

— Вы больше не преследуете памфлетиста?

— Король разрешил мне действовать самостоятельно. Он знает, у меня свои методы.

— Подождите, г-н следователь. Сейчас я принесу бокалы и графин доброго вина.

— Нет, мадам! Прежде чем мы с вами выпьем вина, я должен сделать обход и проверить посты возле ворот Монмартра.

Сердце у Анжелики похолодело. Она бросила взгляд на часы: половина двенадцатого ночи. «Если Дегре направится сейчас проверять ворота, все пропало. Как он смог пронюхать о побеге Клода?..»

А Дегре уже подошел к двери.

— Как же так, г-н полицейский? Вы вытащили меня из кровати, а теперь уходите?

— Неправда, мадам. Вы не были раздеты, когда я вошел, а просто сидели у камина.

— Ну, мужчины! — всплеснула она руками.

Она боялась и за Клода, и за Дегре — в перестрелке могли убить того и другого. У полицейского была шпага и пистолеты, но и

заговорщики были тоже вооружены до зубов.

«Как глупо, — подумала Анжелика. — Если я не смогу задержать мужчину на полчала, то зачем Бог создал меня женщиной?»

Она подошла к Дегре и положила руку ему на плечо.

— Спокойной ночи, мадам, — улыбнулся он.

— Ночь не будет спокойной для меня, если вы уйдете сразу, — игриво заметила она. — Мы ведь так давно знаем друг друга!

— По-моему, не в вашей привычке бросаться на шею мужчине, — пробормотал он.

— Ночи сейчас такие длинные, когда лежишь одна в холодной постели.

— Что с вами, дорогая? — Дегре отпустил ручку двери, нежно обхватив ее за тонкую талию, и слегка придерживал, не зная — то ли идти, то ли остаться.

— Я не представляла себе, что полицейские могут быть так ласковы. И уж никогда не думала, что мы станем любовниками...

Дегре печально улыбнулся:

— Я привык к притонам и борделям, мадам. И по правде говоря, вы не в моем вкусе.

Анжелика опустила голову ему на плечо.

— Нас многое связывает, сударь. Сколько лет мы уже с вами знакомы?

— А где же Клод, ваш друг-писака? — спросил в упор Дегре. — Разве он не придет?

— Не придет, — в тон ему, смеясь, ответила она, а про себя подумала: «В двенадцать часов Клод будет далеко от Парижа и в безопасности».

Где-то вдали часы пробили полночь.

— Ну, поцелуйте меня еще раз на прощание, господин сыщик.

Дегре, поймав ее губы, жадно прильнул к зовущему, прелестному созданию. Поцелуй длился несколько минут. Потом, отстранив Анжелику, он быстро вышел на улицу.

Рано утром Флино, как всегда, оправился за молоком для Кантора и Флоримона, а Анжелика забылась в мимолетном сне. Вдруг мальчик вбежал в дом с расширенными от возбуждения и ужаса глазами:

— Маркиза, я видел на Гревской площади... Я видел нашего Клода!

— Он сошел с ума! Его же схватят!

— Нет, его уже никто не схватит... Он висит на виселице с
высунутым языком!

Глава 27.

Отчаяние Анжелики

— Я поклялся шефу полиции, который в свою очередь пообещал его величеству, что парижская чернь никогда не узнает последних трех имен. И все-таки утром граф де Гиш был выдан парижанам, как пища после голодовки. Король понял, что казнь главного зачинщика и автора памфлетов — еще полдела и что через три дня вся Франция узнает, что его родной брат — подлый убийца. Его величество в бешенстве, он не находит себе места. Но я смог убедить его, что знаю, где находятся последние тексты злополучных памфлетов. И я повторяю вам, мадам. Три последних имени не должны быть названы в Париже.

— Нет, о них все узнают!

— Посмотрим!

Анжелика и Дегре находились в той же комнате, где так мило расстались накануне. А сейчас их взгляды скрестились, как две окровавленные шпага Дом был совершенно пуст, лишь на втором этаже, забившись в угол, как мышь, притих раненый Давид.

В комнате слышались только редкие звуки, доносившиеся с улицы. Все горожане собрались на Гревской площади, отдавая дань знаменитому парижскому поэту, казненному накануне ночью.

Да, казнен был именно он, Клод ле Пти, Малышка Клод, поэт с Нового моста. Много лет он писал для народа. Он сочинял песни, эпиграммы и памфлеты. Его пески знали все, от мала до велика. И до сих пор никто не верил, что от национального героя, известного Парижу и всей Франции, избавились по прямому указанию его величества. Парижане грустно смотрели на его развевающиеся волосы и истрепанные ботинки. Все были в трауре. А рядом, на углу улицы, мамаша Урмолет под аккомпанемент папаши Урлюро пела его знаменитые куплеты. Слушая их, горожане не только плакали. Были и такие, что предлагали идти громить Версаль... Правда, дальше разговоров дело не шло — никто не хотел рисковать своей жизнью.

А в это время, в доме на улице Франк-Буржуа, сошлись два человека, вся дальнейшая судьба которых зависела от их согласия, и оба они прекрасно понимали ситуацию.

— Я и так знаю, где находятся листки с тремя последними памфлетами, — тихо говорил Дегре, обращаясь к Анжелике, смотревшей на него, как воробышек на кошку. — Я могу призвать себе на помощь всю парижскую полицию и до конца разгромить все логово в окрестностях Сен-Дени. Вы знаете, мадам, о чем я говорю. Я мог бы сровнять с землей дом вашего друга, Великого Коэсра, господина Деревянный Зад, но думаю, что мы сможем договориться с вами без эксцессов. Лучше послушать меня внимательно, чем смотреть на меня глазами разъяренной пантеры.

Ваш памфлетист уже мертв. Так было нужно сделать. Его наглость перешла все границы. Он и так достаточно насолил его величеству, и, поверьте мне, король не должен отчитываться перед кем-то за свои поступки. Будьте трезвой и разумной, дорогая Анжелика, я совсем не хочу вам зла!

— Король, король... У вас не уме только один король! Раньше вы были более гордым, Дегре. Я теперь не узнаю вас.

— Гордость является ошибкой молодости, мадам. Прежде чем быть гордым, нужно знать, с кем иметь дело. Я за того, кто сильнее! В данном случае король сильнее всех, и я служу ему, а значит, я за него. И вы, мадам, женщина, обладающая деловым складом ума и у которой на руках двое детей. Должны покориться более сильному.

— Замолчите, Дегре, вы мне противны! Я презираю вас! Вы... вы... — она даже не находила слов, чтобы выразить свой гнев.

— Довольно слов, перейдем к делу! Что вы скажете, мадам, о сумме в пятьдесят тысяч луидоров на реставрацию сгоревшей таверны? Через меня король передаст вам деньги взамен всего тиража памфлетов на три последних имени. Вот, по-моему, лучшее средство закончить дело, к славе всех участников. Шеф полиции и я, ваш покорный слуга, будут повышены в звании, вы построите новую таверну, а король легко вздохнет...

Хорошо, пока закончим. Я вижу, вы вся дрожите. Подумайте над моим предложением. Я зайду к вам часа через два за окончательным ответом.

И полицейский покинул Анжелику, уже готовую вцепиться ему в лицо.

В тот же день на Гревской площади должна была состояться казнь трех типографистов, печатавших памфлеты. Собралась огромная толпа

народа. Трех смертников вывели на эшафот, и палач приготовился исполнить свой долг. Но вдруг на площадь въехали три офицера с приказом о помиловании несчастных печатников, подписанным самим королем.

— Свобода! — ликовал народ. — Да здравствует справедливый король Франции! Свобода!

Да, иногда случалось, что король перед самой экзекуцией миловал осужденных, показывая себя народу добрым и справедливым.

Любители острых ощущений оказались разочарованы, но зато престиж короля поднялся сразу на несколько высоких ступеней.

Парижане были счастливы, все вспоминали Фронду. Ведь в 1650 году Клод ле Пти первым направил стрелы своих памфлетов против мазариниады, как называли тогда время правления кардинала Мазарини.

— Жаль, что проклятый итальянец уже умер, — кричали вокруг. — Мы бы подожгли сейчас его собственный дворец!.. Скоро мы узнаем и имя убийцы юноши и хозяина таверны!..

Но ни завтра, ни послезавтра белые листки с памфлетами не появлялись на улицах.

Наступила тишина, все притихли. Никогда теперь парижане не узнают, кто был убийцей. Поэт с Нового моста погиб, у обездоленных парижан отняли их единственную радость, Клода ле Пти, которого называли «совестью народа» или просто «дитя Парижа».

Да, абсолютная монархия Людовика XIV стояла прочно. Казалось, никакая сила на свете не сможет противиться его власти. Народ притих, все попрятались по своим домам. Так закончилось дело торговца вафельными трубочками из таверны «Красная Маска».

Анжелика же все еще переживала смерть Клода. Выть может, она и не любила его, но то, что он погиб из-за нее, — она знала твердо и часто вспоминала его лицо. И однажды, встав рано утром после очередной бессонной ночи, она твердо сказала себе:

— Нет, я больше не могу так жить!..

Вечером она должна была идти к Дегре на улицу Нотр-Дам, я оттуда вместе с ним отправиться на тайное заседание сильных мира сего, где будет подписан договор о сумме, предоставляемой королем в обмен на остальные имена убийц, не подлежащих разглашению.

«Бедный Дино! Его уже нет в живых, а его убийца разгуливает на свободе», — с безысходной горечью подумала Анжелика.

Ее переполнила ужасная тоска, ей казалось, что весь мир потемнел и в душе зачахли ростки жизни. Она одеревенела.

«Я больше не могу так жить...» — повторяла она про себя снова и снова.

Ее взгляд упал на зеркало, где отражалось бледное осунувшееся лицо. Лишь глаза возбужденно блестели. Бирюзовые глаза. Может, именно они приносили ей несчастье?

«Я приношу несчастье всем, кто любит меня, — размышляла она, глядя в зеркало. — Сначала Жофрей, потом Николя и Клод...»

Ей стало дурно, она подняла руки к вискам и сильно сжала их.

— Нет, я не в силах так жить!

Но что она могла сделать против легиона кружевных воротничков?

Воспоминания нахлынули с новой силой.

«...Помнишь, Жофрей, замок, где родился Флоримон? Ураган рвал крыши, дождь хлестал в окна. Я сидела на твоих коленях, а ты нежно гладил меня по голове, и я совсем не боялась разбушевавшейся стихии. Я смотрела на твое загадочное лицо. Я так любила тебя! Я отдала тебе все: мечты, невинную молодость, душу и тело. Жофрей, любовь моя, где ты? — истеричный вопль вырвался из ее груди. — Приди, ты мне нужен!..»

Из прекрасных глаз Анжелики градом лились слезы, будто маленькие алмазы. Она села за стол, взяла перо и принялась за предсмертное письмо.

«Господа! Когда вы прочтете письмо, меня уже не будет в живых. Я знаю, что самоубийство — большой грех, но у меня нет другого выхода. Бог, который так хорошо разбирается в человеческих душах, простит и не осудит меня. Своих детей я отдаю на доброту, жалость и совесть короля. Я хотела бы, чтобы они носили фамилию их отца, графа Жофрея де Пейрака...»

Положив письмо в конверт и тщательно запечатав его, она немного успокоилась. Все последние приготовления были окончены. Она оделась и, так как было уже семь часов вечера, зашла в спальню к своим ангелочкам. Они сладко спали в своих кроватках. Мысль о самоубийстве все настойчивее крутилась в ее голове.

На следующий день после обеда, когда Барба ушла с детьми на прогулку, Анжелика надела свое лучшее платье и тихо вышла на улицу. В корсаже у нее лежало письмо, написанное накануне Она отдаст его Дегре, а он в свою очередь передаст его тем людям.

«...Передаст сегодня на тайном заседании», — рассуждала она. Потом она пойдет на пустынный берег Сены, войдет поглубже в воду и...

По дороге к Дегре перед ней, как миг, промелькнула вся ее прошлая жизнь. Жизнь, полная опасностей и неожиданностей.

— Пусть я умру, — твердила она себе, — но я уверена, что мои дети не останутся на панели. Дегре позаботится о них. У него добрая душа, несмотря на то, что он фараон...

И, облегченно вздохнув, она свернула на улицу Нотр-Дам.

Глава 28.

Возвращение к жизни

Анжелика быстро подошла к особняку полицейского Дегре, на мосту Нотр-Дам. Очевидно, Дегре любил дома, построенные на мостах, и было парадоксально, что люди, которых он ловил, зачастую ютились именно под мостами. Образ жизни полицейского круто изменился с тех пор, как Анжелика несколько лет назад посетила его в маленьком неприглядном домике на Малом мосту, где он снимал комнату.

Сейчас Дегре имел собственный особняк в богатом районе Парижа. Дом был выстроен в современном буржуазном стиле. Фасад украшали лепные фигуры богинь, держащих в руках подносы с дарами земли. Величественный портик поддерживала колоннада, а между колоннами располагались красивые статуи.

Служанка провела Анжелику в богато обставленную комнату. В углу стояла кровать с огромным балдахином из вышитого шелка, стянутого по краям позолоченными цепями. Посреди комнаты находился изящный дубовый стол с чернильным прибором, тускло отражавшим блики заходящего солнца. Все в доме говорило о серьезности и достатке хозяина.

Она не задавала себе вопроса, откуда у полицейского появились такие средства. Дегре являлся для нее одновременно опорой и близким другом, которому она могла доверить свои самые сокровенные тайны. Казалось, что ему известно все о ее трудной и опасной жизни. Он был жесток, беспристрастен и всегда уверен в себе. Отдав ему письмо, Анжелика могла бы считать, что дети останутся под надежной защитой. Он устроит их жизнь.

Открытое окно комнаты выходило на прекрасную Сену, слышался скрип уключин, плеск воды от весел. Погода стояла великолепная, слабое солнце отражалось в натертом до блеска паркете.

Наконец Анжелика услышала в коридоре бряцанье шпор и сразу узнала твердую поступь лучшего полицейского сыщика Франсуа Дегре. Размеренным шагом он вошел в комнату и, казалось, даже не удивился ее приходу.

— Я приветствую вас, мадам! Сорбонна, останься в коридоре. У тебя грязные лапы, и ты испачкаешь паркет! — приказал он своей верной помощнице, уже много лет помогавшей хозяину в его ответственной работе.

Дегре был одет тщательно и со вкусом. На нем было красивое пальто свободного покроя. Небрежным движением он бросил его в кожаное кресло. Затем он неторопливо снял шляпу и парик, отстегнул длинную шпагу и сел возле стола. Все его движения были хорошо знакомы Анжелике. Судя по лицу, у него было отличное настроение.

— Итак, мадам, я только что от г-на Обре. Все идет, как надо. Через несколько часов, мадам, вы встретитесь с влиятельнейшими людьми королевства. На заседании будет присутствовать сам г-н Кольбер, министр финансов. Я рад, мадам, за вас. Вы шагнули очень высоко.

Анжелика улыбнулась. Его слова постепенно проникали в ее утомленный мозг, оцепенение исчезло. Когда влиятельные особы соберутся на заседание, тело Анжелики де Сансе де Монтелю, графини де Пейрак, Маркизы Ангелов будет уже лежать на дне Сены. Она станет свободна и наконец ее душа и душа Жофрея соединятся в ином мире...

Такие мысли проносились у нее в голове, пока Дегре рассказывал ей о предстоящей встрече. Анжелика даже вздрогнула, осознав вдруг, что Дегре продолжает о чем-то говорить, а она совсем не понимает его слов.

— Что вы сказали? — прошептала она.

— То, что вы слишком рано пришли. Свидание состоится через несколько часов.

— Я зашла к вам по пути. У меня еще одно свидание... — вдруг запнулась она.

Ее растерянность сразу отметил опытный взгляд сыщика. «Здесь явно что-то другое, а не обычное свидание», — подумал он.

— Да, чуть не забыла, — спохватилась Анжелика. — У меня есть одно письмо. Вы не могли бы сохранить его у себя? Я возьму его, когда вернусь. А может, и не возьму!..

— Хорошо, мадам! — Он взял конверт и положил его в ящик письменного стола.

Анжелика встала и принялась растерянно искать свой веер. Она явно была не в своей тарелке, и Дегре заподозрил что-то неладное. Внезапно в комнате раздался непонятный звук, она подняла голову и увидела, что полицейский запер дверь на ключ.

— А теперь, мадам, я попрошу вас задержаться на несколько минут. Есть несколько вопросов, которые я хотел бы вам задать.

— Но меня ждут! — растерялась она.

— Ничего, подождут, — улыбнулся Дегре, показывая крепкие белые зубы. — Сядьте, пожалуйста, мадам, и успокойтесь. — Он подставил ей кресло, а сам сел с другой стороны.

Последнее время после кровавой оргии в таверне Анжелика жила, как во сне, не веря в реальность происходящего. «Но почему Дегре запер дверь? Почему он так таинственно улыбается?» — мгновенно пронеслось в воспаленном мозгу, пока она садилась в кресло.

— Я продолжаю, мадам! Сведения, которые я хотел бы получить от вас, имеют серьезное значение. Они касаются дела, которым я сейчас занимаюсь, — начал Дегре твердым, не терпящим возражений голосом. — От исхода дела зависят жизни многих высокопоставленных особ. Сообщать вам подробности дела было бы напрасным трудом. Вам вполне достаточно просто ответить на мои вопросы...

Четыре года отделяют нас от ночи, когда в окрестностях Сен-Жермен был ограблен старый аптекарь. Двое грабителей были арестованы. Если память мне не изменяет, они принадлежали к банде Каламбредена, знаменитого вожака с Нового моста. Их звали Отмычка и Осторожный. Их давно повесили, но перед смертью Осторожный сообщил нам кое-какие сведения, которые очень заинтересовали меня. Он говорил, что той ночью в лаборатории аптекаря видел пакет с белой пудрой. И вот, мадам, я хотел бы знать точно, что же происходило тогда в доме аптекаря? Не смотрите на меня так, будто вы свалились с неба.

— А почему вы задаете мне такой вопрос?

— Что вы делали той ночью у аптекаря?

— Вы с ума сошли, Дегре! Откуда я знаю?

Полицейский глубоко вздохнул и, положив руки на стол, в упор посмотрел на Анжелику. Потом привычным жестом взял лист бумаги и принялся что-то быстро писать.

— Я спрашиваю вас последний раз: что в ту ночь вы видели у аптекаря? По протоколу, вместе со взломщиками там находилась женщина по кличке «Маркиза Ангелов». Что скажете, мадам? Маркиза Ангелов была любовницей главаря одной из самых многочисленных банд Парижа. В 1661 году Каламбрден был взят на ярмарке Сен-Жермен и — повешен.

— Повешен?! — воскликнула Анжелика. Сердце бедной женщины бешено заколотилось, ибо время, проведенное в башне Несль, запомнилось ей на всю жизнь.

— Нет-нет, — улыбнулся Дегре. — Я только пошутил. Его не повесили. Молодчик утонул в Сене при попытке к бегству с одной из королевских галер. Его тело было найдено через несколько дней неподалеку от Парижа. Но что это? Вы краснеете, мадам? Хотя я понимаю вас, такой красавец... Ваш любовник был первоклассным взломщиком и убийцей. Да, он документально уличён во многих кражах и убийствах. А его спутница однажды ударила ножом в живот нашего человека...

Анжелика поняла, что попалась. Сыщик, как настоящий волшебник, раскрыл все ее карты. Он знал о ней все. Надо было что-то делать. Ее взгляд метнулся к раскрытому окну. Сейчас или никогда! Резким движением она бросилась в сторону окна, но полицейский, будто предвидя это, вовремя перехватил ее за руку:

— Не надо, дорогая маркиза. У меня в доме такой номер не пройдет! — и он с силой усадил ее обратно в кресло. Говори, что ты видела у старого аптекаря?

— Я запрещаю вам говорить со мной на «ты». Я буду кричать, выпустите меня отсюда!

— Можешь кричать, сколько вздумается. Мой дом пуст. Никто не услышит, даже если ты станешь вопить, что тебя убивают!

Холодный пот выступил на висках вконец растерявшейся Анжелики. Она молчала.

— Ты будешь говорить? — Дегре вдруг ударил ее по щеке. — Не серди меня, а то будет хуже. Говори! — ударил он второй раз. — Что ты видела в лаборатории? Осторожный говорил о каком-то порошке. Что там было?

— Яд... — через силу выдавила она. — Там был мышьяк...

— Ты даже знаешь название яда? Странно. — Он снова сел за стол. — Рассказывай все!

— В пакете лежала белая пудра, — начала Анжелика срывающимся голосом. — Я узнала по запаху. Мышьяк издает запах чеснока... Осторожный принял его за сахар и хотел попробовать, но я удержала его...

— Вспомни, что было написано на пакете?

— Там стояло «Для г-на Сен-Круа». Потом Осторожный случайно разбил колбу. Хозяин, услышав шум, спустился на первый этаж. Тогда мы выбежали на улицу...

— Великолепно! Остальное меня не интересует. Мне вполне достаточно...

А Анжелика мысленно снова увидела заснеженную улицу и черную Сорбонну. Прошлое никак не хотело оставлять ее.

— Дегре, когда же вы все узнали?

Полицейский тонко улыбнулся:

— Что ты — Маркиза Ангелов я знал уже тогда, четыре года назад. Но по глазам я узнал в тебе другую. Не в моей привычке отпускать воровку, да еще дарить ей шанс...

— Выслушайте меня, Дегре! Николя-Каламбрден был другом моего детства. Мы вместе играли в нашем старом Монтелю, говорили на одном диалекте...

— Не надо рассказывать о своей жизни, — проворчал Дегре. — Я знаю ее наизусть!

Но Анжелика цепко ухватила его за рукав.

— Да поймите же вы, — закричала она в исступлении. — Николя был слугой в нашем замке, потом исчез и нашел меня уже в Париже, когда мне было очень плохо. Понимаете, он любил меня, когда все отвернулись и покинули... Он спас меня, и ему я обязана даже самой жизнью! — Она уже не замечала, как ее голос сорвался на крик, а слезы градом посыпались из глаз. — И я не убивала никого в таверне. Я убила только один раз, и то не человека, а чудовище. Я убила Великого Коэсра — но только для того, чтобы спасти своего сына от ужасной судьбы, ожидавшей его в том логове...

От удивления у Дегре отвисла челюсть:

— Так это ты убила Великого Коэсра? Не может быть! Ножом?! Вот так Маркиза!..

Она побелела. Откуда-то выплыло страшное видение: чудовище в трех шагах от нее, из ужасной раны ручьем хлещет кровь, к ней потянулись длинные грязные руки с мерзкими ногтями... Ей стало плохо, она покачнулась.

Подоспевший Дегре потрепал ее по щеке:

— С вами истерика, мадам, успокойтесь... О, да ты холодная, как лед. Успокойся, детка!

Он нежно посадил ее себе на колени, но Анжелика вскочила и вырвалась:

— Господин Дегре! Если вы меня арестовали, пусть будет так. Но только не издевайтесь надо мной, отпустите меня!

— Ни то, ни другое, — возразил Дегре. — После нашего разговора мы не можем так просто расстаться. Ты же знаешь, что я не всегда груб и жесток. При случае я могу быть и нежным... — Он подошел к Анжелике.

— Мне страшно, когда вы говорите со мной таким недобрым тоном! — и она разразилась рыданиями — слезами, снимавшими нервное напряжение последних дней.

Дегре бережно поднял ее на руки и отнес на белоснежную кровать. Положив ее на подушки, он долго смотрел влюбленными глазами, а потом начал осторожно раздевать, касаясь руками ее вздрагивающее нежное тело.

Анжелика вся дрожала. Кожа ее была холодной, как струя родника. Она чувствовала прерывистое дыхание мужчины и его пальцы, снимавшие юбки.

— Дегре, — всхлипывала она. — Вы не сделаете этого... Ведь мы с вами друзья...

Когда она осталась в одной рубашке, Дегре принялся раздеваться сам. Скинув камзол и брюки, он аккуратно повесил их на спинку кресла, а потом прыгнул в кровать, задернув балдахин. Под пологом волосатое тело Дегре стало сразу более привлекательным.

— Довольно плакать, птичка. Сейчас мы будем забавляться. Ну, иди ко мне!..

Он резко сорвал с нее рубашку. Но разозлившаяся Анжелика укусила его в плечо.

— Ах так! — схватил он ее за талию.

Анжелика бешено отбивалась. Некоторое время они молча боролись. Она выкрикивала отборные ругательства, осыпая ими полицейского. Вход пошли все выражения парижского дна. А Дегре хохотал, как сумасшедший.

Взрывы смеха, запах табака и мужского пота взволновали Анжелику. Теперь она грозилась просто убить его. А он поймал ее губы:

— Ну, поцелуй меня!.. Поцелуй полицейского. Я знаю, как ты умеешь это делать!..

Анжелика больше не могла сопротивляться его просящему тону и трепетному рту. И она покорилась... А немного позже слепое желаниехватило и понесло ее в мир блаженства и грез. Их предыдущая борьба приняла теперь другой оттенок: вечная борьба нимф и богов в лесах Олимпа. Радость и вдохновение Дегре еще больше возбуждали Анжелику.

«Честно говоря, он неплохой любовник», — думала она, нежно лаская его руками.

Больше она не плакала, ей стало жарко и весело. Ее прекрасное тело расцветало, как роза под солнцем.

«Новый мужчина всегда делает что-то новое», — и она целовала его полузакрытые глаза:

— Как хорошо, Дегре! — шептали ее губы.

Еще немного, и она окажется наверху блаженства, наслаждения и сладострастия. Она даже зажмурилась. Слезы радости скатывались по ее распущенным волосам...

Проснувшись, Анжелика приоткрыла глаза и, увидев, что лежит совершенно обнаженная, быстро накинула на себя одеяло. На кровати царил ужасный беспорядок. В комнате стояла тишина, только через окно слышалось, как мелкие волны с шорохом набегают на берег. Дегре сидел за столом и что-то писал. Его нарядный парик спускался на плечи. Он казался спокойным и погруженным в свою работу.

Все тело Анжелики болело, но одновременно она испытывала приятную истому.

Дегре поднял голову и отложил перо.

— Как ваше самочувствие, мадам? Вы хорошо спали? — спросил он безразличным тоном, как будто между ними ничего не произошло.

Анжелика как-то глуповато посмотрела на полицейского: перед ней стоял совершенно другой человек. Куда девалась его веселость, детская резвость и беспечный смех?

— Я спала? — удивленно пробормотала она. — И сколько же, по-вашему, я слала?

— Вы сладко спите уже больше часа.

— А как же наше свидание, Дегре?

— Чтобы подготовиться к нему, в вашем распоряжении еще целых полчаса. Но поторопитесь. Там, за дверью, ванна и все, что нужно для туалета. Как видите, мадам, я предусмотрителен. Вставайте, и побыстрее!

Он накинул ей на плечи свой просторный халат и подтолкнул к двери в ванную.

Анжелика выкупалась и переоделась. Перед громадным зеркалом стояло множество флаконов, пудрениц и других мелочей, необходимых каждой женщине... И тут она вспомнила о пощечинах. Невероятно! Он обращался с ней, как с девкой!.. Но она прекрасно понимала, что в тот момент она была не Анжеликой, а Маркизой Ангелов... Что же будет с ней теперь?.. Внезапно она услышала голос Дегре:

— Позвольте, мадам, я буду вашим слугой! Не смущаясь наготы, он подошел и принялся одевать Анжелику с ловкостью опытной служанки.

Подкрашивая губы, Анжелика заметила, что они пылают огнем и несколько припухли.

— Ничего, мадам, — понимающе улыбнулся Дегре. — Люди, с которыми вы будете сегодня иметь дело, только позавидуют вашей молодости, вспоминая свои молодые годы. Сейчас их уже ничто не волнует...

Он оделся и взял в руку трость. Теперь он выглядел как средний буржуа, не думающий о завтрашнем дне.

— А вы преуспели в жизни, Дегре, с тех пор, как я увидела вас впервые!

— У меня достаточно ливров, чтобы иметь все, мадам. Ведь Сорбонна стареет, а что я буду делать без нее? Хотя в наше время настоящих убийц нужно искать не в притонах, а совсем в других местах. — Поразмыслив, полицейский добавил: — Может быть, в салонах! Кстати, вы готовы, мадам?

Она взяла веер и утвердительно кивнула.

— Должен ли я отдать вам конверт?

— Какой конверт?

— Который вы вручили мне, войдя сюда.

Она нахмурилась, вспомнив, что совсем недавно собиралась умереть. «Да, — подумала она, — надо же было додуматься до такой глупости».

— Отдайте его мне, г-н полицейский.

Дегре открыл ящик и вручил ей конверт.

— Вы хотели кончить жизнь самоубийством?

Она молча опустила голову.

— Но теперь я не хочу умирать! Я пушу в продажу шоколад и снова разбогатею!

Он взял у нее из рук письмо, подошел к горящему камину и бросил конверт в огонь.

— Как вы угадали, Дегре?

— У меня есть кое-какой опыт, дорогая. Что можно подумать о женщине, ненакрашенной и с блуждающими глазами, заявляющей, будто идет на свидание? И, к тому же, я знаю вас не первый год... Я дам вам совет, мадам. Не вспоминайте о прошлом. Пусть оно покинет вас, как сновидение. Живите и наслаждайтесь жизнью, она так прекрасна!

Он проводил ее до кареты, стоявшей уже неподалеку от дома. Лошади помчались, и вскоре они оказались на окраине Парижа. Остановившись на каком-то перекрестке, они пересели в другую, поджидавшую их карету, где Анжелике сразу завязали глаза. После непродолжительного пути экипаж остановился. С нее очень вежливо сняли повязку и ввели в роскошно убранный зал.

Перед Анжеликой за большим столом сидели несколько богато одетых господ в завитых париках. Дегре остался возле дверей, не смея подойти к столу. Здесь были люди из высшего света — действительно сильные мира сего. Они по очереди представились ей сами.

«Может, тут просто засада?» — мелькнула у нее подозрительная мысль, но вежливое поведение г-на Кольбера, министра финансов Франции, рассеяло все ее опасения. Он беседовал с ней, как с равной, и разговор продолжался достаточно долго. Покидая комнату, она уносила с собой чек на пятьдесят тысяч луидоров, предназначенных

для постройки нового здания вместо сгоревшей таверны, и подтверждение, что патент г-на Шайо на производство и продажу шоколада действителен на 25 лет. Теперь она не зависела ни от одной парижской корпорации. Взамен она сообщила адрес, где находится сундук с памфлетами на три последних имени.

Когда с глаз Анжелики сияли повязку и она сидела уже во второй карете, шторы в ней вдруг раздвинулись и она увидела сияющее лицо Дегре, сидящего верхом на лошади.

— Ну как, мадам, довольны?

— Все прекрасно! Я думала, будет хуже. А если мне удастся пустить в продажу шоколад, то я стану богатой.

— Вы обязательно достигнете всего, к чему стремитесь, мадам!

— Карета двинулась вперед, Дегре снял шляпу и помахал ей вслед.

— Да здравствует шоколад! — весело крикнул он. — Прощайте, Маркиза Ангелов!..

— Прощай, фараон! — шутливо ответила она высунув голову в окошко.

Карета набирала ход. Фигура Дегре становилась все меньше и меньше. И через несколько секунд он совсем исчез во тьме. Карета уносила Анжелику домой к новой жизни и, быть может, к счастью.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
ДАМЫ КВАРТАЛА ДЮ МАРЭ

Глава 29.

Колбасник с Гревской площади приоткрывает тайну гибели графа Жофрея

Лавка продавца колбас, почтенного г-на Люкаса, находилась на Гревской площади. Сегодня клиентов было мало, и он отдыхал, сидя в тени у своего заведения.

Во Францию пришла весна. Дни стояли погожие, из почек распустились листья, было тепло. В голубом небе сквозь облака проносились, резвясь, неугомонные ласточки.

На Гревской площади по старому обычаю производились городские экзекуции, собиравшие толпы народа. Несколько лет назад тут сожгли на костре знатного тулузского сеньора, графа Жофрея де Пейрак.

Но в этот весенний день знаменитая площадь оставалась пустынной. Стояла такая тишь, что слышалось тикание часов в лавке колбасника. Время поста было не за горами, и степенные горожане не заходили в лавку. Колбасник Люкас в душе благодарил Святую церковь за постные дни, потому что и сам отдыхал от тяжелой пищи.

Вдруг спокойствие на площади нарушил грохот кареты. Карета остановилась рядом с лавкой. Из нее вышла красивая женщина, причесанная по самой последней моде: короткие волосы были уложены крупными волнами, а три игривых локона спускались сзади на прекрасную шею. Глубокое декольте на шикарном платье почти полностью обнажало весьма соблазнительную грудь.

«Что происходит? Женщины отрезают себе волосы, чтобы отдать мужчинам на парики ту прелесть, которую сам Создатель подарил им в награду за продолжение рода. Воистину, перевернулся мир! — удрученно размышлял колбасник, вспоминая, как в 1658 году, в голод, его жена отдала свою роскошную косу проклятому парикмахеру, ходившему по дворам и собиравшему женские волосы. Ничего не поделаешь, мода. Ну и времена! Как устроен мир: женщины обрезают волосы, чтобы отдать мужчинам».

Пока он философствовал про себя, незнакомка приблизилась к лавке. Колбасник сразу же узнал ее. Она не была аристократкой, но

тем не менее являлась одной из богатейших предпринимательниц Парижа — некая мадам Марен. Год назад она пустила в продажу экзотический напиток — шоколад — и сильно разбогатела. Кстати, она имела не только фабрику по изготовлению шоколада, но владела также многими тавернами и ресторанами, пользующимися доброй славой. Были у нее и другие небольшие торговые предприятия. Говорили, будто бы она вдова и с ней считаются деловые люди Парижа. Даже сам г-н Кольбер, министр финансов, беседовал с ней о процветании торговли... И добропорядочный колбасник изящно поклонился ей — насколько позволил ему тучный живот.

— Скажите, пожалуйста, здесь ли живет г-н Люкас, колбасник? — спросила дама.

— Я к вашим услугам, мадам. Чем могу быть вам полезен? Если бы вы зашли в мою лавочку, то я бы показал вам сервелаты, копченые окорока и отличную ветчину.

— Знаю, г-н Люкас, — ласково ответила м-м Марен, — что все ваши изделия отменного качества. Днями я пришлю к вам своего приказчика. Но сейчас я пришла к вам по другому делу. Я должна вам уже много лет и хочу вернуть свой долг.

— Долг? — переспросил смущенный колбасник. Внимательно посмотрев на собеседницу, он пожал плечами. Люкас был уверен, что никогда не имел чести даже разговаривать с такой богатой дамой, и стоял теперь в замешательстве.

Чтобы как-то вывести его из состояния растерянности, дама вежливо возобновила разговор:

— Да, я должна заплатить вам за визит доктора, которого вы вызвали для одной бедной девушки, упавшей, без сознания возле вашей лавки приблизительно лет пять тому назад.

— Ваш рассказ ни о чем не говорит мне, мадам. Я много раз помогал бедным людям, падавшим внезапно у нашей двери. Сами понимаете, что на Гревской площади я стал не только колбасником, но и как бы монахом. Наша площадь не для людей, ищущих покоя. Во время экзекуций здесь творится невообразимое столпотворение. Бывают даже раненые, которых топчут ногами. Но все компенсируется тем, что мы сами бесплатно смотрим все процедуры. Напомните, м-м, что за девушка?

— Одним зимним утром, — произнесла м-м Марен срывающимся от волнения голосом, — тут должны были сжечь колдуна. Я сама хотела присутствовать на казни, но, так как была беременна, мне стало плохо. Я упала в обморок и очнулась в вашей гостеприимной лавке. А вы были так добры, что вызвали доктора...

— Да-да, вспоминаю, — пробормотал колбасник, и его доброе лицо покрылось морщинами.

Теперь он смотрел на даму с чувством боязни -богатая особа никак не походила на ту оборванную бедную девушку.

— Святая Мария, неужели это действительно вы? — тихо проговорил он, теребя руками фартук. — Ну и изменились же вы, мадам! Теперь я узнал вас, и только по вашим прекрасным глазам, мадам.

— Жизнь оказалась благосклонна ко мне, и я встала на ноги, — весело ответила дама.

— Я и моя жена... Мы долго вспоминали тот случай и казнили себя за то, что отпустили девушку в таком положении. Более того, по ее поведению мы думали... — он запнулся, — мы догадывались... — он снова запнулся. — Извините, мадам, вы не родственница колдуна? — И колбасник испуганно переглянулся со своей женой.

— А что бы вы мне рассказали, если бы я оказалась его родственницей?

— Мы бы вам рассказали, что происходило еще до того, как колдуна повели на костер. Но такие вещи нельзя рассказывать первому встречному, они не для чужих ушей. В наше время повсюду могут быть шпики.

Анжелика побледнела, но вид простых и добрых людей успокоил ее. Помолчав некоторое время, она выдавила из себя:

— Я... я была его женой, — и опустила голову, ее била дрожь, проклятое прошлое не хотело выпускать ее из своих цепких лап.

— Мы так и думали, мадам! Заходите, мы расскажем вам, о чем вы еще не слышали.

Она вошла в лавку и села на предложенный стул. В помещении стал о сумрачно, пряный запах копченостей щекотал нос.

— Жена, закрой дверь на задвижку и прикрой ставни, — распорядился колбасник.

Анжелика растерялась. Ведь она лично видела, как тело графа де Пейрак сгорело дотла. Что же еще могут рассказать ей эти люди?

— Итак, слушайте, мадам, что рассказал нам кабатчик, почтенный г-н Жильбер. Его таверна расположена на противоположной стороне площади. Однажды вечером я зашел к нему по-соседски, выпить чарку. Он не выдержал и поведал мне ужасную историю, тайна которой не давала ему покоя, и он должен был с кем-то поделиться... с кем-то из друзей, конечно! Но он предупредил, чтобы я никому не говорил. Я молчал несколько лет, но раз вы приходились колдуну женой... Да простит меня Создатель!.. Луиза, — обратился он к хозяйке, — принеси нам кувшин доброго вина и стаканы, а то у меня пересохло горло.

Выпив стаканчик, колбасник продолжал:

— Так вот, накануне сожжения колдуна, то есть вашего мужа — извините, мадам, — несколько богато одетых людей в масках пришли в таверну г-на Жильбера и высыпали ему на прилавок сто золотых луидоров.

— Чего же они захотели взамен?

— Они хотели, чтобы кабатчик предоставил им свое заведение на все утро следующего дня. Конечно, в такое утро перед казнью в таверне собирается много народа, но данная ими сумма в десять раз превышала то, что мог бы заработать почтенный Жильбер за весь день. И он, конечно, согласился.

На следующее утро, когда пришли те люди, он с женой и детьми заперся в своей комнате, дверь которой выходила в общий зал. Время от времени, чтобы развлечься, он подглядывал в замочную скважину, интересуясь, что делают странные люди, выложившие ему целое состояние. Сначала они просто болтали, сидя вокруг стола, и пили красное вино, которое по договору оставил им кабатчик. Некоторые даже сняли маски, но в таверне было темновато, и Жильбер не разглядел их лиц.

Заинтригованная Анжелика не спускала с колбасника глаз, а он продолжал:

— В душе Жильбер догадывался, почему те господа арендовали его таверну. Под полом, в главном зале, находился погреб, связанный с катакомбами, выходящими на безлюдный берег Сены. Между нами, мадам, Жильбер и сам не раз пользовался погребом, чтобы не платить

налог в мэрии за контрабандный товар. И он был не слишком удивлен, когда один из незнакомцев открыл крышку погребца. В тот момент зрители на площади начали кричать, потому что подвезли колдуна. Он был весь в крови, белая рубашка разорвана. Я и сам видел его волосы, слипшиеся от крови, и гордый взгляд... Тут все зрители разом закричали: «Смерть колдуну!» и поднялся шум. Но наш Жильбер продолжал наблюдать в замочную скважину. Он увидел, как из его собственного погребца вытащили сверток, очертаниями похожий на человеческое тело... На площади разъяренная толпа подняла страшный шум, когда колдуна подвели к таверне, чтобы он мог перед смертью выпить немножко крепкой водки. Исполнение последнего желания осужденного положено по тюремным законам. И Жильбер ясно увидел, как колдуна заволокли в зал... Извините, мадам, но вы побледнели, как полотно!..

— Продолжайте! Заклинаю вас всеми святыми! — исступленно воскликнула Анжелика.

— Слушаюсь, мадам. Так вот, колдуна посадили за стол, чтобы он мог выпить стакан водки, за который платит казна. Жильбер плохо различал происходящее, потому что в зале было темно из-за закрытых ставен. Но он считает, что в то утро на Гревской площади сожгли труп другого человека, а не самого колдуна, то есть, простите, не вашего мужа. Потому что, пока колдун сидел за столом, они развернули пакет и достали из него тело похожего человека... Поймите, мадам, это только предположение Жильбера. Ведь в зале было темно... — Люкас замолчал.

Анжелика, качнулась, протянула руки вперед к своему лицу, отгоняя наваждение. А может, Жофрей не умер, может, он жив?.. Нет, невозможно. Она видела своими глазами, как горел черноволосый человек. И пять лет...

Ее сковало оцепенение, она не могла вымолвить ни слова. В голове мелькали мысли о том, что Жофрей жив, она сможет снова увидеть его, коснуться рукой, целовать изуродованное шрамами лицо... Но где же он? И почему он заставил ждать пять лет?..

— Успокойтесь, мадам, вы так побледнели, — попросил колбасник. — Уж лучше бы я вам ничего не рассказывал. Выпейте вина, мадам, и вам сразу же станет легче!

Мадам Марен улыбнулась сквозь слезы.

— Да, то что вы мне сообщили, очень уж странно, — она вздрогнула всем телом. — Я надеюсь, вы ничего от меня не утаили?

— Я рассказал все, что знаю, мадам. И извините меня, дурака, если что не так...

— Пять лет, — снова прошептала расстроенная Анжелика. — Нет, верить в такое чудо не было бы простым сумасшествием... — Качаясь, она с трудом поднялась со стула, ноги дрожали и не слушались ее. — Да, вот, возьмите! — протянула она Люкасу увесистый кошелек. — Я плачу свой долг за помощь врача.

— Спасибо, мадам. Хотя я привык делать добро людям бескорыстно. После смерти я хочу лопасть в рай, а не вариться в адовом котле.

— Вы очень добры, г-н Люкас! — И Анжелика поцеловала его в красную пухлую щеку.

— Перед смертью все люди одинаковы. И когда наш добрый король отменяет кому-то смертный приговор... Может, бедняге тогда и повезло. Да благословит вас Всевышний!.. Луиза, дорогая, открой дверь!

Госпожа Люкас отодвинула задвижку. Яркое солнце ворвалось в лавку и осветило добрую физиономию колбасника.

— Вы очень добры, — повторила она, выходя из лавки. — Будьте здоровы, а после смерти вы обязательно попадете в рай.

Лучшего комплимента она не могла бы придумать для почтенного г-на Люкаса.

Чтобы немного прийти в себя, она отправила карету домой, а сама решила пройтись по весеннему Парижу. Ей было чертовски грустно, непреодолимая тоска терзала душу. По пути ей попался сад. Она села под дерево и расплакалась. Прохожие с удивлением оглядывались на нее.

Вечерело. Из монастыря, расположенного неподалеку, донеслось стройное пение монахов. Звуки церковных гимнов немного успокоили Анжелику. Вся ее жизнь вновь промелькнула перед глазами. Вспомнилось, как трудно было встать на ноги, войти в коммерцию, раздобыть патент на изготовление шоколада. Снова с горечью вспомнила о гибели Дино и г-на Бурже. А что же будет дальше? Как теперь сложится ее жизнь? Она не знала...

Да и не могла она знать, что скоро станет женой маршала Франции и сам Король-Солнце, гениальный и жестокий правитель Франции, Людовик XIV будет показывать ей Версаль — чудо архитектуры XVI века.

А сейчас нужно было идти работать. Дела не ждут. Анжелика нехотя встала и направилась к центру города. Господин Люкас вселил в ее душу огонек слабой надежды, тлевший в ней вот уже долгих пять лет.

Глава 30.

Коммерческая жилка Анжелики

Идя по весеннему Парижу, Анжелика продолжала думать о рассказе добродушного колбасника. Сейчас он казался ей плодом фантазии или мистического воображения. Ведь есть люди, любящие выдумывать всякие небылицы и рассказывать их соседям.

Анжелика знала и на себе испытала, что значит королевская опала. В свое время Жофрей де Пейрак смог бы поднять весь Лонкедок против королевской фамилии — провинция отказалась платить налоги в казну, и для мятежа нужен был только предводитель. А через год юный король, побывав в Лонкедоке и увидев роскошь, в которой жил граф де Пейрак, убоявшись его влияния, выманил его из Тулузы, заключил в Бастилию и в конце концов сжег на костре.

Но если поверить колбаснику, может, и не сжег? Рассказ г-на Люкаса вселил в Анжелику маленькую надежду. Но, размышляя здраво, она утверждалась в мысли, что если и увидит своего мужа, то только в раю...

«Ладно! — твердо сказала себе Анжелика. — Теперь наконец я вылезла из нищеты, стала достаточно богатой и живу в большом доме. Но для парижской аристократии я осталась шоколадницей — хотя и состоятельной, но без знатного происхождения».

Она оказалась предприимчивым коммерсантом. Любила, чтобы заработанные деньги снова приносили ей доход. Она ведала общественным транспортом Парижа и сотрудничала со своим бывшим тулузским парикмахером Франсуа Бине. Она вспомнила о нем еще тогда, в тюрьме Шателе, где варварски отрезали ее прекрасные волосы. Но будто бы за все страдания Бог подарил ей новые волосы, еще золотистее прежних. Она даже помнила, как охранник говорил, что за волосы Бине платит большие деньги.

Франсуа Бине, бывший брадобрей ее мужа, был всегда веселым и корректным. Он мог рассуждать с клиентами на любые темы, но за все пять лет не произнес ни слова о прошлом мадам Марен. Его жена, Маргарита, тоже была парикмахером. Вдвоем они делали отличные

парики и обслуживали знатных особ всего Парижа. Мадам Марен, то есть Анжелика, конечно, была среди них.

Имя м-м Марен было широко известно в Париже — никто не мог удержаться от желания попробовать новый экзотический напиток, называемый шоколадом. Но когда она садилась в кресло салона Бине, он тихонько называл ее «мадам графиня», причем, казалось, само произношение титула доставляло ему радость. Господин Бине и его жена сооружали Анжелике самые экстравагантные прически, шокирующие знатных дам. Однажды, когда она гуляла с Одиже, ее остановили две дамы и с явной завистью поинтересовались, где мадам сделала себе такую великолепную прическу. Направляя их к Бине, Анжелика пришла к мысли о сотрудничестве с парикмахером. Она поставляла ему клиентуру и финансировала его поездки по деревням, а он скупал у крестьянок волосы, изготавливал из них шикарные парики и продавал знати за баснословные деньги.

Одним из основных принципов м-м Марен, а быть может, и секретом ее успеха, являлось то обстоятельство, что она никогда не занималась невыгодными или убыточными делами. Вообще. Анжелика стала процветающим коммерсантом, — приносила пользу французской торговле, не забывая и о своих интересах. Она держала в своих руках даже снабжение лесом новой королевской мануфактуры, открытой в Париже по приказу г-на Кольбера — министра финансов его величества.

Да, м-м Марен стала богатой, но деньги не давали ей права быть принятой в высшем обществе, где аристократы прозябали в безделии, чванстве и увеселениях.

Но что делать? К сожалению, так уж устроен мир, что кто-то трудится, а кто-то пожинает плоды труда других. Так начинало складываться французское капиталистическое общество, находившееся под эгидой абсолютной монархии короля Людовика XIV.

Гуляя по Парижу, Анжелика как-то забрела в аристократический квартал. Ее внимание привлек красивый особняк, стоявший на центральной улице района. Поборов нерешительность, она спросила у пробежавшего слуги, кому принадлежит этот дом. В ответ она услышала, что дом принадлежит принцу Конде.

— А почему разбиты статуи возле входа? — продолжала расспрашивать она, сунув в руку слуге монету в десять су.

— А, мадам! Принц велел вообще сломать все статуи, чтобы ничто не напоминало ему о бывшем хозяине особняка.

— А кто бывший хозяин? — не унималась она.

— Да, говорят, им был один колдун, делавший золото прямо из воздуха, по рецепту, нашептанному ему самим дьяволом. Помнится, колдуна сожгли на Гревской площади, а дом со всем содержимым король подарил принцу. Но принц не живет здесь. Он боится, что здание навлечет проклятье на весь его род.

Анжелика буквально остолбенела. Опять всплыло ее прошлое. Теперь ей захотелось купить у принца особняк и поселиться в нем, ведь фактически дом принадлежал ей!..

Но как заговорить на такую тему с принцем Конде, со знаменитым воякой? Нужно было крепко поразмыслить!

Слуга убежал, а Анжелика еще долго стояла возле ограды особняка, вглядываясь в темные проемы окон.

Итак, мадам Марен жила в хорошем районе, одевалась со вкусом и выглядела вполне респектабельной дамой. Когда ее ангелочки гуляли в саду, окружающие с завистью смотрели на прелестные создания. Она наряжала их в костюмы из велюра и шелка, украшенные дорогими кружевами. Их лошади с султанами и красивыми седлами были ничуть не хуже лошадей знатных вельмож. Слуги мадам Марен всегда одевались чисто и со вкусом, ибо она просто не терпела неряшливости.

Анжелику вполне могло бы устроить ее житье, но она не любила останавливаться на достигнутом. Среди своих новых знакомых она пользовалась репутацией порядочной женщины. Днем она обычно бывала вся в делах, а вечерами посещала театр, где ставили пьесы Мольера, или различные салоны, которые открывали многие аристократы.

В таких салонах пили кофе или шоколад, рассуждали о политике, музыке и поэзии. Мадам Марен говорила мало и только изредка вставляла нужные замечания. Но прозвище «шоколадница» не забывалось. Ей нужен был звучный титул, чтобы с полным правом войти в высшее общество и быть принятой в Версале — дворце ее мечты.

Мадам Марен подружилась с одной из своих соседок по кварталу — мадемуазель Паражонк, а та в свою очередь познакомила ее со своими друзьями, занимающими определенное положение в парижских аристократических кругах.

Глава 31.

Анжелика становится жертвой лакея. Ее защищает маркиз де Монтеспан

Однажды мадам Марен попросила м-ль Паражонк проводить ее в парк Тюильри.

За последнее время м-ль Паражонк стала постоянной спутницей Анжелики. Она знала все и всех и называла своей подруге имена новых придворных. К тому же ее некрасивость выгодно подчеркивала прелесть Анжелики.

Бедная Паражонк сейчас представляла собой уродливую старуху и была похожа на сову, выглядывающую на дупла. Однако она постоянно прививала Анжелике хорошие манеры. Она объясняла, как следует гулять по Тюильри, какие жесты нужно делать при разговоре. Правда, иногда она так увлекалась, что даже вызывала улыбки прохожих. Ей все же казалось, что она может выгодно показать себя.

— В Тюильри, — говорила мадемуазель, — надо разговаривать весело, быть жизнерадостной, ходить не горбясь, чтобы подчеркнуть фигуру, широко раскрывать глаза и почаще кусать губы, чтобы они были красными. Нужно кивать одному кавалеру, помахать веером другому и улыбаться третьему. Преображайтесь, душа моя! Шутите, жестикулируйте и кокетничайте. Но все делайте легко и свободно. Только выполняя такие правила, вы попадете в высший свет.

С точки зрения м-ль Паражонк, парк Тюильри был ареной светского общества. Ближайшие рощи служили пристанищем поэтам и писателям. Влюбленные давали здесь клятвы, знатные особы назначали галантные свидания, В Тюильри можно было увидеть даже короля с королевой, но чаще монсеньора дофина, наследника престола, с гувернанткой. Принц Конде бывал там почти каждый день.

Сегодня старая дева повела подругу к месту, где собирались люди весим кругов. К сожалению, принца там не оказалось, и Анжелика с досады топнула ногой.

— Почему вы так страстно хотите встретиться с его высочеством?
— удивилась мадемуазель.

— Мне нужно его видеть.

— Так у вас к нему дело? — повернулась она. — А вот и он, не расстраивайтесь!

И действительно, принц де Конде только что приехал. Он шел по широкой аллее, окруженный челядью и фаворитами.

«Какая же я глупая! — подумала вдруг Анжелика. — Ну что я ему скажу? «Отдайте мне дворец дю Ботрен, который вы получили в подарок от его величества...» Или: «Монсеньор, я жена графа де Пейрак, у которого король отобрал все. Помогите мне, принц!..»

Если она пришла по такому медному поводу, это глупо и несерьезно. Кто она такая, чтобы разговаривать с принцем? Разбогатевшая шоколадница — и только. И, разозлившись на себя, она подумала: «Если продолжать в том же духе, мне никогда не стать знатной!..»

— Пойдемте, милая, — обратилась она к мадемуазель Паражонк и, развернувшись, пошла за группой каких-то гуляющих особ.

Стояла великолепная погода. Весеннее небо светилось, свежий ветерок ласкал лица. Вдруг их остановил какой-то повеса, расфуфыренный, как сиамский петух.

— Мадам, — обратился он к Анжелике, — я и мой друг поспорили. — Он говорит, что вы — жена прокурора, а я утверждаю, что вы вообще не замужем. Разрешите наш спор!

Анжелика горько рассмеялась, но настроение оставалось мрачным. Она всегда ненавидела выскочек, разряженных, как куклы.

— Вы и ваш друг глупы! — ответила она.

Молодые люди в смущении отступили, а старая дева, шедшая рядом, была шокирована.

— Анжелика! — воскликнула она. — В вашей реплике совсем нет чувства юмора. От нее несет бульварщиной. Вы не сможете вести веселый разговор в салоне, если не...

— О Боже! — вдруг перебила ее м-м Марен. — Скажите, пожалуйста, кто там стоит?

В нескольких шагах от них стоял высокий молодой человек, небрежно опершись на пьедестал статуи. Он был красив, а хорошо сшитый костюм подчеркивал его элегантность. Материю миндального цвета украшали вышитые золотом цветы и птицы. Красивый парик выглядывал из-под белой шляпы с зелеными перьями. Светлые усы

завивались по последней моде. Большие глаза смотрели безразлично, а лицо оставалось неподвижным.

Мечтал ли он? Думал ли он о чем-то? Его глаза были пустыми, как у слепого музыканта, в них чувствовался какой-то змеиный холод и беспредельная пустота.

— Милая, — заметила м-ль Паражонк, — да вы сошли с ума, честное слово. Смотрите на него, как на простолюдина!

— Как... как его зовут?

— Маркиз дю Плесси Бельер. Вероятно, он пришел сюда на свидание. Но в чем же дело?

— Ох, мадемуазель, простите...

Мгновение — и м-м Марен перенеслась в детство. О, Филипп, пренебрежительный кузен!.. О, Монтелю, запах кухни и лукового супа, отчаяние и радости, детство и юность, первый поцелуй Николая и свадьба с Жофреем...

Когда они проходили мимо, Филипп снял шляпу и с безразличием помахал ею.

— Он дворянин из свиты короля, — быстро заговорила Фелонида, когда они прошли немного вперед. — Он воевал с принцем в Испании и заслужил звание первого егермейстера Франции. Он так любил войну, что король прозвал его Марсом. О нем рассказывают самые ужасные вещи.

— Какие вещи? — обняла Анжелика старую деву за талию. — Я хотела бы знать...

— Я вижу, вам понравился молодой сеньор. Многие женщины бегают за ним, мечтая лечь в его кровать. Но я слышала, что в постели он меняется: он только кажется нежным и ласковым, а в любви жесток, как дикарь. Простой конюх больше уважает свою жену, чем он любовницу. Двор смеется над его причудами, а попадающие к нему в руки потом просто ненавидят его...

Анжелика рассеянно прислушивалась к ее рассказу. Она все еще видела Филиппа там, у статуи. Когда-то давно, очень давно, в замке дю Плесси — в белом замке, окруженном густыми дремучими лесами, он взял ее за руку, чтобы пригласить на танец.

— ...Говорят, у него есть различные способы издеваться над любовницами, — продолжала Фелонида де Паражонк. — Недавно он так избил мадам Сирсе, что та лежала несколько дней в постели, и это

было весьма трудно скрыть от ее мужа... В своем замке он деспот, каких свет не видывал... Его войска знамениты, как армия Кромвеля. Но не с хорошей стороны. Например, в захваченном им Норжаке он пригласил дочерей знатных людей города, напоил их вином и после оргии с офицерами отдал на растерзание солдатам. Многие из девушек умерли, а остальные сошли с ума. Если бы принц Конде не вступился за него, Филиппу дю Плесси грозила бы опала...

— Ах вы, старая сплетница! — возмутилась Анжелика. — Он просто не может быть таким, как вы его расписываете...

— Так вы мне не верите? — обиделась м-ль Паражонк. — Ведь вы знаете, что я органически ненавижу мужчин и аборты!

— Но ведь он красив. И женщины прощают ему несчастье именно из-за его красоты.

— Тогда, может быть, вы его уже знаете?

— Н-нет...

— Вы все с ума сошли из-за него! — покраснела старая дева. — Значит, я вру? Ну что ж, прощайте, мадам. — Она направилась к выходу, и Анжелике ничего не оставалось делать, как последовать за подругой, которую она в душе любила, как родную мать.

Если бы Анжелика и Фелонида де Паражонк не поцапались в Тюильри, если бы они не ушли так рано, — то не стали бы жертвой пари, заключенного между лакеями, собравшимися у входа в парк. Барон де Лозен и маркиз де Монтеспан не подрались бы на дуэли из-за бирюзовых глаз мадам Марен, и Анжелике пришлось бы ждать другого случая, чтобы предстать перед сильными мира сего. Следовательно, иногда очень полезно поругаться с подругой.

У входа на решетке парка висела надпись: «Лакеям и прохвостам входить воспрещено!»

Возле ворот всегда собиралась куча слуг, лакеев и кучеров, игравших в ожидании хозяев в кости и карты и ставивших на кон все, что попадется под руку.

В тот вечер лакеи барона де Лозена заключили пари с какими-то двумя кучерами. Они обязались задрать подол первой женщине, появившейся из ворот парка Тюильри. И так уж случилось, что первой женщиной оказалась именно Анжелика. Не успела она сделать и двух

шагов от решетки, как подскочивший верзила задрал ее юбки чуть ли не выше головы. Старая дева завизжала изо всех сил.

Дворянин, проезжавший мимо в карете и видевший всю сцену, сделал знак своим людям. Его лакеи оказались рады отомстить слугам барона Лозена, частенько обыгрывавшим их в карты. И началась потасовка.

Незнакомец вышел из кареты и поклонился.

— О, благодарю вас за помощь! — воскликнула покрасневшая Анжелика.

По правде говоря, она сама уже собралась расправиться с нахалом по принципам Двора Чудес, скрепив свои действия жаргоном ля-Поляк. Но тогда уже на завтра были бы шокированы все аристократки квартала дю Марэ. Поэтому она сразу приняла жеманный вид, как того требовал этикет.

— О, какой беспорядок! Ужасные проходимцы... Они получили по заслугам! — заговорил молодой человек, изящно и со вкусом одетый. Он еще раз поклонился и представился: — Луи Анри де Пардаян, маркиз де Монтеспан...

«Несомненно, гасконец, — подумала Анжелика, — и принадлежит к древнему бедному роду». Она улыбнулась ему со всей обольстительностью, на какую только была способна.

— Где я смогу увидеть вас снова? — спросил ее маркиз. — И как вас зовут, красotka?

Не назвав имени, она ответила:

— Приезжайте в Тюильри завтра вечером. Думаю, что условия будут несколько лучше, чем сейчас, и позволят нам провести время более приятно.

— Хорошо, загадочная незнакомка! Встретимся в такое же время возле «Эко».

Само название места уже говорило о многом, ибо там было принято назначать галантные встречи и свидания.

— Может, вы разрешите подвезти вас, мадам? — продолжал он.

— Благодарю, маркиз. Недалеко стоит моя собственная карета, — отказалась Анжелика.

— Тогда до завтра, очаровательнейшая незнакомка! — Он галантно поцеловал ей руку и вернулся в свой экипаж.

— У вас совсем нет скромности! — тихонько заметила старая дева, стоявшая рядом с Анжеликой.

Но тут у ворот появился барон де Лозен. Увидев, что его лакеи избиты, он взорвался и принялся кричать, размахивая тростью:

— Надо палкой наказать дурных слуг и их глупого хозяина. А я даже не хочу пачкать свою шпагу в его грязной крови!..

Маркиз де Монтеспан, услышав такие речи, выпрыгнул из кареты, подбежал к барону, схватил его за воротник камзола и, круто развернув, натянул ему шляпу до самых глаз. Через две секунды блеснули две шпаги.

— Что вы делаете, господа?! — воскликнула Фелонида. — Дуэли запрещены королем! Вы будете ночевать в Бастилии...

Но гасконцы не обратили внимания на причитания м-ль Паражонк и продолжали ожесточенно драться, прыгая и нанося удары. Никто из прислуги не посмел вмешаться и разнять их. Вдруг маркиз де Монтеспан задел ногу противника, и тот опустил шпагу. Вдали показались гвардейцы короля.

— Быстро, барон! Не то нас действительно ждет Бастилия. Дама, вы поможете его перевязать. Ну, все в карету!

Все вскочили в экипаж, и через секунду уже помчались напролом сквозь алебарды охраны. Анжелика держала на коленях голову барона и беседовала с маркизом.

— Лакей, который оскорбил вас, мадам, будет немедленно сослан на галеры, — внезапно заговорил барон. — Ох, какая боль!.. — Он забылся, но через минуту пришел в себя. — Я благодарю вас, маркиз. Теперь хирургу не придется пускать мне кровь!..

— Вы еще шутите, — заметила Анжелика. — Хорошо. А куда, кстати, мы едем?

— Ко мне домой, — ответил маркиз. — По-моему, моя жена развлекается с подругами, и нам никто не помешает. Надо хорошенько перевязать раненого. Смотрите, из него кровь течет, как из дырявой бочки.

Супруга маркиза оказалась дома, и в ней Анжелика сразу узнала красавицу Атенаис де Монтемар, давнюю подругу Органс, с которой она когда-то присутствовала при триумфальном въезде короля в Париж. Мадам де Монтеспан вышла замуж в 1662 году. В браке она стала еще прекрасней: у нее была нежная кожа, огромные голубые

глаза и волнистые волосы. Она заслуженно считалась одной из самых красивых дам при дворе Людовика XIV. Однако супруги всегда были в долгах, и красавица Атенаис не могла себе позволить посещать все праздники подряд в Версале, так как у нее не было новых туалетов.

Апартаменты, куда проводили дуэлянтов, были скромно обставлены старомодной мебелью и гобеленами — ростовщики ежедневно осаждали дом Монтеспана.

Атенаис помогла Анжелике положить барона на диван. По правде говоря, рана была пустяковой, но от потери крови раненый потерял сознание. Пока Анжелика перевязывала его, в соседней комнате супруги шептались:

— Как же вы не узнали мадам Марен? Вы дрались на дуэли из-за простой шоколадницы!

— Но она красива, — возражал маркиз, — и к тому же самая богатая женщина в Париже. Если сейчас у нас в гостях именно она, то я совсем не сожалею о своем поступке.

— Уйдите, вы мне противны! — воскликнула Атенаис. — Биться на дуэли за... Ужасно!

— Дорогая, а вы хотите, чтобы я выкупил ваше кольцо?

— Тут они перешли в другую комнату, и Анжелика больше ничего не слышала.

— Итак, — сказала она себе, — я должна преподнести ей какой-то презент и тогда буду принята в доме. Но деликатно! Атенаис всегда была очень самолюбива...

Барон де Лозен приоткрыл глаза. До сих пор он практически не видел Анжелику. Посмотрев теперь на нее, он тихо прошептал:

— О, наверное, я вижу сон!.. Неужели вы у моей постели?

— Да, я сама, — дружески улыбнулась она.

— Черт бы меня побрал, но я никак не ожидал вас увидеть. А вообще, я часто спрашивал себя, что с вами стало.

— Но вы так ничего и не сделали, чтобы разыскать меня и как-то помочь.

— Вы правы, моя прелесть. Ведь я придворный, а все придворные всегда с опаской относятся к тем, кто в опале. Поймите меня правильно! — Тут он внимательно осмотрел ее туалет и драгоценности. — И тем не менее дела у вас в порядке, как я вижу.

— Теперь меня зовут мадам Марен.

— Святая Мария! Да ведь я много слышал о вас. Вы продаете шоколад?

— Да, я так развлекаюсь. Есть люди, занимающиеся гастрономией, а я продаю шоколад. А как ваши дела, барон? Король по-прежнему благосклонен к вам?

Де Лозен нахмурился.

— Судьба изменчива, моя прелесть. Его величество считает, что я вместе с де Вардом замешан в истории с письмом, подкинутым королеве, с известием о неверности ее супруга. Я не могу доказать, что абсолютно непричастен... Но, к счастью, в меня влюблена принцесса...

— Мадемуазель де Монпансье?

— Да, — вздохнул барон. — И я думаю, она согласится стать моей женой.

— О, поздравляю вас! — воскликнула Анжелика. — Вы неповторимы, и я вижу, совсем не изменились за прошедшие годы.

— А вы обольстительны, как воскресшая.

— Вы знаете красоту воскрешенных?

— Так говорит церковь, черт возьми! Идите ко мне, моя радость, и дайте ваши губки! Ох, какая боль... Проклятый маркиз!.. — и барон притянул к себе Анжелику. — Я хочу, дорогая, обнять вас...

На пороге появился маркиз де Монтеспан.

— О, проклятье! — воскликнул он. — Тебе недостаточно, что я ранил тебя за оскорбление мадам Марен. Так ты еще смеешь крутить любовь в моем собственном доме! Надо было бы сдать тебя в Бастилию. Оставь в покое мадам Марен, не то я еще раз вызову тебя!..

И, выхватив Анжелику из объятий барона, он посадил ее в карету и отправил домой.

— До скорой встречи, моя милая! — произнес маркиз, целуя ей на прощанье руку.

Глава 32.

Принц Конде предлагает Анжелике стать его любовницей

Теперь Анжелика часто видела в Тюильри барона де Лозена и маркиза де Монтеспана. Они представляли ее своим друзьям, и так постепенно вокруг Анжелики вновь появились давно исчезнувшие лица. Однажды, когда она гуляла с Пегиленом, возле нее остановилась карета принцессы де Монпансье. Принцесса открыла дверцу и пригласила Анжелику посидеть с ней рядом и отдохнуть на мягких подушках. Завязался легкий разговор, не содержащий ни одного намека на прошлое. Только любезности...

В доме маркиза Монтеспан, где она была принята после злосчастной дуэли, Анжелика познакомилась с Нинон де Ланкло. Салон знаменитой куртизанки славился своей экстравагантностью, здесь бывал даже сам шевалье де Мэре. Гостеприимство хозяйки создавали условия для приятных разговоров. Мадам Марен сразу же подружилась с Нинон де Ланкло. что-то общее проходило через их жизни. Обе они принадлежали к той категории женщин, к которой равнодушны мужчины. В принципе они могли быть врагами, но получилось наоборот, и они стали подругами.

Куртизанка представляла Анжелику всем посетителям ее салона. Однажды она сказала:

— Я не испытывала еще такой любви, как к вам, ни к одной женщине на свете. Пусть же она продлится до конца нашей жизни. Я многое знаю о зове плоти и о жажде сладострастия. Заведите себе любовника, — настаивала Нинон. — Не заставляйте меня считать, что любовь вам безразлична!

— У меня нет времени думать о любви, — смущенно отвечала Анжелика.

Она сама удивлялась спокойствию своего тела. Казалось, финансовые дела оттеснили на задний план все ее личные чувства. Закончив трудовой день и поиграв с малышами, она валилась в холодную кровать и засыпала крепким сном, не думая ни о чем.

Любовь является развлечением для многих праздных женщин, а Анжелика не скучала.

Комплименты напыщенных господ, их флирт и признания, сцены ревности Одиже, кончавшиеся иногда поцелуями, — все было для нее просто игрой — приятной и безобидной.

Нинон, выслушав Анжелику, заметила:

— Дела могут кончиться душевной болезнью, моя дорогая. Вам нужно бросить все и окунуться в омут свободной жизни — прогулки, балы, театр. Высший свет — вот что вылечит вас, моя дорогая!

В салоне де Ланкло можно было встретить мужчин всего аристократического Парижа. К ней частенько заглядывал и принц Конде.

Однажды Анжелику представили маркизу Филиппу дю Плесси Бельер. Молодой человек, скользнув по ней безучастным взглядом, произнес, не скрывая пренебрежения:

— А, мадам шоколад!

Кровь ударила в виски Анжелике, и она, сделав реверанс, ехидно отозвалась:

— К вашим услугам, дорогой кузен!

Брови маркиза недоуменно сдвинулись:

— Кузен? Кажется, мадам заговаривается?

— Разве вы меня не узнали? Я — ваша кузина, Анжелика де Сансе де Монтелю. Когда-то мы даже играли вместе у вас в замке дю Плесси. Как поживает ваш отец, почтенный маркиз, и ваша матушка?

Она говорила еще какие-то глупости, но потом осеклась и замолкла.

Когда они встретились в следующий раз, Анжелика извинилась и попросила, маркиза Филиппа забыть все. Молодой человек повернулся к ней с удивленным видом.

— Мне абсолютно безразлично, что вы говорили в тот раз, — холодно заявил он. — Продавайте себе ваш шоколад, мне все равно!

Анжелика отошла в сторону, еще более обозленная. Она говорила себе, что больше не будет обращать внимание на кузена с ледяным сердцем. Она прекрасно знала, что его отец умер, мать ушла в монастырь Валь де Грас, а сам он проматывал свое состояние. Король, любивший его за отвагу и красоту, часто делал ему подарки, но при дворе репутация маркиза оставалась скандальной. И странно, но

Анжелика отметила, что помимо воли стала чаще думать и вспоминать о нем.

И только откровенное признание в любви, сенсационная партия в «ока» и исполнение заветного желания перевернули всю ее жизнь и на несколько последующих месяцев заполнили ее горделивую головку. А пока она была довольна тем, что была внесена в список принцесс де Монпансье и получила право посещать Люксембургский дворец.

Как-то утром она пришла утром в Люксембургский сад. Знакомого ей охранника не было дома, она обратилась к его жене, и та, конечно, пропустила мадам побродить по аллеям.

Анжелика задумчиво шла по дорожке. С одной стороны аллеи росли липы, с другой — ивы. Внезапно она обратила внимание на то, что в саду, кроме нее, никого нет. Из-за густых, аккуратно подстриженных кустов раздался непонятный звук. Заинтригованная Анжелика прошла мимо искусственного грота и увидела маленькую человеческую фигурку.

«Должно быть, кто-то со Двора Чудес, — подумала она. — Один из вассалов Деревянного Зада. Было бы забавно поговорить с ним на языке башни Несль... А потом дать денег». — Она даже улыбнулась своей идее.

Но по мере приближения она увидела богато одетого подростка, с головы до ног вымазанного грязью. Он стоял на четвереньках и со страхом озирался по сторонам.

И вдруг Анжелика узнала в подростке сына принца Конде. Она не раз видела его вместе с отцом на прогулках в Тюильри.

«Что он здесь делает? Один и в такой грязи. Почему он прячется, кого боится?..» — спрашивала себя Анжелика.

Она бесшумно отошла от места, где прятался юноша. Вдруг к ней подбежал сторож:

— Что вы тут делаете, мадам? Уходите, уходите быстрее! Будет беда...

— Но почему? Я же в списке м-ль де Монпансье. Меня пропустила твоя жена...

Анжелика всегда была щедра на чаевые.

— Извините меня, мадам, но моя жена не знает секрета, который я вам открою. В сад сегодня не пускают никого. Здесь с самого утра ловят сына принца, изображающего из себя кролика... — Анжелика

недоуменно раскрыла глаза, и охранник показал пальцем на висок. — На него время от времени находит, бедный мальчик! Да, мадам, страшная болезнь. Иногда ему кажется, что он куропатка, и тогда прячется целый день, боясь, что убьют его... Мы уже целое утро ищем его.

— Он возле грота, я только что видела его, — показала рукой направление Анжелика.

— Благодарю, мадам. Но бойтесь, если вас уведет принц. О Боже, вот и он!..

В двух шагах от них остановилась карета, и в окне показалась голова принца Конде.

— Что вы здесь делаете, мадам? — грубо спросил он.

Охранник объяснил, что мадам только что видела его сына возле грота.

— А, хорошо! Открой дверку, негодник, и помоги мне вылезти, черт возьми! И тихо, не спугните его! Давайте сюда его камердинера, расставьте побольше людей и не вздумайте снова упустить его, не то будете наказаны!

Через минуту за кустами послышалась возня и громкий топот. Испуганный парнишка улепетывал во все лопатки от преследующих его лакеев. Кто-то все же ухитрился схватить его, и подросток сразу притих. Первый камердинер и воспитатель ласково заговорил с ним:

— Вас не убьют, монсеньор, и не посадят в клетку, а отвезут в деревню, за город, где вы сможете играть, сколько захотите.

Подросток молчал, но в его взгляде было что-то жалкое, как у затравленного зверя. Принц де Конде подошел к сыну, который при виде отца снова начал вырываться.

— Вызовите врача, пусть он пустит ему кровь и займется им. Я не собираюсь больше играть в кошки-мышки и прикажу избить палкой того, кто позволит ему еще раз сбежать из дворца.

Группа удалилась. Принц повернулся к Анжелике. Пораженная происходящим, она стояла не менее бледная, чем младший Конде. Принц мрачно посмотрел на нее:

— Ну что, мадам, вы видели его? Ведь он красив, потомок де Конде де Монморанси. У него был предок — маньяк, а бабка — сумасшедшая... — Принц помрачнел еще больше. — Я хорошо понимал, что ожидает меня после женитьбы... его мать еще девочкой

рвала на себе волосы и закатывала истерики. Я должен был жениться... приказ Людовика XIII. И вот мой сын... Иногда он считает себя собакой и с лаем носится на четвереньках перед королем, то представляет себя летучей мышью и хочет вылететь из окна... А позавчера он вообразил себя зерном и приказал лакеям поливать себя из лейки. Забавно, не так ли? Почему вы не смеетесь, мадам?

— Монсеньор, почему вы решили, что мне хочется смеяться? Вы меня совсем не знаете!

— Нет, нет, — перебил ее де Конде, — я очень хорошо знаю вас, мадам Марен, и неоднократно видел вас у Нинон и у других. Вы прекрасны, как молоденькая девушка, грациозны, как танцовщица и в вас чувствуется доброе сердце матери. По-моему, вы самая интеллектуальная женщина королевства. Но вы хитры и умны. А мужчины инстинктивно боятся таких женщин.

Анжелика улыбнулась и слегка смутилась от неожиданного признания.

— Вы мне льстите, монсеньор. И где вы получили сведения о моей скромной персоне?

— Я не нуждаюсь ни в чьих услугах, — отрубил он с характерной солдатской прямоотой. — Я сам наблюдал за вами и чувствую, что вы меня побаиваетесь. Но по своей натуре вы далеко не застенчивы.

Она подняла глаза на победителя в ботве при Лансе и Рокруа. Не первый раз она вот так, в упор, смотрела на него. А принц, конечно, был далек от мысли о маленькой худенькой девочке, про которую он когда-то сказал: «Я предвижу — когда она станет женщиной, все мужчины будут сходиться по ней с ума...»

В душе Анжелика действительно боялась принца. Ведь именно он держал в их доме шпиона Клеман-Тоннэля, и именно он унаследовал часть владений графа Жофрея де Пейрак. Ее давно мучило желание узнать, какую роль сыграл принц де Конде в трагедии ее мужа. И вот наконец такой момент настал.

— Но вы молчите, — продолжал принц. — Может быть, правда я вас смущаю?

— Нет. Я просто думаю, о чем говорить с вами. Ведь ваша известность, ваша слава...

— О, моя слава... Вы слишком молоды, чтобы знать о ней. Мои доспехи заросли паутиной, и, если его величество не решится дать

урок проклятым голландцам, я рискую умереть в собственной кровати. Нинон мне уже сто раз говорила, что слава — камни, которые кидают в противника, а я все еще не выучил урока... — Он разразился громким смехом и взял Анжелику под руку. — Пойдемте, карета ждет меня. Мне трудно ходить, и я с удовольствием опирался бы на вашу дружескую руку. Вот чем я обязан своей славе. И не захотите ли составить мне компанию? Ваше присутствие доставит мне радость после тяжелого утра. Вы бывали во дворце дю Ботрен?

— Нет, монсеньор. О ней говорят, как о самом красивом архитектурном творении отца Мансара, но я его не видела.

— Почему-то все женщины млеют от него. Хотите, мадам, поехать и осмотреть его?

Анжелика не устояла перед искушением поехать в интересующий ее дворец в карете принца и, недолго думая, согласилась.

По разговорам она знала, что, с тех пор как подруга его жизни Марта дю Вежан ушла в монастырь, он перестал обращать внимание на прекрасный пол, как того требовал этикет. В последнее время он искал в женщинах только дружеской близости. В салонах его грубость отбивала охоту у дам. Но сейчас, казалось, он делал все возможное, чтобы понравиться своей очаровательной спутнице.

Карета быстро доставила их ко дворцу дю Ботрен. И вот Анжелика уже поднималась по мраморным лестницам, сделанным по распоряжению графа Жофрея де Пейрак. По его же приказу была когда-то выкована ажурная железная ограда вокруг дворца. В саду стояли античные статуи, а также скульптурные изображения птиц и зверей. Человек чувствовал себя здесь, как в раю.

— Вы ничего не говорите, — удивился принц Конде, когда они прошли на второй этаж. — А мои гости обычно восторгаются, как дети... Вам нравится такой ансамбль?

Они находились в салоне со стенами, задрапированными золотой парчой. Резная металлическая решетка отделяла их от зимнего сада. В центре салона располагался камин, украшенный по обоим краям фигурами каменных львов. Мрамор был покрыт многочисленными сколами и трещинами. Анжелика положила руку на одну из скульптур и спросила:

— Почему так варварски испорчены фигуры? Кстати, это не первые трещины, которые я здесь вижу. Посмотрите, на оконных

стеклах салона совсем стерся рисунок.

— Я сам приказал стереть вензеля бывшего владельца дворца. Свои деньги я предпочитаю тратить на отделку дома в Шантильи.

— Почему вы не оставили старые вензеля? — с дрожью в голосе спросила Анжелика.

— Они вызывали у меня мигрень, — глухо отозвался принц. — Владелец был колдуном...

— Колдуном... — эхом повторила Анжелика.

— Да. Дворянин, делавший золото по дьявольскому рецепту. Его сожгли, и король подарил мне его хоромы. Я думаю, что своим подарком король навлек на меня проклятье.

Дрожа всем телом, Анжелика подошла к окну и посмотрела куда-то вдаль.

— А вы знали его, монсеньор?

— Кого, мадам?

— Того дворянина, хозяина дома?

— Нет, и тем лучше для меня.

— А я припоминаю, — продолжила она. — Он был графом из Тулузы, его звали де Пейрак.

— Возможно, — равнодушно откликнулся Конде. — Кажется, он узнал какой-то секрет Фуке, и его на всякий случай заточили в Бастилию. В те времена Фуке мог все, фактически он много лет был некоронованным королем Франции. У него было достаточно денег... Ха-ха-ха, у меня с ним... Но все давно в прошлом...

Анжелика повернулась, чтобы посмотреть на принца. Он сидел в кресле и концом трости водил по рисунку ковра. Кто знает, сам ли он посадил к ним в замок Клеман-Тоннэля, или это было сделано по приказу Фуке? В те годы завязывалось великое множество всевозможных интриг, и вельможи правильно поступали, полностью забывая прошлое. Принц когда-то был близок с Мазарини, а потом продался Фуке.

— Во время процесса графа Жофрея де Пейрак меня не было во Франции, — заметил Конде, — и я не знаю подробностей. Кажется, колдун вообще не жил здесь. Но на меня эти стены наводят грусть и тоску. Ведь все было приготовлено для кого-то другого, а не для меня... Среди слуг есть старик, работавший еще при прежнем хозяине. И он утверждает, что иногда видит привидение хозяина... Да, такое

возможно. Я всегда чувствую здесь присутствие кого-то другого, и это чувство гонит меня прочь. Я стараюсь как можно меньше оставаться здесь. У вас такое же ощущение, мадам?

— Напротив, монсеньор, — прошептала Анжелика, пока ее взгляд бродил по стенам. «Здесь я у себя дома, — думала она. — Меня и моих детей — вот кого ждут стены...»

— Как я хотела бы жить здесь! — воскликнула она, прижимая руки к груди. — И вы могли бы жить здесь, если бы захотели, — очень серьезно проговорил принц.

Анжелика круто повернулась. Де Конде смотрел на нее величественным взглядом.

— Жить здесь, — повторила она. — А под какой же фамилией, монсеньор?

Принц встал и подошел к мадам Марен.

— Сударыня, мне сорок четыре года. Я не молод, но еще и не стар. Правда, у меня побаливают колени, но в остальном я мужчина что надо. Короче, я думаю, что смогу быть достойным любовником. Предполагаю, что вы не садитесь на мое предложение. Я не хочу знать, откуда вы вышли, но чувства подсказывают мне, что вы пережили большую трагедию. Я не хочу много говорить. Хотите или нет? Можете мне сразу не отвечать, подумайте. Поразмыслите, что был мог сделать для вас? У вас будет солидная рента, хотя знаю, что вы небедны. Я подарю вам особняк, если он вам нравится. Я займусь вашими сыновьями и позабочусь об их воспитании и образовании. Я знаю, что вы не замужем и что дорожите своей репутацией. Но, уверяю вас, вы не потеряете репутации из-за недостойного, и коль уж вы сами говорили о моей славе, то согласитесь, что быть любовницей великого Конде не так ужасно. Уж так устроен мир. Я буду представлять вас везде и гордиться вами... Но почему на вашем лице появилась такая скептическая улыбка, мадам?

— Потому, что я вспомнила один куплет из тех, что поют на улицах. В нем говорится, что принцы — странные люди, не знающие ни в чем отказа, и счастливы настолько, что сами не знают, что им делать со своим безотказным счастьем.

— Черт бы побрал душу Клода ле Пти! — засмеялся де Конде. — Его наглость никогда не знала границ. — Он взял Анжелику за талию и притянул к себе. — Вот такой я люблю вас, смелой и откровенной. В

жизни вы, как солдат, когда нужно, атакующий, а в определенный момент используете слабость противника, чтобы нанести ему смертельный удар. Наконец-то я чувствую вас! О, как вы обольстительны и свежи!.. У вас маленькое и тонкое тело, манящее к себе. Я хотел бы говорить с вами не как принц, а как простой смертный. Вы так отличаетесь от всех спесивых красоток с пустыми сердцами... — он прильнул щекой к волосам Анжелики.

— У вас прядь седых волос, она меня удивляет. — продолжал он. — У вас веселые глаза, а душа переполнена страданием...

Анжелика подумала, что если бы сегодня утром ей кто-нибудь сказал, что принц Конде будет признаваться ей в любви, то она посчитала бы, что жизнь не так уж плоха!

— Начиная с юности, я любил только одну женщину, — говорил принц, обнимая мадам Марен. — Правда, я не всегда оставался ей верен, но она была другом моей души. Интриги и заговоры разлучили нас, она ушла в монастырь. Что оставалось мне? Всю жизнь я любил ее и... и войну. Моя любимая ушла, а проклятый итальянец подписал мир в Пиренеях. Я оставался, как манекен, возле молодого короля. Бог знает, когда у него появится желание начать новую войну! Ладно, оставим скучную тему. Я не хочу утруждать вас своими думами. Вы возбуждаете во мне любовь. Я хочу, чтобы вы были со мной.

Анжелика высвободилась из его объятий.

— Но, монсеньор...

— Да или нет? Что вас удерживает? Не хотите же вы сказать, что любите Одиже, который ходит за вами, как собака? — Принц ревниво закусил губу. — Мне еще не хватало такого соперника!

— Я не принадлежу к высшему обществу...

— Мне все равно! Я хочу вас именно такой. Принц Конде не мог понять, что в другом месте она, возможно, и ответила бы «да». Но здесь, в этом дворце... Где-то в пространстве она видела силуэт Филиппа, тень Великого Хромого из Лангедока, в протянутых руках которого она видела свое пылающее сердце. Старые воспоминания нахлынули на нее. — Что с вами? — спросил принц дрожащим голосом. — Почему вы плачете? Ваши глаза в слезах, в них страх и отчуждение. Вы чего-то боитесь? Живите здесь, дайте мне немного любви, и я стану боготворить вас...

В отчаянии Анжелика подняла глаза:

— О, монсеньор, не мучайте меня! Я... я... Нет, невозможно, монсеньор! Простите меня!

Глава 33.

Появление Ортенсии. Партия в «ока».

Анжелика рискует своим целомудрием

Как только Анжелике представился случай вновь увидеть принца, она убедилась, что он оказался незлопамятным человеком. В любви он не был так высокомерен, как на поле брани.

— По крайней мере, будьте со мной каждый понедельник у Нинон, те я всегда играю партию в «ока», — заявил де Конде. — Итак, я рассчитываю на вас каждый понедельник.

Анжелика с радостью согласилась, очень довольная тем, что принц засвидетельствовал ей свою дружбу. «Покровительство великого Конде всегда пригодится!» — подумала она.

Всякий раз, вспоминая о дворце дю Ботрен, она кусала губы, но не раскаивалась, что отвергла любовь принца.

Коммерческие дела отнимали много времени и мешали ей проникнуть в высший свет.

Однажды в салоне Нинон Ланкло упомянула в разговоре фамилию де Сансе.

— Как, вы знаете кого-нибудь из моих милых родственников? — поразилась Анжелика.

— Я говорю об одной своей подруге, которая вот-вот должна прийти. Внешне она отвратительна, но в ней что-то есть. Ее зовут мадам Фалле де Сансе.

— Фалле де Сансе? — повторила изумленная Анжелика, глаза которой расширились, как у разъяренной тигрицы. — И она явится сюда?

— Да, да. Я ценю ее за злословие и за ненависть к людям. Должна же я иметь в салоне прирожденных зубоскалов! Они вносят в разговор немного живости. Но, судя по вашему виду, вы недолюбливаете м-м де Фалле?

— Мягко сказано!

— Она войдет через минуту-другую.

— Да я с нее шкуру сдеру! — не унималась Анжелика. — Нинон, милая, вы не знаете подробностей, и вам не понять меня!

— Дорогая моя, — куртизанка обняла дрожавшую от ярости Анжелику. — Если бы все, кто приходит ко мне, сводили бы здесь счеты, то я бы каждый день присутствовала бы на трех похоронах... Вы побелели, вам плохо?

— Мне лучше уйти, Нинон!

— Страсть можно умерить всегда, душа моя, и не только в любви, но и в ненависти. Хотите совет? Уймите свою злость. Если вы распалитесь, вам будет еще хуже. Сядьте в кресло и сделайте вид, будто бы ничего плохого не случилось.

— Очень трудно, дорогая Нинон! Ведь она моя родная сестра.

— Ваша сестра?

— О, Нинон, я не знаю, что говорю. Выдержать такое — выше моих сил.

— Нет такого испытания, которое оказалось бы выше ваших сил, — засмеялась куртизанка. — Чем больше я вас узнаю, тем больше мне кажется, что вы способны на все. А вот и мадам де Фалле. Подождите здесь, в темной нише, и оставьте свое самолюбие! — Она степенно направилась встречать группу вошедших гостей.

Как во сне Анжелика услышала каркающий голос сестры, кричавший ей когда-то: «Убирайся прочь, убирайся, жена колдуна!..»

Окинув салон рассеянным взглядом, она сразу узнала Ортанс. Сестра была одета в нарядное парчовое платье, еще больше подчеркивающее ее уродство, хорошо причесана и умело подкрашена.

«Она подурнела еще больше», — подумала Анжелика и вдруг увидела, что Нинон взяла Ортанс под руку и повела прямо к ней.

— Дорогая Ортанс, вы давно хотели встретиться с м-м Марен. И наконец вам представилась такая возможность.

Отвратительное лицо сестры со сладкой улыбкой на губах приблизилось к ней.

— Здравствуй, дорогая Ортанс, — с такой же сладкой улыбкой произнесла Анжелика.

Нинон внимательно посмотрела на них, а потом удалилась к другим гостям.

Мадам де Фалле отпрянула, будто ее укусила пчела. Глаза ее расширились.

— Как?.. Ты, Анжелика? — еле слышно прошептала она трясущимися губами.

— Да, моя сестрица, садись. Почему ты так удивилась? Ты думала, я уже умерла?

— Да, — помимо воли вырвалось у сестры. Ее голос был похож на шипение змеи, брови сдвинулись, а рот сжался в узкую полоску. Она осталась такой же безобразной, как и в далеком детстве.

— По мнению всей нашей семьи, лучше бы ты умерла, — выдавила наконец м-м де Фалле.

— Тут я не придерживаюсь мнения семьи!

— Мы уже забыли тебя. А ты вдруг снова появилась, чтобы вовлечь всех нас в какую-нибудь новую авантюру.

— Не бойся, Ортанс, — грустно отозвалась Анжелика. — Меня в Париже знают теперь только как мадам Марен.

Сестра набросилась на нее с новой силой:

— Ты ведешь скандальную жизнь и, как мужчина, занимаешься коммерцией. Ты снова хочешь опозорить нас. В Париже единственная женщина продает шоколад, и именно она является моей родственницей.

Анжелика пожала плечами — причитания сестры не трогали ее, а потом спросила:

— Ортанс, а что с моими крошками?

Мадам де Фалле с глупым видом огляделась вокруг, и Анжелика добавила:

— Да-да, что с моими двумя ангелочками, которых я поручила тебе, пока меня гнали отовсюду, как бешеную собаку? — она заметила, что сестра изготовилась к обороне.

— Настало время рассказать тебе о твоих сыновьях, — притворно всхлипнула она в кружевной платочек. — Ты еще думаешь о них? Ну и мать!.. Я вижу, сестра, дела у тебя идут хорошо. На тебе такие драгоценности!

— Ну, расскажи мне скорей о моих крошках. Что с ними? Они живут у тебя?

Мадам де Фалле скривилась:

— Нет, я их давно уже не видела. Я оставила их у кормилицу в деревне. А потом мне нечем стало платить ей.

— Зачем им кормилица? — перебила Анжелика. — Ведь они уже большие. Что с ними? — продолжала играть комедию Анжелика.

Лицо Ортанс вдруг резко перекоилось:

— Я не знаю, как тебе объяснить... Ужасно. Их забрала какая-то цыганка...

— Как же все случилось?

— Я приезжала в ту деревню и разговаривала с кормилицей. Поправить уже ничего было нельзя. Все произошло за полгода до моего приезда.

— Как, ты целых шесть месяцев не навещала детей? А может, ты даже и не платила той кормилице?

— Нам самим не на что было жить, — продолжала причитать м-м Фалле, — после того скандального процесса твоего мужа. Гастон потерял всех своих клиентов. Мы даже продали дом и переехали в другой район Парижа... Как только смогла, я все-таки побывала у кормилицы и узнала от нее о драме. Однажды к ней во двор вошла цыганка, одетая в лохмотья, и забрала обоих мальчиков. А когда кормилица воспротивилась, то цыганка пригрозила ей ножом. Мне даже пришлось давать денег кормилице для успокоения ее расшатанных нервов... — Анжелика с удивлением смотрела на сестру. По ее выражению чувствовалось, что она действительно навещала кормилицу. — Нет, ты не мать! — взвизгнула вдруг м-м Фалле. — Мне жаль детей, а ты даже не заплачешь... Бедный Фло, теперь он всю жизнь будет скитаться с цыганами!..

— Успокойся, Ортанс, — решительно оборвала ее Анжелика. — С моими детьми ничего не произошло. Женщиной, о которой тебе говорила кормилица, была я сама.

— Ты сама?..

— Да. Конечно, кормилица кое-что преувеличила, я не ходила в лохмотьях. Но я действительно пригрозила ей немного, потому что дети находились в ужасном состоянии. И если бы я не забрала их, то они наверняка умерли бы голодной смертью.

Лицо Ортанс перекоилось судорога.

— С тобой можно попасть в любую историю. Ты... ты... — она вскочила и выбежала из салона, опрокинув по дороге табурет.

Оставшись одна, Анжелика долго смотрела в одну точку, скрестив руки на груди и думая, что люди не так уж плохи. Когда-то

Ортанс выгнала ее из своего дома, а сегодня, вот, прослезилась, испытывая угрызения совести из-за малышки Фло, обреченного ею на бродячую цыганскую жизнь.

Весельчак-гасконец Андижос мог проиграть в карты последнее су, но когда осудили графа Жофрея де Пейрак, поднял против короля целую провинцию и в течение целых четырех лет находился во главе восстания.

Когда заговоры и предательства против правителя Франции потерпели фиаско, принц Конде, поняв свое бессилие, сдался на милость королю, подавил мятеж в Тулузе и тем самым спас королевство от междуусобицы.

В душе принц Конде был очень прост и скромн. Удрученный болезнью сына, он оставался человеком, в жизни которого существовала единственная нежная и страстная любовь.

«Он так переживает болезнь своего несчастного сына» — посочувствовала ему Анжелика. И тут же решила завтра отправить Флоримона и Кантора к их тете, м-м Фалле де Сансе, с подарками для многочисленных кузин.

— Вы еще здесь? — спросила Нинон, тихонько войдя в дверь. — Я видела, что м-м Фалле выскочила, как ошпаренная. Вы устроили ей хорошую взбучку?

— Ей достаточно и того, что она уродина, — беззлобно заметила Анжелика. Наш Создатель и так сильно обидел ее.

В тот же вечер м-м Марен и принц Конде встретились за карточным столом. Обычно садились играть с наступлением сумерек, когда приносили свечи. Игра продолжалась три-четыре часа, потом подавался ужин и гости разъезжались по делам.

За зеленый стол садилось до десяти партнеров. Играли по-крупному, и первый же круг выбивал неимущих или воздерживающихся.

Вдруг м-м Марен, все еще вспоминая о разговоре с сестрой, заметила, что осталась вчетвером с принцем Конде, маркизом де Тианжем и президентом торговых корпораций Коммерсоном. Вот уже несколько минут она вела партию и оставалась в выигрыше.

— Сегодня вам везет, — с гримасой досады заметил де Тианж. — Вот уже час вы держите нас на крючке и, как мне кажется, не

собираетесь выпускать игру из своих рук. Я еще никогда не видел, чтобы кому-нибудь так везло. Не забудьте, мадам, что если вы проиграете, то правила «ока» обяжут вас заплатить все, что вы выиграли оставшемуся победителю. Время остановиться, мадам, и не искушать судьбу. У вас право выбора.

Президент Коммерсон запротестовал.

— Никто не имеет права подсказывать, — возмутился он. — Или я прикажу вывести всех из зала!

— Вспомните, что вы в салоне у Нинон Ланкло, — возразили ему. — Спокойствие!

Теперь все ждали, что скажет Анжелика.

— Господа, я продолжаю, — спокойно заметила она, неторопливо раздавая карты.

Президент перевел дух. Он много проиграл и решил одним махом взять реванш. «Дьявол меня побери, — подумал он, — но никогда еще ни один игрок не держался лучше этой прекрасной дамы!..»

«Если она сейчас сорвется, то проигрыш сильно отразится на ее финансовых делах, — мелькнуло в голове у принца. — Хоть бы она проиграла! Ведь у нее нет мужа, способного оплатить долги...»

Вскоре Коммерсон был вынужден покинуть стол, так как не смог продолжать игру.

Мадам Марен продолжала партию. Выбыл еще один партнер — маркиз де Тианж, и за зеленым сукном остались только двое: м-м Марен и принц Конде. Их окружала толпа зевак и проигравших. Вокруг шептались, что если мадам проиграет, то она должна будет отдать принцу всю сумму, скопившуюся на столе за время игры.

— Остановитесь, моя дорогая! — шептал ей на ухо де Тианж. — Хватит, прошу вас!

Но Анжелика, протянув руку к новой колоде карт, внимательно посмотрела на принца. Он улыбался, и ей показалось, что в его руках были не карты, а ларец с ядом. Вокруг стояла толпа. В зале было душно и тихо.

— Я продолжаю, монсеньор! — заявила она.

Карты показали равенство. Свечи коптели, но никто не обращал на них внимания. Все взгляды устремились к столу, где сидели только двое игроков. Опять выпало равенство. Кто-то заметил, что после

тремякратного равенства наступит право ставки, что означает высший момент в партии «ока».

— Вы продолжаете, мадам?

— Да, я продолжаю.

Зрители чуть не перевернули стол, несколько свечей упало на ковер. Запахло гарью.

— Черт возьми, — выругался принц, — разойдитесь немного, здесь нечем дышать!

Пот выступил и на висках мадам Марен. Сейчас она не думала ни о чем, кроме игры. Четыре года она боролась за существование, и вот сошлась с судьбой с глазу на глаз.

Третье равенство.

За столом остались она и ее рок. В зале поднялся крик. Она подождала, пока утихнет шум и кротко спросила голосом монашенки:

— А что такое высший момент в «ока»?

Все заговорили сразу. Шевалье де Мерэ поднял руку и объявил дрожащим тоном:

— Теперь, мадам, каждый из вас ставит то, что хочет. Так случается очень редко.

— Могу ли я продолжать игру?

— Ваше право, мадам!

Наступила тишина. В глазах Анжелики горел дикий огонь, однако на ее губах появилась самая обворожительная улыбка.

— Хорошо, — обратилась она к принцу. — Если выигрываю я, монсеньор, то вы отдаете мне дворец дю Ботрен.

Все повернули головы в сторону принца. Он улыбнулся, постучав пальцами по столу:

— Согласен, мадам. Но если выигрываю я — вы становитесь моей любовницей.

Теперь все повернулись к мадам Марен. Она молча кивнула. Блики гаснувших свечей отсвечивались в ее бирюзовых глазах.

Раздали карты.

Сначала у Анжелики в руках оказалась одна мелочь, но спустя некоторое время ей повезло, и она взяла из колоды хорошие карты. Теперь она могла надеяться на успех: у нее сошлись два короля и туз.

Взятка, сброс. И в следующее мгновение они одновременно открыли свои карты.

В зале сначала воцарилась мертвая тишина, а потом раздался взрыв, подобный грому.

Принц не двигался. Затем, резко вскочив, он разорвал карты и оросил их на стол. Поклонившись, он глухо произнес:

— Дворец ваш, мадам. Вы выиграли!

Глава 34.

Радости и печали дворца дю Ботрен. Призрак графа Жофрея де Пейрак

Анжелика не могла поверить своему счастью. Судьба действительно улыбнулась ей, вернув дворец дю Ботрен. Держа за руки своих ангелочков, она с замиранием сердца ходила по комнатам, не осмеливаясь сказать детям, что здание принадлежало когда-то их родному отцу.

— Все теперь ваше, — повторяла она. — Все только ваше!

Да, произошло настоящее чудо. На стенах комнат висели картины, изображавшие богинь с дарами земли. Мебель, посуда и ковры оставались на своих местах. На лестничных площадках и в холле стояли бронзовые фигуры рыцарей, как бы охраняющие своих хозяев. Принц де Конде практически и не жил здесь. Некоторую мебель он все-таки вывез, но то, что оставалось, он с видом покровителя подарил м-м Марен в знак дружбы.

Как честный игрок, он сполна рассчитался за проигрыш. Однако он был сильно расстроен, хотя старался не выдавать своего огорчения. Больше того, он всерьез опасался, как бы о проигрыше не стало известно Людовику. И он решил уехать в свое имение Шантильи.

Анжелика осталась наедине со своей мечтой, по воле Провидения внезапно превратившейся в реальность. С волнением молодой хозяйки она начала обустраивать новое жилище.

Заказав модную мебель, она стала приводить в порядок залы дворца. Пригласив брата Гонтрана, она попросила его расписать потолок большого салона. Она приобрела золотую и хрустальную посуду и множество китайских безделушек. Лишь рабочий кабинет и спальня остались в первозданном виде.

Для малышей она оборудовала спальню и детскую. Теперь дети могли вволю бегать по садовым аллеям. Она купила двух больших догов, которых можно было запрягать в игрушечную карету. Малыши брали вожжи в руки и, радостно смеясь, ездили по широкому двору. А себе она приобрела болонку с длинной волнистой шерстью, как того требовала мода, и назвала ее Хризантемой. Сыновья, гордившиеся

своими догами, с явным пренебрежением относились к крохотной собачке.

Чтобы отпраздновать новоселье, Анжелика решила устроить званый ужин и бал. Праздник должен был говорить о новом положении м-м Марен в парижском обществе. Отныне она не просто шоколадница из окрестностей Сен-Оноре, а знатная дама, жительница аристократического квартала дю Марэ.

В связи с приготовлениями к ужину она вспомнила о метрдотеле Одиже, который мог бы помочь ей советом в организации праздника. Вот уже почти три месяца она не виделась с ним.

С переездом в новое жилище Анжелика немного забросила свои дела, но, к счастью, два принадлежавших ей парусника благополучно вернулись из Индии, что удвоило затраченный ею капитал. Она слышала, что граф де Суассон, сопровождая короля, находился в Русиане, и предполагала, что Одиже уехал вместе с ним. Но на всякий случай она послала слугу с письмом, в котором говорила, что будет рада видеть его.

На следующий день Одиже появился.

— Что вы скажете о моем дворце?

— А...

— Это самый красивый дворец в Париже!

— Я так не считаю, — грустно ответил метрдотель. — Он мне не по душе.

Анжелика была разочарована.

— О, вы просто не в духе. Разве вы не рады моему успеху?

— Успеху? Я уважаю успехи, достигнутые честным трудом, — заявил молодой человек. — А правда, что принц ставил на вас и при проигрыше вы должны были бы стать его любовницей?

— Да, правда, мой милый. И если бы я проиграла, то стала бы его любовницей. Для меня карточные долги священны.

Длинное лицо Одиже стало пунцовым. Он хотел что-то сказать, но Анжелика продолжала:

— Но я выиграла, и вот мой дом. Смотрите правде в глаза — я не проиграла, а вы остались без рогов. К тому же мы не женаты!

— Я уже и не мечтаю о свадьбе, — заметил растерянно Одиже и протянул к ней руки. — Давайте поженимся, пока еще не поздно...

— А почему может быть поздно?

На Анжелике было черное бархатное платье, грудь украшало жемчужное ожерелье. В волосах виднелась прядь седых волос, которая очень шла ей. Она выглядела, как миленькая вдовушка, живущая в свое удовольствие. Ее бирюзовые глаза, светившиеся огнем, медленно скользили по вестибюлю и по мозаике пола.

— Нет, еще не время! — покачала она головой.

По ее взгляду Одиже ощутил глубину пропасти, разделившей их. Несчастный никак не мог осознать, каким чудом скромная служанка из таверны «Красная Маска» превратилась в настоящую светскую даму. Он и не догадывался, что за ней возвышалась тень графа Жофрея де Пейрак, сожженного, как колдуна, на Гревской площади, и что она фактически живет сейчас в своем собственном доме.

«Он никогда не сможет понять моей судьбы и моей жизни», — думала Анжелика, оглядывая серум фигуру метрдотеля.

— Вы писали, мадам, что хотели видеть меня, — напомнил молодой человек.

— О, да-да, я совсем забыла! — воскликнула она, счастливая перемене разговора. — Я хочу дать большой ужин в новом дворце и прошу вас помочь мне в организации празднества. Ведь у вас большой опыт в таких делах, и вы самый искусный метрдотель из всех, кого я знаю.

У Одиже появилось страстное желание обругать Анжелику, нагругить ей, но он сдержался. «Женщина всегда сможет сделать из мужчины шута», — грустно посетовал он.

— Очень сожалею, мадам, но не рассчитывайте на меня, — и, попрощавшись, удалился.

Анжелика обошлась без него. Праздник, который она устроила, имел большой успех. Присутствовали многие знатные люди из парижского света. Она танцевала с Филиппом де Плесси. Он был одет в костюм из голубого бархата, а она — в платье из голубого королевского велюра, в тон партнеру. На вечере они оказались самой красивой парой.

Но глаза Филиппа оставались холодными. Когда он вея хозяйку под руку через весь салон под завистливыми взглядами гостей, то очень тихо прошептал:

— Сегодня, мадам, вы уже не баронесса Унылого платья?

Филипп дю Плесси все-таки вспомнил маленькую белокурую девочку, ручка которой дрожала в руке красавца кузена.

Глава 35.

Тайны и яды квартала дю Марэ

Итак, теперь м-м Марен жила в престижном квартале дю Марэ, где в основном обитали знатные сеньоры парижского света. Здесь стояли светлые дома с легкими фасадами, во дворах и садах особняков росли деревьям кустарники.

Хозяйка дворца дю Ботрен имела две кареты, а за шестью чистокровными рысаками ухаживали двое конюхов. У нее служили четыре лакея, метрдотель, клерк, множество служанок, горничных, поварят и прочей челяди. Она могла бы ходить в церковь, как знатные дамы дю Марэ: один слуга нес бы ее шлейф, другой — подушечку, третий — корзинку с Библией... Надо признать, что мадам Марен редко ходила в церковь, а честно сказать — никогда. Она ненавидела церковь.

Церковь превратилась для нее в место переживаний. Она вспоминала, что совершила убийство, или ей представлялась Гревская площадь, запах горелого мяса и инквизиторский профиль монаха Беше. Таким уж было то время: ересь и софистика, как ржавчина, пожирали все прогрессивное, что попадалось на пути. Одна из приятельниц Анжелики — мадам Скаррон пыталась привить ей чувство набожности. Мадам Скаррон казалось, что Анжелика попала под влияние куртизанки Нинон де Ланкло, известной своей скандальной репутацией. Они встречались на приемах у богатых соседей. Возвращаясь домой, приятельницы частенько выходили из кареты и шли пешком, думая каждая о своем или болтая о милых пустяках. Анжелика любила и уважала м-м Скаррон, прислушивалась к ее советам. Приятным голосом и изящными манерами вдова Скаррон располагала к себе. Анжелика знала, что вдова родилась в тюрьме и что, когда ей было двенадцать лет, в городе Ля-Рошель она попросту побиравалась, выпрашивая у иезуитов тарелку бесплатного супа. Позднее ее родная тетка, превратив девочку в служанку, всячески издевалась над ней... Обе приятельницы хорошо помнили свою прошлую нищету, сближавшую из разбитые души.

Другая соседка, к которой Анжелика часто ходила в гости, была добропорядочная маркиза де Севине. Так же как и м-м Скаррон, она жила давно исчезнувшей любовью. Анжелика ходила к ней, чтобы послушать о Версале — о дворце ее мечты, где маркиза иногда бывала по приглашению самого короля, ценившего остроумие и образованность де Севине.

Маркиза подробно перечисляла версальские развлечения: фейерверки, прогулки и концерты — и, видя грусть в глазах подруги, говорила:

— Не расстраивайтесь, дорогая. Версаль является королевством беспорядка. Когда проходит праздник, придворные носятся, как сумасшедшие, а королю ни до кого нет дела. Однажды две знатные дамы — я не стану называть их имен — не могли найти себе в Версале ночлега. И что же вы думаете, милочка? Они пошли спать в конюшню!..

Но Анжелика была уверена, что те дамы предпочли бы снова и снова ночевать в конюшне, лишь бы еще раз попасть во дворец. Версаль, о котором все столько говорили и в который она мечтала попасть, казался ей миражем, несбыточной мечтой. Он стал камнем преткновения, основной целью всей ее жизни.

Попасть в Версаль!

Но простая шоколадница, даже самая богатая в Париже, могла бы поехать во дворец? Нет! Ей нужен был титул — пропуск в сердце двора Короля-Солнца. Она твердила себе, что однажды когда-нибудь это непременно произойдет, и настойчиво продвигалась все ближе и ближе к намеченной цели.

Людовик XIV тратил колоссальные суммы на украшение и расширение своей резиденции.

— Он так же хвастается дворцом, как красotka своим лицом, — говорила м-м де Севине.

Когда умерла королева-мать, король прискакал в Версаль и пробыл там три дня. Он бродил по аллеям парка, проходя мимо статуй богов и богинь. И Версаль ваял на себя печаль его величества. Он оплакал там свою мать, женщину, сделавшую его королем. Задержавшись на мгновение в любимой комнате матери-королевы

Анны Австрийской, он пробежал взглядом по безделушкам из золота и серебра и любимой ею хрустальной посуде.

С трауром двора совпал траур мадам Монтеспан, потерявшей мать.

В последние дни она часто, бывала у мадам Марен в особняке дю Ботрен, избегая кредиторов. Веселье и радость у маркизы чередовались с приступами черной меланхолии. Она часто рассказывала Анжелике о своем детстве.

Ее отец был гулякой, а мать — религиозной женщиной. Жена весь день проводила в церкви, вечером муж уходил в бордели, и практически они не виделись. Никто не мог понять, как они смогли сотворить несколько детей.

Не стесняясь, Атенаис злобно говорила о дворе:

— Королева глупа и слепа. А сам король... Как же он смог позариться на дуру Лавальер? А еще я слышала, что м-м де Фур и м-м де Суассон ходили к прорицательнице ля-Буазин, чтобы достать отравы для Лавальер...

Да, в ту пору в Париже много говорили о ядах. Люди старого поколения пользовались перед едой противоядием, а молодежь пренебрегала им. И многие умирали неизвестно от чего. Дегре любил повторять, что человек может умереть даже от пистолетного выстрела в тарелку предназначенного ему лукового супа.

На улице Шарля жила еще одна приятельница м-м Марен, маркиза де Бренвилле. Впервые Анжелика увидела ее, когда жила еще в башне Несль. Именно ее ограбила на мосту банда Каламбредена. Конечно, маркиза узнала Анжелику, но ее золотой браслет хранился у м-м Марен в шкатулке вместе с ножом Родогона, как память о былых временах, проведенных в банде на парижском дне.

Как-то Анжелика ехала в карете по площади Роволи мимо городской тюрьмы и вдруг увидела в окне знакомое лицо с грустными глазами. У нее даже защемило сердце. Легкая Нога стал невинной жертвой своей профессии. Даже в башне Несль он никогда не воровал, за ним не водился такой грех. Он только просил милостыню.

Она остановила карету.

— Что ты делаешь там, Легкая Нога?

— Ах, Маркиза Ангелов, — ответил несчастный, — Разве я знаю, что делаю здесь? Меня забрал сегодня проходивший мимо сержант.

— Подожди, я скоро вернусь!

Приказав кучеру развернуть карету, Анжелика сразу поехала к лейтенанту полиции, брату м-м де Бренвилье, и договорилась с ним, что завтра же нищего отпустят.

— Заходите ко мне вечером, в первое воскресенье следующего месяца, — сказала присутствующая здесь м-м де Бренвилье. — У нас будет шевалье де Сен-Круа...

Никто и не предполагал, что блестящий шевалье был ее любовником.

Так уже на следующий день, переодетый в красивое платье, Легкая Нога стал слугой в комнате Флоримона и Кантора. Он ничего не делал, а только рассказывал ребятам старые байки и сказки, которых знал великое множество.

Он был не первым, кто пришел к Анжелике из башни Несль. Нищие и бродяги быстро нашли дорогу к ее дому и три раза в неделю получали там горячий суп, хлеб и одежду.

Теперь Анжелика не нуждалась в протекции Деревянного Зада. Дамы из высшего общества были обязаны принимать нищих и устраивать бесплатные обеды для бедняков.

Украдкой Анжелика разговаривала с ними на жаргоне. Они громко смеялись, не веря своим ушам. О, как хорошо она знала такой смех! Разве можно было забыть башню Несль, запах кипящего рагу или гротескный танец папаши Урлюро и мамыши Урмолет?..

Нищие приходили к ней круглый год.

— Как они ужасны! — говорил г-н Винсен.

Такие слова терзали сердце Анжелики. Да, бедные. Они не знают, куда идти и что им делать. Они копаются в грязи, чтобы прокормиться. Не раз она перевязывала км раны, в знак благодарности, что они поддержали ее саму и ее детей, брошенных всеми.

Через несколько дней она встретила Черного Хлеба. Старик совсем не изменился. Он был одет, как обычно, в живописные лохмотья.

— Я пришел предупредить тебя, Маркиза.

— А в чем дело, Черный Хлеб?

— Женщина, с которой ты беседовала здесь, возле дома, неделю назад, твоя подруга?

Анжелика вспомнила, что именно тогда она встретила с мадам де Бренвилье.

— Она была одета в бархатное платье, да?

— Да, Маркиза.

— Она сестра лейтенанта полиции.

— Берегись ее, Маркиза, — лицо старика сделалось строгим. — Слушай внимательно. Как-то меня забрали в тюрьму, а потом поместили в тюремную больницу. Та женщина от имени благотворительного общества принесла нам еду, и все поевшие на следующий же день предстали перед Творцом. Но я, умудренный долгой жизнью, не ел, а спрятал свою миску. Ты бы видела ее глаза, Маркиза, когда она кормила нас! Адский огонь светился в них!

— Может, тебе просто показалось?

— Нет, Маркиза. Те, кто ел, уже на том свете. Берегись ее, она дьяволица. Говорю, что знаю. Я видел ее слугу ля Шоссе, так он рассказывал мне страшные истории.

Анжелика задумалась. Имя Сен-Круа она видела на пакете у старого аптекаря. Нет ли тут связи? И Дегре говорил, что в наше время убийц нужно искать не в притонах, а в аристократических салонах. Она нервно вздрогнула. Красивейший квартал дю Марэ... Какие трагедии скрываются за стенами твоих особняков? Нет мира на грешной земле.

— Спасибо, Черный Хлеб. Я не стану больше ходить к той особе.

— Она дала ему денег, кусок ветчины, вина и поинтересовавшись на прощанье: — Теперь твое брюхо полно?

— О да, Маркиза. Увы, нищие богаты приключениями. Они богаты, как будущее, — ответил старое куплетам из песни Клода ле Пти. И, низко поклонившись, ушел.

В последние годы она редко встречала Дегре. Она помнила день, проведенный в его доме, и до сих пор побаивалась его, потому что полицейский знал о ней абсолютно все.

Однажды ей доложили, что некий Дегре хочет увидеть ее. Она приказала проводить посетителя в служебное бюро и пошла туда сама.

— Здравствуйтесь, мадам. Вы великолепно выглядите, — заметил полицейский. — Я заглянул поздравить вас с приобретением нового

чудесного дома.

— Вы же наверняка знаете подлинную историю, — возразила Анжелика и холодно добавила: — Чем могу служить вам, г-н Дегре?

— Ну ладно, ближе к делу. Вы знакомы с м-м де Бренвилье. Не смогли бы вы представить меня своей подруге?

— Но вы же полицейский, г-н Дегре. И вам везде открыта дорога.

— Мне не хотелось бы, чтобы она знала, что я полицейский. Вы представите меня, как дворянина... ну, скажем, вашего знакомого.

— А почему вы просите именно меня? — с откровенным испугом спросила Анжелика.

— Вы мне будете полезны.

— Но я не хочу быть полезной вам, — сорвалась вдруг она. — Я не желаю проводить вас в салон, чтобы вы там выполняли свою гнусную работу!.. Я не хочу иметь с вами дела!.. Я боюсь вас! Оставьте меня в покое!

Теперь Анжелика дрожала всем телом. Дегре удивился ее отказу.

— Что с вами? — спросил он. — У вас нервы не в порядке? Я никогда не видел вас такой раздраженной. Будьте сдержанней, мадам.

— Нет, я не могу быть спокойной! Пока вы ходите сюда, я не успокоюсь. Вы шантажируете меня моим прошлым. Я ничего не знаю и знать не хочу! Я не желаю ничего знать о них. Я достаточно настрадалась из-за интриг. А теперь у меня есть цель в жизни. Оставьте меня в покое, умоляю вас, Дегре!

Полицейский невозмутимо принял ее истерику.

— Ладно, вы правы. Действительно, вы и так много пережили, — он вздохнул. — Успокойтесь, мадам. Вас никто больше не тронет.

Вежливо поклонившись, Дегре удалился.

Анжелика не желала больше слышать о прошлом, ибо отбросила его, как рваную одежду. Ее соседка могла отравить хоть весь квартал, какое до этого дело? У нее была одна цель — быть принятой в Версале.

Последние шаги к цепи оказались особенно трудными. Она чувствовала, что впереди ее ожидает еще много невзгод, боев и испытаний.

Но случай свел ее с братом — иезуитом, Раймондом де Сансе.

Глава 36.

Совет Раймонда

Однажды, далеко за полночь, когда Анжелика только что послала песком письмо к подруге Нинон де Ланкло, ей вдруг доложили, что какой-то человек духовного сословия срочно желает видеть мадам Марен.

В вестибюле она увидела монаха, сообщившего, что ее брат, Раймонд де Сансе, духовник знатных особ при королевском дворце, хочет переговорить с ней.

— Сейчас, ночью? — удивилась м-м Марен.

— Да, именно сейчас, мадам.

Анжелика накинула на себя мантилью, надела маску и вместе со своим провожатым вышла из дома. Ситуация была действительно весьма щекотливой. Если бы кто-либо увидел в такое позднее время великого иезуита со своей сестрой, мужа которой несколько лет назад сожгли на Гревской площади!

Монах сообщил, что идти совсем недалеко. И правда, через несколько минут молодая женщина оказалась перед небольшим старинным особняком, принадлежавшим, по-видимому, иезуитскому ордену.

Спутник ее исчез, как привидение. Она подняла глаза и увидела, что по лестнице спускается длинный силуэт со свечой в руке.

— Это вы, сестра моя? — спросил иезуит приятным бархатным голосом.

— Да, Раймонд.

— Идите за мной, прошу вас.

Не задавая вопросов, Анжелика последовала за ним. Секретные связи семьи де Сансе де Монтелю снова восстанавливались.

Духовник короля привел ее в тускло освещенную ночником маленькую каменную келью. Внутри алькова, на кровати, она увидела девушку, почти ребенка, с красивыми чертами бледного лица. Ее глаза были закрыты, она почти не дышала.

— Женщина больна, — произнес иезуит. — И если Господь не поможет, она умрет.

— Но кто же она? — спросила Анжелика.

— Мари-Агнесса, наша сестра. Она пришла искать у меня убежища. Я приютил ее, но, узнав ее болезнь, решил посоветоваться со сведущей женщиной и вспомнил о тебе.

— Ты поступил правильно, брат. Что с ней?

— Видимо, она уже потеряла много крови. Я думаю, что ей неудачно сделали аборт.

Анжелика с горечью посмотрела на свою молоденькую сестру. К счастью, у нее были материнские руки, умеющие ласкать и ухаживать. Кровотечение оказалось не обильным, но медленным и продолжительным.

— Нужно как можно скорее остановить кровотечение. Иначе она может умереть.

— Я сразу хотел вызвать врача, но он пустил бы ей кровь и только ускорил бы смерть. К сожалению, я не мог пригласить сюда акушерку, они обычно болтливы и любопытны. Правила нашего ордена включают в себя заботу о благочестии. Я, конечно, ничем не рискую, — она моя сестра, — но сплетни останутся сплетнями. Кроме того, я не могу оставлять ее в доме, который является пристройкой к семинарии. Ты хорошо понимаешь меня?

— Как только она получит медицинскую помощь, я перевезу ее в свой дом. А пока надо скорее бежать за Великим Мотье.

Через четверть часа Флино уже бежал по Новому мосту, посвистывая на ходу, чтобы сообщить о себе редким ночным прохожим.

Последний раз Анжелика пользовалась услугами Мотье, когда Флоримон случайно попал под колесо кареты. Она знала, что у лекаря есть средства, останавливающие кровотечение и, главное, он умел держать язык за зубами. И уже через полчаса, несмотря на позднее время, знаменитый парижский дантист появился в келье и принялся энергично лечить несчастную, пользуясь опытом многолетней практики, философствуя, как обычно:

— Ну что, милочка? Почему вы не покупаете мои лекарства на Новом мосту? Если бы вы купили настойку, сделанную из камфары, солодкового корня, виноградных косточек и цветов лилии и пили бы ее утром и вечером с молоком, в которое был опущен раскаленный

железный гвоздь, то у вас не было бы печали. Поверьте, дорогая, нет ничего лучше против ненужного плода...

Но бедная Мари-Агнесса была неспособна слушать его басни. Ее впалые щеки и острый подбородок были как из воска. Медленно тянулись минуты. Наконец, видимо, кровотечение остановилось и щеки молодой женщины стали розоветь. Мотье ушел, оставив Анжелике снадобье, которое следовало постоянно давать больной, чтобы восстановить потерянную кровь, и посоветовал не трогать ее в течение нескольких ближайших часов.

Усталая Анжелика присела за маленький стол, где на пьедестале стояло черное распятие, отбрасывающее на стену большую тень.

— Думаю, что утром ее можно будет перенести ко мне в дом, — сказала она. — Но надо, чтобы она собралась с силами.

— Подождем, — согласился иезуит.

Он выглядел не таким худым, как был когда-то. Его черные волосы падали на беленький воротничок сутаны, а плешь на макушке несколько увеличилась.

«Хотя вообще-то он мало изменился», — невесело подумала Анжелика.

— Раймонд, как ты узнал, что я живу под именем м-м Марен? — спросила она.

Холоной рукой он сделал небрежный жест:

— Мне было вое легко узнать, сестра. Я восхищаюсь тобой. Ужасное дело, жертвой которого стала ты, ушло в далекое прошлое.

— Ты не прав, Раймонд, — с горечью заметила она. — Прошлое не забыто. Я не могу выйти в свет. Многие дворяне, по происхождению стоящие значительно ниже меня, смотрят на мадам Марен, как на преуспевающую шоколадницу. Я никогда не смогу быть при дворе, не смогу попасть в Версаль.

Раймонд понимающе посмотрел на сестру:

— А почему ты не хочешь выйти замуж? Титул маркизы или графини не помешал бы тебе. Я знаю, что у тебя много поклонников и неплохое состояние. Да и без состояния твои обаяние и красота стоят значительно больше, чем обычный дворянский титул.

Анжелика вспомнила о Филиппе дю Плесси и почувствовала, что краснеет.

— Действительно, было бы великолепно выйти замуж за маркиза дю Плесси. Почему же я раньше не подумала. Раймонд?

— Потому что не считала себя вдовой и свободной, — скупо ответил иезуит. — У тебя есть все, чтобы войти в парижский свет честным образом. Чем смогу, я помогу тебе.

— Спасибо, Раймонд. Да, тоща все было бы великолепно, — мечтательно повторила Анжелика. — Мне было так трудно выкарабкаться, из грязи, даже ты не знаешь всего. Я была на самом дне Парижа. Из всей нашей семьи, быть может, только я так низко пала. И ведь нельзя сказать, что судьбы у остальных ваших оказались такими уж блестящими. Врат, почему у нас так в роду?

— Благодарю тебя за «нас», — заметил он, улыбаясь, — А я вот стал иезуитом...

— Вспомни, Раймонд, отец всегда был недоволен нами. Тебя он хотел видеть в религиозном свете и чтобы ты имел большой приход. Жосслин уехал в Америку. Денис, единственный военный в семье, — горячая голова и страстный игрок. Гонтран стал художником, как простой кустарь. Альберт — паж у маршала Рошона. А Мари-Агнесса? — Анжелика замолчала, прислушиваясь к тихому дыханию, доносившемуся из алькова, и добавила: — Еще в Монтелю она любила развлекаться с местными юношами. При дворе она, наверное, перепробовала всех желающих. Она, конечно, не знает, от кого у нее ребенок.

— Похоже, что она совсем не задает себе подобных вопросов, — заметил иезуит. — Меня в дрожь бросает при мысли, что такая ведьма, как ля-Вуазин, делает аборт моей сестре.

— Да, Мари бормотала ее имя, когда была без сознания. А кто к ней не ходит? — пожала плечами Анжелика. — К ля-Вуазин ходил даже брат короля. Он заставил ее приехать в Сен-Клу и приказал показать ему черта. Не знаю, что у них получилось, но он потом отвалил ей столько денег, что, кажется, на самом деле видел нечистого. Прорицательница, акушерка, изготовительница ядов — у нее много талантов...

Раймонд молча слушал городские сплетни. Затем закрыл глаза и глубоко вздохнул:

— Сестра моя, я поражен пороками нашего времени. Мягко говоря, мы являемся свидетелями развращенных нравов и жестоких

убийств. Потемки не простят наших злодейств. За прошедший год многие мои прихожанки избавились от ненужного плода. На исповеди многие благородные люди признаются, что отравили кого-нибудь из своих родственников или из-за тягостной любви, или из-за наследства. Мы, наверное, все еще варвары. Натура человека полна ереси и пороков! Только всемогущая церковь сможет вывести из тупика целый народ и навести порядок в королевстве...

— Зачем ты мне рассказываешь о таких грехах? Может, и я одна из женщин, которые...

Иезуит внимательно посмотрел на сестру:

— Ты — бриллиант, — ответил он. — Крепчайший и непреклонный камень, но в то же время простой и прозрачный. Я не знаю, какие грехи совершены тобой за последние годы, но раз ты совершила их, значит, не могла поступить иначе. Ты, сестра, — как все миряне. Грешишь, не подозревая греха. Совсем не так, как сильные мира сего.

Безмерная благодарность переполнила сердце Анжелики за высокие слова, сказанные братом. В них она услышала прощение, исходящее откуда-то свыше. На глаза ее навернулись слезы, и перед ней в который раз пронеслись минувшие годы.

Ночь была спокойна, запах ладана разливался по каменной келье, и тень от распятия, стоявшего на столе, впервые за много лет показалась ей не мрачной, а успокаивающей. Внезапно она опустилась на колени и тихо произнесла:

— Раймонд, прими мою исповедь!

Глава 37.

Честолюбивые мечты Анжелики. Визит к прорицательнице ля-Вуазин

Выздоровление Мари-Агнессы продолжалось уже в особняке дю Ботрен и протекало относительно нормально. Однако молодая женщина оставалась печальной. Казалось, она навсегда забыла свой кристальный смех, вот уже несколько лет шокировавший весь королевский двор. В ней начала проявляться другая черта характера. Вило видно, что она расхаивается в старых грехах. Но как только она поправилась, Анжелика выбрала момент, чтобы дать ей пощечину.

Отныне Мари-Агнесса поняла, что старшая сестра является единственной женщиной с которой можно говорить по душам. В длинные зимние вечера она садилась возле пылающего камина и играла на мандолине или вышивала что-нибудь. Сидя вот так, вдвоем, они любили посплетничать, и так как у обеих были колючие языки и живой ум, то сестры частенько смеялись над пороками их общих знакомых.

Прошло уже более двух недель, как молодая женщина встала на ноги, но она пока не собиралась покидать мадам Марен. Никто даже не догадывался, что они были сестрами, и такое положение весьма забавляло их.

Королева часто справлялась о здоровье своей любимой фрейлины. Мари-Агнесса отвечала, что чувствует себя хорошо, но хочет уйти в монастырь. Она стала очень серьезной, отказалась встречаться со своими знакомыми и погрузилась в чтение Библии.

Неожиданная исповедь принесла Анжелике большое внутреннее успокоение. Теперь она могла без всяких задних мыслей посещать иезуита. Ей понравилась атмосфера душевных переживаний, запах ладана, и органная музыка. В такие моменты она думала о чистоте души, о детях и о Монтелю.

Новое увлечение Мари-Агнессы привело в особняк дю Ботрен ее взволнованных любовников и многочисленных поклонников. Они

протестовали, видя, что молодые женщины столько времени уделяют церкви:

— Неужели вы действительно хотите заживо похоронить себя в монастыре?

Мари-Агнесса отвечала на такие упреки небрежной усмешкой. В большинстве случаев она вообще не выходила к гостям или демонстративно открывала молитвенник.

Что же касается м-м Марен, то она самым решительным образом опровергала любые предположения насчет ее монастырского будущего.

В один прекрасный день соседка Анжелики, мадам Скаррон, отвела ее к своему духовнику, честному аббату, отцу Лозье. Когда монах заговорил с ней о власянице — прекрасном средстве для усмирения плоти, — Анжелика горестно вздохнула. Втайне желая выйти замуж за Филиппа дю Плесси, она не собиралась портить свое тело.

Теперь ей хотелось обольстить неприступного маркиза, казавшегося еще более равнодушным к ней, хотя он продолжал посещать званые вечера во дворце дю Ботрен. Держался он небрежно, не шутил и разговаривал мало.

Наблюдая божественную красоту Филиппа, Анжелика испытывала сладостное чувство и томление во всем своем прекрасном теле, как когда-то в юности, в замке Монтелю.

Маркиз, конечно, и не подозревал, что мадам Марен является той самой женщиной, которую его благородная компания во главе с братом короля пыталась изнасиловать в таверне «Красная Маска». Когда его ясные глаза останавливались на Анжелике, она испытывала дикую радость и наслаждение. Однако молодой человек никогда не делал ей комплиментов, даже самых банальных. Он был холоден и бесчувствен до того, что ее сыновья просто боялись чопорного дворянина.

Сидя в кресле у камина, Мари-Агнесса однажды ехидно спросила:

— Ты всегда смотришь на Филиппа влюбленными глазами. Почему? Неужели ты сознательно тратишь время на такого пошляка?

— А чем он тебе не нравится, Мари?

— Чем не нравится? Да тем... — она запнулась и задумалась. — Быть таким соблазнительным красавцем и не знать, как следует

любить женщину! Да умеет ли он вообще правильно обращаться с женщиной?

— Вот действительно фривольная тема для особы, намеревающейся уйти в монастырскую обитель, — заметила Анжелика.

— Мне нужно многое успеть сказать тебе, пока я еще не там, — продолжала Мари-Агнесса, заливаясь краской. — Для меня, осажу тебе откровенно, то, как мужчина держит женщину в объятиях, является главным качеством, по которым я ценю своих «петушков». Решительный и нежный жест, оставляющий за тобой право в любую минуту оттолкнуть мужчину или отдаться страсти. Какое наслаждение в такой момент чувствовать себя слабой и хрупкой женщиной...

Тонкое красивое лицо Мари-Агнессы, со взглядом злой кошки, озарилось внутренним экстазом, и Анжелика улыбнулась про себя, представляя сестру в роли любовницы. Честно говоря, она даже немного завидовала ей. Но через мгновение глаза молодой женщины приняли прежнее спокойное выражение.

— Да, мало мужчин обладают таким дорогим и редким даром, — с сожалением продолжала она. — Некоторые стараются доставить женщине удовольствие, а Филипп — никогда. Ему известна одна-единственная манера любви. Он валит женщину на пол и насилует ее, как варвар! Наверное, он учился любви на поле брани. Даже Нинон не смогла ничего с ним поделаться. И все женщины, которые когда-либо были с ним, — ненавидят его!

Анжелика наклонилась над камином, в котором жарились каштаны. Слова сестры посеяли сомнение в ее душе. Но она твердо решила выйти замуж за Филиппа дю Плесси, ибо здесь ей виделся лучший выход из создавшегося положения, предполагавший ее полную реабилитацию в высшем свете. Она не строила никаких иллюзий в отношении брака и пока решила не обращать внимание на безразличие к ней кузена.

Назавтра, в момент душившего откровения, мадам Марен пошла к Нинон де Ланкло и первая завела разговор:

— Что вы скажете, Нинон, о Филиппе дю Плесси де Бельер?

Куртизанка на мгновение задумалась.

— Я считаю, что когда его чуточку узнаешь, то замечаешь, что он хуже, чем кажется с первого взгляда. Но когда узнаешь побольше, то

понимаешь, что он лучше, чем старается казаться.

— Я не понимаю вас, Нинон...

— Я хочу сказать, что у него совсем нет тех качеств обольстительного мужчины, которые обещает его божественная красота. Он является типичным представителем древнего рода вельмож, он дворянин до корней волос. Он преклоняется перед этикетом, пугаясь грязного пятна на своем шелковом чулке. И в то же время у него нет страха перед смертью... Но когда он умрет, его душа будет одиноко витать по Вселенной. Он принадлежит только королю, и вы никогда не узнаете его маленьких слабостей, моя дорогая.

— А что он думает о женщинах?

— Филипп? — удивилась Нинон.

— Говорят, что он ужасно груб с ними.

— Да, так говорят.

— Не заставляйте меня поверить в то, что вы не спали с ним.

— Увы, попробовала, моя дорогая. Но все мои таланты померкли перед ним.

— О, вы меня пугаете, Нинон! По правде говоря, меня давно привлекает этот Адонис с жестокими глазами. Неужто он вообще ничего не смыслит в любовных усядах?

— Обычно он сонный. Но однажды мне все-таки удалось затащить его в кровать.

— И что же? — не удержалась Анжелика.

— А ничего! У меня, наверное, быстрее получилось бы со снеговиком, вылепленным на дворе! Эпопея закончилась тем, что он признался мне, что я не вдохновляю его и что он питает ко мне только дружеские чувства. Мне кажется, что ему, чтобы быть в форме, нужны грубость, боль и насилие. Он просто сумасшедший... или больной!

Помолчав мгновение, Нинон продолжала:

— Господин Филипп опоздал во времени. Ему нужно было бы родиться лет на пятьдесят раньше. Когда я вижу его, то вспоминаю свою далекую молодость...

— Вашу молодость? — Анжелика внимательно рассматривала лицо куртизанки, на котором не было видно ни единой морщинки. — Но ведь вы выглядите лучше меня, Нинон!

— Нет, моя дорогая. Чтобы скрасить старость, иногда говорят: «Стареет только тело, а душа остается молодой». К сожалению, у меня

все наоборот. Слава Богу, тело у меня еще не дряблое, но душа стара, как мир... Время моей юности пришлось на эпоху Людовика XIII. Тогда люди были другими. Повсюду звенело оружие. Люди умели воевать, а не любить. Они были настоящими варварами в кружевных воротничках... А знаете, на кого похож маркиз дю Плесси? Он очень похож на Сен-Мара, красавца-дворянина, фаворита Людовика XIII... Бедный Сен-Мар! Он увлекся Марион Делорм, но король был ревнив, а кардинал Ришелье постарался достойно отомстить бывшему королевскому любимцу. И пришлось бедному Сен-Мару положить на плаху свою прекрасную голову!.. В те времена было много трагических судеб, моя дорогая.

— Нинон, милая, не говорите, как старая бабка. Вам не идет такой тон.

— А я, кстати, сознательно выбрала такой тон, чтобы побранить вас, Анжелика. Я волнуюсь за вас. Вы, женщина, познавшая большую любовь, как вы могли влюбиться в маркиза? Вы так далеки от него по глубине натуры, и он абсолютно не подходит вам.

Анжелика покраснела, и края ее яркого рта задрожали, как у обиженного подростка.

— Почему вы считаете, что я познала большую любовь, Нинон?

— Я вижу ее остатки в ваших глазах. Женщина, у которой бирюзовые глаза... Все равно, что случилось на деле — он женился на другой или обманул вас? А может, он умер?

— Да, он умер, Нинон.

— Тем лучше. Ваша душа осталась без яда.

— Не говорите мне больше ничего. Я должна женить на себе Филиппа. Так нужно! И я не люблю его, хоть он много лет притягивает меня. Я все-таки думаю, что в один прекрасный момент он будет принадлежать мне!

Вооруженная таким жалкими сентиментальными сведениями о своем кузене, на следующий день Анжелика принимала его в салоне, как всегда элегантного и безучастного. Разговор не завязывался, и она была готова предположить, уж не ради ли ее молодой сестры Филипп посещает салон? Но тут Мари-Агнесса отправилась к кармелиткам, чтобы подготовиться к причастию. А Филипп тем не менее снова появился, приняв участие в дегустации чудесного ликера,

собственноручно изготовленного Анжеликой с добавлением ванили, аниса, водки, настоянной на сахаре и других приправах.

Однако хозяйка в глубине души была разочарована тем, что ни ее красота, ни богатство, ни изобретательность в приготовлении блюд не притягивали к ней маркиза. А ведь она так уверила себя в предстоящем замужестве, что теперь просто не могла отказаться от задуманного — стать маркизой дю Плесси де Бельер, стать хозяйкой белого замка в дю Плесси и быть представленной в королевском дворце.

Потеряв покой от нервных мыслей, Анжелика загорелась желанием пойти погадать к ля-Вуазин. И такой случай вскоре представился. Анжелику навестила ее подруга мадам Скаррон.

— Вы нужны мне, Анжелика, — сообщила ей вдова. — Вы должны войти со мной. Представьте себе, что сумасшедшая де Монтеспан вбила себе в голову: ей непременно нужно идти к прорицательнице ля-Вуазин. Так мы отправимся все вместе, чтобы защитить ее от чар колдуньи.

— Вы абсолютно правы, Фелонида, — обрадовалась Анжелика.

Случай выпал как нельзя кстати! И вот, сопровождаемая двумя ангелами-хранителями, Атенаис де Монтеспан со страхом переступила порог прорицательницы, жившей теперь в красивом особняке, расположенном в окрестностях Тюильри. Разбогатев, она переехала сюда со своей старой квартиры, куда когда-то карлик Баркароль тайно но ночам приводил к ней влиятельных людей королевства. Теперь к ней ходили в открытую.

Она принимала клиентов, сидя на возвышении, обитом черной тканью, напоминающем трон. На ее накидке блестели вышитые золотые звезды. Эти атрибуты придавали загадочность ей и всему помещению.

Но в тот день прорицательница оказалась мертвецки пьяна. С самого порога женщины поняли, что гадания сегодня не будет. Однако гадалка, сойдя с трона, нетвердой походкой приблизилась к растерявшимся клиенткам. Теперь она выглядела настоящей колдуньей. Она схватила руку м-м Скаррон:

— Начнем с вас, дамочка! У вас отличия судьба. Я вижу море и ночь, а лотом солнце. Ночь — нищета, солнце — король. Он влюбится в вас, и вы забудете навеки о нищете...

— Вы ошиблись! — воскликнула огорченная Атенаис. — Это я хочу узнать, полюбит ли меня король. Вы все перепутали!..

— Не сердитесь, девочка, — запротестовала прорицательница. — Я не так пьяна и еще могу отличить судьбу двух людей. Каждому свое, не так ли? Дайте мне свою руку. О, у вас тоже солнце, но потом неудача... Король вас полюбит, но его любовь не принесет вам счастья...

— Черт бы вас побрал! — закричала мадам де Монтеспан, с яростью вырывая руку.

Между тем колдунья взяла ладонь Анжелики и поднесла ее к глазам.

— Удивительное будущее! Ночь и огонь... День и огонь... Солнце и огонь... Огонь!..

— Я хотела бы знать, выйду ли я замуж за маркиза? — тихо пробормотала Анжелика.

— Не знаю, будет ли он маркизом, чертом или дьяволом, но вижу две свадьбы. Вот те две маленькие черточки... И шесть детей... Святая Мария! А ваши связи — две, три, пять, восемь... К вам тянутся люди, как мотыльки к огню... И они горят в вашем огне...

— Молчите! — вырываясь, запротестовала Анжелика. — Не смейте...

— Подождите! — властно остановила ее прорицательница. — Огонь будет пылать в вас до конца ваших дней, он затмит даже солнце. Король-Солнце хоть и полюбит вас, но вы не будете принадлежать ему из-за своего внутреннего огня.

В карете м-м Монтеспан разошлась:

— Все басни пьяной дуры не стоят и сольди, которые ей дают. Я еще никогда не слышала подобных глупостей! Король вас полюбит, король вас полюбит... Она всем говорит одно и то же...

Подругам с трудом удалось успокоить донельзя расстроенную Атенаис.

Через неделю, туманным темным вечером, м-м де Паражонк, унылая как черная сова, пришла к Анжелике поболтать о том о сем. Выпив чашечку чая, Фелонида сообщила пикантную новость об их общей соседке м-м Гоффрей, родившей на десятый месяц после

свадьбы очаровательного мальчугана, а потом сбежавшей из Парижа со своим старым любовником.

Немного помолчав, вдова вдруг сказала:

— Да, я забыла о самом главном! Знаете, о чем сейчас все говорят? Мадам Гамильтон наконец выдает свою дочь замуж...

— Я очень рада, — заметила Анжелика. — И хоть малышка некрасива, но у нее весьма богатое приданое.

— Да, вот именно на приданое и позарился маркиз Филипп дю Плесси.

— Как, Филипп? — переспросила Анжелика.

— А вы разве ничего не слышали? — удивилась Фелонида. — Почему же маркиз не может жениться? — умная дама тонко усмехалась. — Один из моих крестьян говорит: «Деньги лежат на земле, но чтобы их собрать, нужно наклониться!» Ведь на снаряжение в последний поход он ухлопал уйму денег. За его полком шли десять мулов, нагруженных посудой, вином и разным барахлом. Его шелковая палатка была расшита так ярко, что испанцы из своих траншей стреляли по ней, как по мишени... И, кроме того, он по-крупному играет в Версале. Я знаю, что красавец-маркиз...

Анжелика не перебивала подругу, но в душе чувствовала полное отчаяние. Рушилась последняя ступенька во дворец короля. Неужели она навсегда останется простой шоколадницей, не признанной в свете? Да, ее принимали в салонах, но весьма сдержанно. А ей нужен был Версаль, блеск двора Короля-Солнца и Филипп, красавец-кузен, человек с каменным сердцем. Неужели ей суждено остаться на уровне Одиже? А ее дети так никогда и не станут настоящими дворянами?..

«Нет, мы еще поборемся!» — думала она, пока тараторила м-м Паражонк.

Огонь в камине потух, а свечи дымились от нагара. Фелонида поднялась.

— Я вижу, вы не слушаете меня, Анжелика. Ладно, я и так засиделась. Оставляю вас наедине с вашими мыслями... Лакей, сними нагар со свечей, — приказала она бывшему воришке из Двора Чудес, — и подай пальто!

Глава 38.

Признание в любви

Всю ночь Анжелика не могла сомкнуть глаз. Утром она пошла в церковь. Месса немного успокоила ее. Однако мысли о предстоящей свадьбе кузена остались.

После обеда наступило время прогулки. Садясь в карету, она еще не решила, что будет делать, но невольно спрашивала себя, почему именно сегодня она так тщательно подбирает себе туалет. Почему именно сегодня она надела новое платье цвета индийского ореха, желтых листьев, и нежной зелени? Тончайшая золотая вышивка, обрамленная жемчугом, покрывала широкий подол шитья.

Наряд был изготовлен в ателье Амессона — знаменитого портного, снабжавшего туалетами королевский двор. Сегодня мадам Марен хотела выглядеть знатной дамой. Она знала, что платье и драгоценное ожерелье подходят к цвету ее лица, несмотря на то что уже немного постарела.

Почему же Анжелика надела новое платье для прогулки по королевской аллее? Надеюсь ли она встретить неприступного маркиза дю Плесси?.. Ей стало жарко, и она расстегнула пуговицы на корсаже. Хризантема, сморщив маленький носик, удивленно смотрела на хозяйку.

— Я думаю, что сегодня натворю много глупостей, моя крошка, — обратилась она к собаке. — Но я уже не могу отказаться от своего плана. — Нет и еще раз нет! — Анжелика откинулась на спинку сиденья и обессилено закрыла глаза.

Подъехав к Тюильри, Анжелика взяла маленькое зеркальце в золотой оправе, прикрепленное цепочкой к платью, и тщательно проверила свой макияж — подчеркнутые брови и подкрашенные губы. Она не могла позволить себе большего, например освежить лицо пудрой. Ее зубы, начищенные цветочным порошком, влажно блестели. Она улыбнулась своему отражению, взяла на руки Хризантему и, оправив сборки мантильи, прошла через решетчатую дверь в сад Тюильри.

«Если сегодня Филиппа не будет здесь, я отказываюсь от борьбы», — загадала она.

Но Филипп дю Плесси уже стоял у Большого фонтана рядом с разглагольствующим принцем де Конде. Анжелика степенно приблизилась к группе блестящих кавалеров. Раз уж судьба свела ее сегодня с маркизом, она постарается довести до конца задуманное.

Стояла приятная прохладная погода. Маленький весенний дождик, выпавший утром, увлажнил песок аллеи и освежил зелень листьев.

Обычно Филипп дю Плесси предпочитал в одежде бледные тона. Но сейчас он оказался в ярко-голубом костюме с большими пуговицами и золотой вышивкой. Маркиз всегда придерживался моды и находился в первых рядах ее законодателей.

Его легкую накидку оттопыривала длинная шпага, манжеты камзола были покрыты тончайшими кружевами. Но красных каблуках его высоких сапог, обтягивающих стройные ноги, звенели золотые шпоры, а впереди, на носках, красовались шелковые банты с пряжками. В руках маркиза покачивала голубыми перьями широкополая фетровая шляпа. Гуляющие с завистью смотрели на экстравагантную одежду придворного. В своем светлом парике, ниспадающем на плечи, он бил похож на яркую заморскую птицу.

Анжелика искала взглядом малышку Гамильтон, но ее соперницы сегодня не было в Тюильри. Она облегченно вздохнула и направилась к принцу де Конде, который почтительно приветствовал ее.

— А, вот я вы, моя прелесть! — воскликнул он. — Не хотите ли сесть в мою карету и разделить со мной сегодняшнюю прогулку?

Но м-м Марен вежливо отказалась:

— Тысячу извинений, ваше высочество, но меня уже пригласил на прогулку ваш маркиз.

— Черт бы побрал всех расфуфыренных молокососов! — загремел Конде. — Сегодня вам повезло, маркиз. Выбудете гулять с одной из красивейших дам королевства!

— Сохрани меня Бог, — ответил молодой человек, не слыхавший, о какой женщине идет речь, — в этот момент он был занят собственной персоной.

— Ладно, берите ее, — недовольно пробурчал принц. — Ну и времена!.. Но на будущее знайте, что не вы один хотите слышать ее

обворожительный смех!

— Приму к сведению, монсеньор, — заверил его придворный с глубоким поклоном, подметая лазурными перьями песок дорожки.

Распрощавшись с принцем, Анжелика положила свою руку на согнутый локоть кузена, и они медленно двинулись по аллее сада.

«О чем он сейчас думает?» — спрашивала она себя, кое-как поддерживал предписанную этикетом придворную болтовню.

Как добрая супружеская пара, они прошли мимо скамейки, на которой сидели Фонтен с Расином — признанным придворным поэтом — и его приятелем Буало. До них долетели слова:

— Фазан со своей птичкой...

Анжелика поняла намек на контраст их туалетов. Спрятав лицо за веер, она состроила гримасу поэту, весело подмигнувшему ей в ответ.

«Фазан со своей птичкой. Ну да Бог с ними!..» — Она опустила глаза и с бьющимся сердцем следила за походкой Филиппа, вонзавшего точеные каблуки во влажный песок аллеи. Никто на свете не мог ходить так красиво, ни у кого не было таких стройных ног даже у самого короля. Но чтобы такое сравнение оказалось правильным и справедливым, ей нужно было увидеть его величество совсем вблизи...

А может, она будет в Версале?

Не спеша подошли они к королевской галерее. Завистливые взгляды встречных обжигали Анжелику. Придворные, конечно, рассматривали ее платье и костюм маркиза.

«Когда-нибудь они остановятся в нескольких шагах от короля, и Филипп скажет: Моя жена, маркиза дю Плесси, сир!..» — почти наяву представила себе м-м Марен, и ее тонкие пальцы сжались на руке Филиппа.

— Я так и не понял, что хотел сказать принц, — нарушил молчание молодой человек.

— Он хотел сделать вам приятное. Он любит вас, как сына, а вы его — как воина.

— Но сегодня я не рассчитывал быть тут.

Анжелика не осмелилась спросить — почему. С Филиппом так было всегда. Он весьма часто менял свои решения, и никто не спрашивал у него о причинах.

В саду было немного гуляющих. Запах леса и свежих грибов напитал воздух под кронами деревьев. Поднимаясь в карету маркиза, Анжелика обратила внимание на тонкую серебряную сетку, обтягивающую стенки экипажа почти до самых колес.

«Откуда он узнал о последней моде украшения карет?» — спрашивала она себя.

Анжелика уже знала, что маркиз залез в новые долги после сумасбродств на королевском карнавале. А может, драгоценная сетка — подарок г-на де Гамильтона будущему зятю? Никогда еще она так болезненно не переживала неразговорчивость кузена, с нетерпением ожидая возобновления беседы. Несколько раз она даже раскрывала рот, но выражение лица молодого человека обескураживало ее. Глаза Филиппа были обращены к облакам, а сам он с безразличным видом жевал мускусную пастилу и играл тростью.

«Когда мы поженимся, я отучу его от манеры молчать в присутствии дамы, — думала Анжелика. — Когда муж обладает такой дьявольской красотой, он должен и вести себя соответствующим образом».

Стало темнеть, и тени от деревьев превратились в бесформенных великанов. Кучер поинтересовался, ехать ли в Булонский лес?

— Да, — ответила Анжелика, не дожидаясь распоряжения маркиза. И так как тишина была уже нарушена, она смело продолжила: — Вы знаете, Филипп, какую глупость мне рассказали? Будто бы вы собираетесь жениться на девице Гамильтон?

Молодой человек повернул к ней голову:

— То, что вы называете глупостью, является чистой правдой, моя дорогая.

— Невозможно! Как же вы, аристократическая натура, зачинатель моды в королевстве, соглашаетесь на такой шаг? Какой шарм вы нашли в простенькой серенькой девушке?

— Меня не интересует ее красота. Приданое — вот единственное притяжение!..

«Да, де Паражонк была права, — вздохнула про себя м-м Марен. — Но если здесь основное только деньги, то все еще можно уладить...»

И, придав лицу самое обворожительное выражение, Анжелика воскликнула:

— О, Филипп, я даже не думала, что вы такой материалист!

— Материалист? — переспросил маркиз, поднимая брови с видам удивленного юнца.

— Ну, я совсем не думала, что вы такой же земной, как и все остальные люди.

— Так воспитал меня отец... Свадьбу нужно расценивать прежде всего, как вопрос денег и приданого. Что же еще?

— А как же любовь? — поразила Анжелика, для которой рассуждения кузена казались дикими, как и всякое варварство.

— Не удивляйтесь, дорогая! Я еще собираюсь наплодить ей кучу детей.

— Нет!.. Она и так сполна получит за свои деньги! Нет и еще раз нет!

— Вы не хотите, чтобы у меня были дети? — повернулся к ней пораженный Филипп.

— Дело не в детях. Просто я не хочу, кузен, чтобы она стала вашей женой.

— А почему бы ей не стать моей женой?

— О, Филипп, вы же посещаете салон Нинон... Неужели вы не поняли цели нашего разговора? Своими «почему» вы ставите меня просто в глупое положение...

Маркиз улыбнулся.

«Почему он так редко улыбается, — спрашивала себя Анжелика, считая, что только она может понять его мятущуюся душу. — Глупец-зверь... а Нинон считает, что когда узнаешь его побольше, те понимаешь, что он лучше, чем старается казаться... Он аристократ и принадлежит только королю... Нет! — вдруг уверенно решила она. — Он будет принадлежать только мне!..»

Кровь ударила в голову Анжелике. Что еще можно сделать, чтобы встряхнуть бесчувственного субъекта? Война и запах крови — вот что ему надо. Ну что ж, он захотел войны, так он получит ее во всей красе.

Анжелика нервно погладила Хризантему. Подождав немного, чтобы справиться с нервностью, она весело произнесла:

— Если дело касается денег, то женитесь на мне, Филипп. Я богата!

— Жениться на вас? — неприлично хохотнув, спросил маркиз и с презрением добавил: — Мне жениться на шоколаднице?

Анжелика вспыхнула. Филипп всегда старался изо всех сил унижить ее.

— Вам кажется, дорогой кузен, что я унижаю вас, предлагая соединить с вашей королевской кровью свою деревенскую?.. Но моя кровь так же благородна, как и ваша, а мой род даже древнее, чем род дю Плесси!

Молодой человек посмотрел на нее пустыми глазами:

— Когда-то вы уже говорили мне подобные вещи... В Монтелю, в вашем разваливающемся замке. Маленькая бестия в лохмотьях когда-то доказывала мне, что ее кровь благороднее, чем моя. Было забавно и смешно!

Анжелика вспомнила темные своды Монтелю, себя, пожирившую глазами красавца-кузена, свои холодные руки, пылающую голову и внезапную ноющую боль внизу живота. Ее молодому нежному телу страстно захотелось чего-то. От новой страсти, так стихийно возникшей в ней, она дрожала под взглядом прекрасного подростка.

Она даже вспомнила, что упала тогда в обморок и пришла в себя уже на кровати, а мать объяснила ей, что теперь она уже не девочка, а молодая девушка... и что такое будет случаться с ней каждый месяц. Филипп был причиной ее первой менструации, смущавшей ее на протяжении многих последующих лет. Да, только что он сказал, что все было забавно и смешно. Но в смешной глупости она ощущала и прелесть и сладострастие.

Глядя на маркиза, Анжелика попыталась улыбнуться. Как и в тот, много лет назад прошедший, вечер, она трепетала, перед ним.

— Филипп, женитесь на мне, — тихо повторила она. — У вас будут деньги, у меня тоже дворянская кровь. Свет быстро забудет мою коммерцию. Кстати, г-н Кольбер сказал мне, что сейчас многие дворяне занимаются коммерцией и даже торговлей... — Она замолчала, видя, что Филипп не слушает ее.

Мечтал ли он о чем-то другом иди вообще ни о чем не думал? Если бы он спросил, почему она хочет выйти замуж за него, то Анжелика крикнула бы ему в лицо, что страстно любит его и любила всю жизнь. Внезапно она поняла, что продолжает любить его такой же невинной любовью, как и в детстве. Но маркиз молчал, и, обескураженная его молчанием, она вновь заговорила:

— Поймите меня, Филипп! Я хочу вернуться в свет. Я хочу быть представленной в Версале! Я хочу... — Тут она поняла, что Филипп дю Плесси просто не замечает ее.

Помолчав, Филипп выплюнул пастилу в окошко кареты и произнес:

— Нет, дорогая моя, нет!

Анжелика поняла — его решение твердо.

— Почему вы не ответили на приветствие м-ль Монпансье? — невозмутимо поинтересовался он.

Карета покатила по аллее королевы, заполненной многочисленными экипажами. Мадам Марен придвинулась к своему окну и принялась отвечать на многочисленные приветствия, посылаемые ее знакомыми и поклонниками. Она улыбалась, хотя ей казалось, что солнце закатилось навсегда и жизнь остановилась... Филипп был рядом, а у нее не было аргументов для изменения его решения. Ее чувства и желания он растоптал своим точеным каблучком. Нельзя заставить мужчину жениться, когда он не любит и не хочет женщину и никакие интересы не связывают их обоих. Оставалось единственное средство — страх... Но какой страх может согнуть или сломить бравого воина, не боящегося кровавой войны?

— А вот и м-м де Монтеспан со своей сестрой, м-м де Танж — настоятельница женского монастыря. Приятные создания! Я думал, что она в Руане — ведь она просила своего мужа увезти ее от парижских кредиторов. Их карета обтянута восхитительным велюром. Но зачем они сделали черную окантовку? Я не люблю мрачные цвета... А Монтеспан, хотя и в трауре по матери, тем не менее танцевала вчера в Версале. Сам король пригласил ее на первый танец бала...

Анжелика сделала над собой усилие, чтобы не спросить, не означало ли внимание к Атенаис начало опалы для Лавальер? Но она не любила светских сплетен, ей было абсолютно все равно — вырастут ли рога у г-на де Монтеспан и станет ли ее подруга любовницей короля.

— Принц заметил вас, — сообщил Филипп.

Кивком головы через окно кареты ответила Анжелика на приветствие принца Конде.

— Вы являетесь единственной женщиной, которой монсеньор открыто выражает свою любезность, — улыбнулся маркиз то ли

насмешливо, то ли восхищенно. — После смерти его жены в монастыре кармелиток принц поклялся, что будет признавать с женщинами только физическую близость. Он сам сказал мне по секрету. Но кажется, он поступал так и раньше... Наш де Конде любит только командовать армией. И пока вопрос об организации новой кампании еще не решен, он отдыхает, ожидая приказа его величества.

— Какой героизм! — в свою очередь засмеялась Анжелика. — Теперь он лебезит перед королем, а было время, когда он хотел отравить сразу и короля, и его брата.

— Вы отдаете себе отчет, что говорите, мадам? Принц действительно сражался против сюзерена. Но покушаться на жизнь короля — просто сумасшествие. Вот действительно нет предела женским сплетням!

— Не стройте из себя невинного ребенка, Филипп! Вы прекрасно знаете, что заговор происходил именно в замке дю Плесси!..

На несколько секунд повисла тишина, и Анжелика поняла, что попала в цель.

— Вы с ума сошли... — негромко проговорил маркиз дрожащим голосом.

Она резко водворила на место Хризантему, пытавшуюся влезть ей на колени, и повернулась к нему. Неужели отыскалась дорога к его страху? Она видела бледное лицо, обрамленное светлым париком.

— Я была там и сама видела всех: принц де Конде, монах Экзели, герцогиня де Бофор, ваш отец и другие... Многие из них живы и без зазрения совести ездят в Версаль. А я слышала тогда, как они все продались Фуке.

— Неправда! — яростно крикнул маркиз.

Прикрыв глаза, Анжелика принялась читать на память:

— «Я, нижеподписавшийся, принц де Конде, заверяю мессира Фуке, что всегда буду верен только ему и никому другому и обязуюсь предоставить в его распоряжение мои города, укрепления, войска и все прочее по его первому требованию...»

— Замолчите! — со страхом закричал маркиз. — Молчите, заклинаю вас!

Но Анжелика твердо продолжала:

— «Подписано в замке дю Плесси де Бельер 20 сентября 1649 года», — и с наслаждением заметила, что молодой человек бледнеет с

каждой минутой все больше и больше.

— Глупо, мадам, вспоминать старые истории, все давно в прошлом. Сам король отказался бы слушать такие рассказы...

— У короля не было подлинных документов, — не унималась Анжелика, — и он пока не знает, куда может пойти предательство его придворных... — Она замолчала, чтобы приветливо раскланяться с проезжавшей мимо м-м Альбре, а потом ехидно продолжала: — А ведь не прошло еще и пяти лет, как Фуке попал в Бастилию...

— Ну, и к чему вы клоните, мадам?

— К тому, что король до сих пор не переносит особ, имевших отношения с суперинтендантом. Он их всех ненавидит!

— Но документы полностью уничтожены.

— Не все...

Филипп, сидевший против Анжелики, спиной по ходу кареты, поднялся и подсел к ней. Она подумала, что маркиз хочет поцеловать ее, но он схватил ее руку и сжал с такой силой, что побелели суставы его пальцев. От боли она закусила губу, но предпочла видеть кузена таким, а не холодным и безучастным. Под макияжем его лицо стало мертвенно-бледным, он задыхался:

— Ларец с ядом... Так это вы его украли?

— Да, я.

— Подлая тварь! — выдавил он сквозь зубы.

Анжелика отметила, что ему к лицу, когда он сердится.

— Я всегда подозревал, что вы имеете отношение к тайне. Исчезновение того проклятого ларца мучило моего отца до самой смерти. Он и сейчас у вас?

— Он всегда у меня, — твердо ответила она.

Филипп принялся беззвучно ругаться.

— Отпустите мою руку. Мне больно!

Маркиз отодвинулся, но в его глазах горел дьявольский огонь.

— Я знаю, — спокойно заметила Анжелика, — что вы сейчас собираетесь убить меня. Но у вас ничего не выйдет. После смерти мое завещание с именем предполагаемого убийцы — с вашим именем, маркиз! — через поверенного будет передано королю. И его величество узнает, где находится тайник с документами... — С гримасой боли она потеряла руку с вмятинами от ногтей кузена. — Вы

настоящий зверь, Филипп, — разгневано заявила она. Потому посмотрев в окно, Анжелика немного успокоилась.

Солнце уходило за горизонт, и его последние лучи пробивались меж листьев деревьев. Карета медленно ехала по Булонскому лесу. Было еще светло, хотя давно уже наступил вечер. Анжелика взглянула на кузена — он был бледен и недвижим, как статуя. На его лбу выступил пот.

— Мой отец честный человек... Я люблю принца... Дело нельзя так оставлять... — не обращая внимания на Анжелику, он разговаривал сам с собой. Затем маркиз спросил:

— Сколько вы хотите за документы?

— Но я не нуждаюсь в ваших деньгах!

— Чего же вы хотите, черт бы вас побрал? — в ярости воскликнул молодой человек.

— Час назад я говорила о своем желании. Я хочу, чтобы вы женились на мне.

— Никогда! — он откинулся на сиденье.

Ненавидела ли она его в том момент?

У них действительно получился вполне светский разговор. В карете было совершенно тихо. Только когда экипаж подъехал ко дворцу дю Ботрен, она поняла, что находится в Париже. На улице стало совсем темно, и она больше не видела лица кузена. Перед тем как выйти из кареты, Анжелика спросила:

— Ну, маркиз, что вы мне ответите?

Он все еще не двигался, размышлял.

— Договорились, мадам. Я женюсь на вас. Соизвольте завтра вечером посетить мой дом на улице Святого Антуана. Бранный контракт вы обсудите с моим управляющим.

Выходя из кареты, Анжелика не подала Филиппу руки для поцелуи, зная, что он отбросит ее. Поднявшись к себе, она отказалась от ужина и даже не зашла в детскую, что делала каждый вечер. Через несколько минут она опустилась в кресло в своем кабинете.

— Оставь меня, Жавотта, — приказала она служанке, явившейся, чтобы раздеть ее.

Потом м-м Марен потушила все свечи, чтобы не видеть собственных отражений в висящих зеркалах. Подойдя к окну, она оперлась на подоконник и посмотрела на звездное небо. От близких

клумб струился залах цветов. В ночном мраке ей виделся призрак Великого Хромого в железной маске.

— Ты оставил меня одну! — закричала она в исступлении. — Что мне остается делать?

Слезы текли по ее щекам. Она пыталась успокоить себя тем, что скоро станет маркизой дю Плесси де Бельер, но в ее триумфе не было радости. Душа ее была отравлена.

«То, что я сделала, — ужасно и отвратительно!..» — говорила себе Анжелика. Рыдания душили ее. То были слезы отчаяния и последние слезы во всей оставшейся жизни.

Ослабев, она прислонилась к окну, с которого кощунственная рука стерла буквы, написанные графом Жофреем де Пейраком.

Глава 39.

Интендант Молин утверждает брачный контракт

Когда вечером м-м Марен прибыла в особняк на улице Святого Антуана, в ее душе уже не осталось и следа от угрызений совести. Она гордо прошла за ворота.

— Взялся за гуж, не говори, что не дюж, — говаривал когда-то папаша Бурже.

Ее провели в большой салон, освещенный только каминным огнем. В зале никого не было. Несмотря на то что она всячески успокаивала себя, руки были холодны, а сердце билось в груди, как птица в клетке.

Дверь открылась, и маленький, скромно одетый в черное человек, приблизившись к Анжелике, почтительно приветствовал ее. Мадам Марен никогда не могла бы предположить, что интендантом земель дю Плесси окажется старый гугенот Молин. Узнав старика, она вскрикнула от радости и от всей души обняла его.

— Возможно ли, господин Молин? О, как я рада снова видеть вас!

— Вы оказываете мне большую честь, мадам, — улыбнулся он. — Прощу вас, сударыня, садитесь, пожалуйста в кресло! Так вам будет удобнее.

Сам он пристроился у огня за маленьким столиком, на котором уже стоял чернильный прибор. Пока он затачивал перо, Анжелика, удивленная его появлением, во все глаза рассматривала старика. Лицо его осталось прежним, с быстрым пронзительным взглядом. Только волосы, покрытые черной ермолкой, были теперь белы, как снег. Рядом с Молином Анжелике вдруг почудился силуэт отца, сидящего у очага и рассуждающего о будущем своего многочисленного потомства.

— Как там мой папаша?

Интендант сдул со стола обрезки пера.

— Барон в добром здравии, мадам.

— А его мулы?

— Последний сезон прошел успешно. И я думаю, что маленькая коммерция приносит удовлетворение господину барону.

Рядом с Молином Анжелика почувствовала себя вновь маленькой девочкой с развевающимися волосами. Ведь именно Молин выдал ее за графа де Пейрака. И вот он вновь появился, чтобы связать ее с Филиппом. Молин, как паук, ткавший паутину, всегда был замешан в делах ее семьи и всегда держал в руках все нити ее жизни. Не было ли тут знака, что прошлое ее связывалось с настоящим? Спокойствие родных мест и фамильных земель, забытое детство, заботливости барона-отца и великодушные интенданта Молина.

— Помните, — мечтательно спросила Анжелика. — вы были в Монтелю во время моей помолвки с графом? Тогда я вас ненавидела, но потом, именно благодаря вам, я стала так счастлива...

Старик внимательно посмотрел на нее из-под толстых очков в черепаховой оправе:

— Разве мы собирались говорить о вашей первой свадьбе, мадам? По-моему, речь должна пойти о проекте второй.

— Вы черствый человек, Молин.

— Но вы тоже жестоки, мадам, если исходить из обстоятельств, вынуждающих моего хозяина жениться на вас...

Анжелика глубоко вздохнула, продолжая в упор смотреть на интенданта. Теперь время маленькой девочки осталось далеко позади. Когда-то она с опаской смотрела на всемогущего гугенота, державшего в руках судьбу ее семьи. Сейчас она стала деловой женщиной, с которой беседовали на равных сам господин Кольбер и банкир Пенотье.

— Когда-то вы сказали, г-н Молин: «Если хочешь достигнуть своей цели, нужно чем-то жертвовать». В нашем деде, думается, я теряю значительно больше маркиза — уважение к самой себе. Но у меня есть цель!

Губы старого гугенота медленно растянулись в уважительной улыбке:

— Если мое скромное высказывание придает вам силы, то используйте его по вашему усмотрению, мадам.

Настала очередь улыбнуться Анжелике. «Я всегда договорюсь с Молином!» — мелькнула у нее уверенная мысль.

— Ладно, мадам, к делу. Господин дю Плесси объяснил мне, что ставки очень велики. Вот почему я хочу изложить несколько условий, которые вы должны, будете подписать в контракте и исполнить. Потом

вы наложите мыс свои условия. Составив общий контракт, мы прочтём его перед двумя заинтересованными сторонами. Но сначала вы должны поклясться, что знаете, где находится некий ларец, которым г-н маркиз хочет обладать. Только после такой клятвы мы начнем действовать.

— Я готова поклясться на Библии.

— Скоро придет маркиз со своим духовником. А пока углубимся в суть вещей. Вы, мадам Марен, являетесь обладателем секрета, интересующего моего хозяина, маркиза дю Плесси де Бельер. Последний согласен жениться на м-м Марен, урожденной Анжелике де Сансе де Монтелю, если она выполнит следующие условия брачного контракта: после вашей свадьбы, а иначе говоря, сразу после брачного благословения, вы должны будете в присутствии двух свидетелей — г-на аббата и меня, вашего слуги, — отдать некий ларец, в котором содержатся документы, касающиеся г-на маркиза. Кроме того, г-н маркиз желает свободно распоряжаться воем вашим состоянием.

— Извините, г-н Молин, — живо возразила Анжелика. — Маркиз сможет распоряжаться моими деньгами, я сама назначу ему годовую ренту. Но я останусь единственной хозяйкой своих предприятий. Мне слишком дорого обошлось мое состояние, и я не хочу в один прекрасный день оказаться у разбитого корыта, пусть даже и с титулом маркизы. Я знаю, как бросаются деньгами знатные вельможи!

Молин зачеркнул несколько строчек в бумаге и дописал новый абзац. Затем он отложил перо и попросил Анжелику рассказать ему о ее предприятиях и торговых делах.

Без всякого жеманства она в общих чертах обрисовала свое теперешнее положение, очень довольная тем, что может утереть нос старой лисе, ссылаясь на людей, могущих подтвердить ее слова. Вращаясь в деловом мире коммерсантов, она уже давно поняла, что цену имеют только свидетели и бумаги.

Лицо старика выражало искреннее восхищение, когда она рассказывала об организованной ею Индийской компании.

— Думаю, что сейчас я неплохо разбираюсь в коммерческих вопросах, — заявила она.

— Вижу, — кивнул старик, — что ваши финансовые операции верны и разумны. Но я не знаю, какой капитал вы имели сначала.

Анжелика нервно засмеялась:

— Сначала у меня не было абсолютно ничего. Бедность, окружавшая нас в Монтелю, была раем по сравнению с нищетой, заступившей после смерти графа Жофрея де Пейрака...

Имя графа отчетливо прозвучало в тишине большого салона. Собеседники замолчали. Анжелика взяла полено и кинула его в огонь затухавшего камина.

— А теперь я сообщу вам подробности о руднике, где все еще добывают серебро, — заговорил старик спокойным голосом. — Он сыграл большую роль, поддерживая вашу семью в последние годы. Вы и ваши дети могут распорядиться им. Рудник не был конфискован во время процесса. По счастью, он не попался на глаза алчным контролерам. Когда-то он был вашим приданным и с тех пор остался цел и невредим...

— Мессир Молин, — улыбаясь, заметила Анжелика, — вы способны служить сразу нескольким хозяевам.

— О нет, мадам, — запротестовал интендант. — У меня нет нескольких хозяев. У меня может быть несколько дел.

— Я уловила нюанс, метр Молин. Мы сейчас говорим о деле дю Плесси де Бельер. Я готова обсудить ренту, необходимую маркизу. Взамен я хочу, чтобы была свадьба, после которой я стану маркизой дю Плесси. Я хочу быть полноправной хозяйкой всех земель и поместий, принадлежащих в настоящее время маркизу, моему будущему мужу. Я желаю также быть представленной всем его родственникам и знакомым в качестве законной супруги и чтобы мои сыновья могли считать родным домом замок их деда. Короче, я хочу быть в курсе всех дел маркиза дю Плесси.

— Да, мадам, я все записал. Но, честно говоря, дела маркиза плохи, они вис не обрадуют. Я не хочу скрывать, что мой хозяин в невероятных долгах. У него, правда, сохранились собственный особняк в Париже и два подаренных королем замка — в Турине и в Пуату. Но земли вокруг замков неплодородны.

— Вероятно, вы уделяете недостаточно внимания поместьям хозяина, — с шутивным укором заметила Анжелика.

— Увы, мадам, сам г-н Кольбер, работающий по пятнадцати часов в сутки, не в состоянии справиться с расточительностью короля и привести в порядок его финансы. Мой хозяин, как и его величество,

разбазаривает направо и налево наследство, полученное от умершего отца. Король, правда, дарит ему выгодные должности и привилегии, но маркиз старается тут же перепродать их, чтобы заплатить карточный долг или купить новый экипаж... Нет, мадам, хозяйство дю Плесси не представляет для меня интереса. Я занимаюсь им по привычке и из сентиментальности...

Некоторое время слышались только скрип пера и потрескивание поленьев в камине.

«Если я стану маркизой дю Плесси, — мелькнуло в голове Анжелики, — Молин, естественно, станет моим интендантом. Забавно, я никогда не могла бы предположить такого. Конечно, он постарается сунуть нос в мои дела, тут следует быть поосторожней. Но, в принципе, ситуация не так уж и плоха, — я буду иметь хорошего советчика...»

— Мадам, могу ли я предложить вам еще одно условие для соглашения?

— Для моей выгоды или для выгоды вашего хозяина?

— Исключительно для вашей выгоды, мадам.

— Я думала, что здесь вы представляете интересы маркиза.

Не отвечая, старик улыбнулся и снял очки. Потом он, опершись на ручки кресла, внимательно посмотрел на Анжелику таким же умным взглядом, как десять лет назад.

— Анжелика, дочь моя. Я давно знаю вас и буду говорить с вами, в качестве вашего отца. Я считаю, что получится великолепно, если вы выйдете замуж за моего хозяина. Откровенно говоря, я не думал, что снова увижу вас. Но вы здесь, вопреки всякой логике, и мой хозяин женится на вас... Я не знаю, что толкает его на такой союз, но хочу, чтобы брак оказался удачным — и в интересах моего хозяина, и в ваших, мадам, и, наконец, в моих собственных, потому что счастье хозяина — счастье всех его слуг.

— Я согласна с вами, метр Молин. Но какое же дополнительное условие вы хотите внести в свадебный контракт?

— Вы, конечно, хотите устроить пышную свадьбу, мадам. А как насчет расходов?

— Расходов? — повторила Анжелика, раскрывая глаза, как монашенка, только что вышедшая из строгого монастыря.

— Бог мой, мадам! Но я все-таки надеюсь, что вы поймете, о чем я хочу сказать.

— Да, я понимаю... Но вы меня удивляете! Очевидно, выйдя замуж за маркиза, я стану...

— Господин маркиз хочет устроить тайное бракосочетание. Удивлю я вас или нет, но скажу, что чувство, которое мой хозяин питает к вам, весьма далеко от того, что называют любовью. Он ненавидит вас!

— Я все знаю, — пробормотала Анжелика. Злость наполнила ее сердце, и она нервно воскликнула: — Пусть он меня не любит! Мне плевать! Мне нужны его имя и титул, остальное меня уже не интересует. Он может ненавидеть меня и спать с проститутками. Мне все равно, я не собираюсь бегать за ним!..

— Мадам, — перебил ее Молин. — В данный момент ваша позиция сильна. Но после свадьбы вам нужно будет изменить подход к Филиппу. И если вы не найдете пути к его сердцу, то будете очень и очень несчастны.

Лицо молодой женщины окаменело.

— Я уже была несчастна, Молин, и мне не хотелось бы начинать все сначала.

— Вот я и предлагаю вам второй вариант защиты. Послушайте, Анжелика, я слишком стар, чтобы лицемерить. После заключения брака у вас не останется над ним власти. Он овладеет всем, ларец и деньги окажутся в его руках. Любовь для него не существует. Вы должны будете приручить его.

Анжелика была смущена. Она не предполагала услышать такие слова из уст старого гугенота. Молин оказался человеком, обладающим всей земной мудростью. Раньше его интересовала только материальная сторона.

Молин, конечно, был прав. Она бессильна против безразличия к ней маркиза, против его холодного спокойствия. Но она была уверена, что после свадьбы ей удастся покорить его. Когда женщина держит мужчину в объятиях, она очень сильна, и мужчина подчиняется ей. Но наступает время, когда ее власть проходит. Умная женщина должна использовать мгновения, когда мужчина получает наивысшее удовольствие. Она знала: тело Филиппа соединится с ее телом и его губы сольются с ее влажными губами — и вот тогда она станет самой

искусной из любовниц всего мира. Они будут вместе наслаждаться любовью, которая восторжествует и навсегда соединит их души.

Поймав ее блуждающий взор, Молин угадал, о чем она думает, и улыбнулся:

— Вы, мадам, достаточно обольстительны, чтобы выиграть такую сложную партию. Конечно, мой хозяин знает женщин, для него, они бездушные, отвратительные существа. Вы слышали, о его оргиях в Дижоне. У него дикие рефлексy, воспитанные войной и насилием... Он любит женщину, так, будто захватывает в атаке траншею или протыкает шпагой живот ненавистного противника. Он создает зло и боль.

— Молин, вы говорите ужасные вещи!

— Я не хочу вас пугать, мадам! Я только предупреждаю. Вы тоже знатного рода, но другого воспитания — скромного и святого. Вы не знаете, как воспитывают молодых дворян богатые родители, вращающиеся в свете. С детства они являются игрушкой служанок и лакеев, а потом знатных: сеньоров, которым они служат в качестве пажей. В итальянском трактате о любви, который им преподают...

— О, замолчите, Молин, я вас умоляю!..

— Так могу ли я вписать в контракт?..

— Вписывайте все, что хотите! Я... — Анжелика смолкла, так как отворились двери и в темноте появился силуэт маркиза.

Он был одет в белый атласный костюм и выглядел, как заснеженный человек. Его великолепный парик был усыпан золотыми блестками и сверкал в пламени камина. Казалось, молодой человек собрался на бал. Он приветствовал Анжелику подчеркнuto равнодушно.

— Молин, а какой стадии находятся переговоры? — спросил он.

— В общих чертах мадам согласна с предложенными вами условиями.

— А вы, мадам, клянетесь, что знаете, где находится ларец?

— Да, клянусь!

— Подойдите сюда, господин Шаретт.

Духовник, длинный и темный силуэт которого маячил за маркизой, подошел к столу. Анжелика поклялась на распятии, что сразу же после свадьбы она вручит мужу злосчастный ларец. Потом Молин объявил величину ренты, ежегодно выплачиваемой мадам

Марен своему мужу, и назвал сумму, необходимую для погашения наиболее срочных долгов.

— Хорошо, Молин, — зевнул маркиз. — Постарайтесь быстрее закончить тягостную процедуру.

Интендант кашлянул и потер руки:

— Еще одно условие, г-н маркиз, которое м-м Марен, здесь присутствующая, заставила меня вписать в контракт. Вот оно: «Финансовые дела решаются после свадьбы».

Маркиз, немного подумав, согласился:

— О да, конечно! Предел ее мечтаний. Цинизм, соединенный с бесстыдством. Дайте-ка мне прочесть весь текст... — Он быстро пробежал глазами строки договора. — Так вы хотите сказать, Молин, что я должен на людях говорить, что осчастливил ложе упомянутой персоны? Что я нарушил невинность проститутки с двумя детьми, переспавшей со всеми финансистами королевства? Да я стану похожим на идиота Лонжина, которого обязали перед десятью членами суда засвидетельствовать свою половую силу!.. Предупредила ли м-м Марен счастливых свидетелей, которые будут присутствовать на церемонии?

Молин развел руками.

— Почему условие совместной жизни повергло вас в такое состояние, г-н маркиз? Оно действительно важно и для вас, и для вашей будущей супруги. Если вы откажетесь выполнять обычные супружеские обязанности, ваша жена сможет повести против вас дорогой и весьма комичный процесс и добиться расторжения брака. Я принадлежу к реформистской религии, а господин аббат — убежденный католик. Так вот, несоблюдение упомянутого условия может привести к аннулированию брака. Это признают обе церкви. Не так ли, господин аббат?

— Так точно, господин Молин. У всех христиан в свадьбе заключается одна цель — произведение на свет потомства.

Намек интенданта был понятен только Анжелике, хорошо знавшей старую лису. Сейчас он хотел угодить сразу обоим — и хозяину, и его будущей жене.

— А вы, г-н маркиз, — продолжал старик, — для собственного же блага должны срочно сделать себе наследника. Такое решение проблемы будет самым лучшим из всех возможных.

Филипп повернулся к Анжелике, державшейся во время разговора очень кротко. Она подняла на жениха прекрасные бирюзовые глаза. Жестокость в его лице поневоле заставила ее вздрогнуть.

— Ладно, — медленно произнес маркиз, и зловещая улыбка появилась на его губах. — Мы постараемся, мы постараемся...

Глава 40.

Странные намеки Молина о смерти графа де Пейрака

— Вы заставили меня сыграть отвратительную роль, о которой я даже я не подозревала, — обратилась к Молину Анжелика.

— Когда достается отвратительная роль, мадам, не следует быть щепетильной, а только удерживать выбранные позиции.

В черной ермолке, с плавными жестами сухих рук, он стоял перед Анжеликой, как живой отголосок прошлого.

— Я снова обретаю старых знакомых, — проговорила она, глядя вдаль и стараясь избавиться от мысли, что Филипп абсолютно равнодушен к ней.

Они ждали, когда карета м-м Марен развернется и приблизится к подъезду.

Вдруг Молин, отрешенно смотревший на ясное звездное небо, тихо произнес:

— Я до сих пор не могу понять, как мог умереть такой человек!

— Кого вы имеете в виду, Молин?

— Господина графа де Пейрака, мадам.

Душа Анжелики сжалась в комок. Затем ее взгляд устремился к далеким ярким звездам.

— Вы считаете, что он меня осудит, если я выйду замуж за Филиппа?

Старик молчал, не слушая ее.

— Как мог погибнуть такой человек? — снова повторил он, не отвечая на вопрос.

— А может, король вовремя опомнился?.. — нервно схватила его за руку Анжелика. — Может быть, вы что-то знаете?

— Я слышал, что в самый последний момент король все-таки простил его.

Она уныло опустила голову:

— Увы, я своими глазами видела, как он сгорел на костре на Гревской площади.

— Ну что же, мадам, тогда предадим умерших вечному упокоению, — произнес Молин, перекрестившись. — Да восторжествует жизнь, мадам!

По дороге домой Анжелика, прижав руки к груди, продолжала думать о муже:

— Где ты, Жофрей?.. Почему свет того костра и через пять лет все еще стоит передо мною? Если ты на земле, вернись ко мне!.. — и она едва подавила рыдание, рвущееся из ее растерзанного сердца.

Карета остановилась возле ее особняка. Распростившись со старым гугенотом и приказав кучеру отвезти его домой, Анжелика вошла во двор и по дорожке направилась к парадному входу. В кромешной тьме она, как в собственной жизни, пробиралась на ощупь. Кого она боялась — Филиппа или Жофрея, живого или мертвого? Нестерпимая тоска переполняла ей грудь, и неопределенность томила пылающее сердце.

В ярко освещенном вестибюле особняка дю Ботрен к ней подбежали Кантор и Флоримон, одетые в одинаковые розовые костюмчики с белыми кружевными воротничками. На их головах красовались шляпы с розовыми перьями, небольшие шпаги в ножнах висели на перевязях. Вместе с ними находились неразлучные собаки... Какими они стали серьезными — бывшие ангелочки Двора Чудес. С какой важностью они носили свои детские шпаги! Но по сравнению с Филиппом или с признаком графа де Пейрака, они были слабыми и беспомощными.

«Да здравствует жизнь!» — сказал, расставаясь с ней, старый гугенот.

Да, теперь вся жизнь Анжелики будет посвящена ее детям. Именно для них, для детей, в конечном итоге, она собирается продолжать борьбу за место под солнцем и отыскивать свой собственный путь к счастью.

Да поможет ей Бог!

Глава 41.

Лица давно минувших дней

Мрачные мысли, мучившие Анжелику последнее время, остались незамеченными ее близкими, друзьями и знакомыми. Никогда еще она не казалась такой прекрасной, обольстительно и уверенной в себе. Улыбкой встречала она все разговоры о своей будущей свадьбе и о внезапно обнаружившемся аристократическом происхождении.

— Мадам Марен?.. Прекрасная шоколадница? Какая-то де Сансе де Монтелю?!

Ее семья никогда не пользовалась известностью при дворе. Но вот уже несколько лет фамилия Сансе мелькала в дворцовой хронике. Был в моде старший сын борона Сансе де Монтелю — иезуит Раймонд. К нему не осталась равнодушной даже мать короля, Анна Австрийская. У великого иезуита с огненными глазами и бархатным голосом мечтали получить благословение все светские дамы.

В принципе, имя м-м Марен было скандально в обществе, и весть о том, что она родная сестра иезуита, поразила всех. Сначала сплетням никто не поверил, но вот однажды, на приеме у маркизы де Монтеспан, вдруг все увидели, что иезуит, поцеловав м-м Марен, долго и дружески беседовал с ней.

Именно к Раймонду направилась. Анжелика на следующий день после встречи с Молином. Она знала, что брат может дать ей дельный совет, как держать себя в дальнейшем.

Не прошло и недели, как натянутость отношений между м-м Марен к обитателями квартала дю Марэ оказалась разорванной навсегда.

Все говорили о ней и ее сестре, прекраснейшей Мари-Агнессе де Сансе, грация и изящество которой вот уже два года восхищали короля.

«Во всяком случае, двор скоро привыкнет и ко второй Сансе!» — говорили дворцовые сплетницы.

Ее ум и репутация считались безупречными. Никто не вспоминал ни других ее братьев и сестер, ни ее первую свадьбу, ни то, что она продавала шоколад. Придворные старались забыть все. Где-то в

кулуарах еще шушукались самые зловредные, но постепенно умолкли и они. Кроме де Гиша, все ее враги прикусили языки, так как маркиз Филипп дю Плесси был фаворитом его величества. Де Вард сидел в Бастилии по делу об убийстве маленького продавца вафельных трубочек, усугублявшегося еще и его участием в истерии с испанским письмом. По всему было видно, что король и не собирается выпускать его.

Вода лилась на мельницу Анжелики. Мадемуазель де Монпансье даже прослезилась, признав Анжелику: «Будьте счастливы, моя дорогая!» — пожелала она, целуя вновь обретенную подругу. А что касается маркизы де Монтеспан, смутно помнившей прошлое Анжелики, то ей не давали покоя собственные интриги. Маркиза была даже довольна, что м-м Марен скоро появится при дворе, потому что ценила ее смелость.

— С нудной Луизой де Лавальер и вечно хнычущей королевой нашему двору не хватает задора, — говорила она.

Да и сам король после траура по умершей матери был рад повеселиться. Его озабоченность как рукой сняло, когда бы он увидел обаятельную веселую даму.

— Темперамент м-м Марен поможет расцвести нашей Атенаис де Монтеспан. Две красавицы затмят весь двор, — шептались в салонах.

Атенаис дала Анжелике тысячу советов в отношении туалетов, драгоценностей и комплиментов, принятых в Версале. Вдова Скаррон, надеясь, что Анжелика пригодится ей в будущем, тоже всячески помогала ей.

Прошлое отодвинулось далеко. И однажды вечером Анжелика, посмотрев еще раз на нож Родогона и на золотой браслет, украденный на Новом мосту, сказала себе:

— Я видела сон. Он больше не повторится. Теперь ей виделась новая жизнь в Версале. Она, дворянка, Анжелика де Сансе де Монтелю, скоро выйдет замуж за маркиза Филиппа дю Плесси Бельер. После этого решения она перестала думать о прошлом. Осталась единственная цель — выйти замуж и стать маркизой дю Плесси де Бельер.

Глава 42.

Упреки метрдотеля Одиже

Однажды утром, когда Анжелика сидела за туалетным столиком в своем будуаре, ей доложили, что пришел г-н Одиже, метрдотель графини де Суассон. Сначала она хотела надеть платье, но, передумав, осталась в пеньюаре. Знатная дама могла свободно принимать гостей в таком наряде, это вполне допускалось этикетом.

Когда появился Одиже, она пудрила пуховкой себе лицо и грудь. В большом овальном зеркале она хорошо видела своего визитера.

Молодой человек, немного растерявшись от роскоши, в нерешительности остановился.

Он носил простую одежду среднего буржуа. Выражение его лица предвещало начало сцены ревности.

— О, входите, дорогой Одиже, садитесь на табурет поближе ко мне. Мы так давно не виделись, хотя дела идут хорошо благодаря нашему бравому Марсиаццо.

— Да, мадам, я тоже давно вас не видел. И вы продолжаете делать глупости? Ходят слухи, что вы выходите замуж за маркиза Филиппа дю Плесси...

— Не слухи, а чистая правда, друг мой, — небрежно ответила Анжелика, снимая лишнюю пудру с лебединой шеи. — Маркиз — мой кузен, и, честно говоря, я давно влюблена в него.

— Следовательно, вы осуществили свою мечту? Ну что ж, я давно понял, что не подхожу вам. Вам нужен дворянский титул?

— Но я сама урожденная дворянка! Милый Одиже, я оставалась дворянкой, даже обслуживая клиентов в таверне папаши Бурже. Вы, наверное, просто не знали, что меня зовут Анжеликой де Сансе де Монтелю?

Лицо дворецкого напряглось, он покраснел.

«Он сейчас лопнет от злости!» — подумала Анжелика серебряную расческу на край столика. Ей надоели сцены Одиже. Должна ли она перед Версалем выслушивать дурацкие упреки какого-то метрдотеля?.. Но, посмотрев в его честные, преданные глаза, она поднялась с кресла:

— Дорогой друг!..

— Я вам больше не друг! Упаси меня Бог быть вашим другом, — голос его повысился и задрожал. — О, как я заблуждался! Вы были для меня иллюзией, несбыточной мечтой. Вы — моя жена? Несчастный идиот! Да вы — воплощение всего вашего мира продажности и разврата, вы просто бездушная шлюха!

Он быстро шагнул к ней и, схватив за талию, повалил на диван. Задыхаясь от волнения, он попытался снять с нее пеньюар.

Первой реакцией Анжелики было встать на дыбы и позвать прислугу. Но через мгновение она решила не сопротивляться.

Видя, что женщина не двигается и не зовет на помощь, молодой человек понял, что находится в смешном положении.

— Почему же вы не сопротивляетесь? — спросил он, задыхаясь от волнения.

Она смотрела на него. Никогда еще лицо Одиже не было так близко. Она видела его растерянность.

— Вы были хорошим компаньоном, Одиже, но из вас никогда не получится настоящего любовника. Если хотите — берите меня, я не возражаю. Я же должна платить долг по счету!

Одиже не мог вымолвить ни слова. Постепенно смысл ее слов, равносильных пощечине, дошел до его сознания. Он видел прелестные ножки, ощущал интимный запах ее тела. Нет, перед ним находилась не женщина, а бездушная кукла! Вскочив, он, пятясь, начал выходить из будуара, как замороженный глядя на распростертую Анжелику. Она не двигалась, продолжая лежать на диване, сдернутый им пеньюар обнажил красивую грудь. Он посмотрел на ее длинные ноги с маленькими ступнями, обутыми в позолоченные башмачки, и глубоко вздохнул:

— Я буду помнить вас всю жизнь! Прощайте, мадам, я не хочу от вас подачки. Я хотел истинной любви! — И повернувшись, Одиже выскочил за дверь.

Некоторое время Анжелика не двигалась, размышляя о случившемся, а потом поднялась и осмотрела свой туалет. Тонкие голландские кружева оказались порванными.

— Черт бы побрал всех мужланов! — зло выругалась она.

Переодеваясь, она вспоминала, как хотела быть с Одиже на мельнице Жавель. Но теперь обстоятельства изменились: если в те дни

он был богаче, то сейчас она находи дасть на целую ступень выше метрдотеля и по средствам, и по социальному положению, ибо высший свет уже готов был принять ее в свой круг.

Она снова села перед зеркалом. Нинон Ланкло однажды правильно высказалась: «Единственная неприятность в любви заключается в том, что часы наших желаний не всегда бьют в одно и то же время».

Утром следующего дня она получила послание от Одиже. Он предлагал ей явиться в контору для проверки счетов и векселей. Не откладывая и не противясь, она поехала к нему в контору. Метрдотель ждал ее. Он был одет в дорожный костюм и высокие сапоги. Спокойный и выдержанный, он не позволил себе ни малейшего намека на происшедшее накануне.

— Извините, мадам, но, так как я уезжаю, мы должны проверить счета и наличность.

— Как, мессир, вы уезжаете?

— Да, мадам. Я уезжаю, и надолго.

С помощью управляющего Марсиаццо они быстро проверили счета, машины, запасы какао и пряностей. Потом молодой человек, вежливо поклонившись, пожелал ей здоровья и вышел, а вскоре Анжелика услышала стук копыт его лошади. Она вдруг поняла, что никогда больше не увидит Одиже. И она сказала себе:

— Может, оно и к лучшему. Такова жизнь!

Приготовления к свадьбе захватили ее. Образ Одиже постепенно стирался в памяти и вскоре померк навсегда.

Глава 43.

Прощай, Дегре!

Закончив деловое письмо в Ля-Рошель, запечатав конверт, Анжелика оделась и вышла из дома. Неподалеку находилась шоколадница — маленькое элегантное кафе, где подавали только горячий шоколад. В зале сидело много народа, так как дождь выгнал всех клиентов из открытой садовой беседки.

Почти все столы были заняты. Аромат шоколада и жареного миндаля приятно щекотал нос. Запах пропитал насквозь даже ее маленький кабинет, где уже несколько лет с гусиным пером в руне Анжелики трудилась над бесчисленными накладными.

Она приоткрыла дверь в зал, чтобы взглянуть на клиентов. Когда она станет маркизой дю Плесси — мечтала Анжелика — то будет приходить сюда со своими поклонниками дегустировать шоколад. Очень забавно, нечто вроде веселого реванша за все труды.

Большие зеркала в полосатых рамах отражали оживленный зал, но не такой, как в кабаках. Шоколад — спокойный напиток, после него не встают на дыбы, как от вина.

Вдруг неподалеку от себя она заметила мужчину, одиноко сидящего за чашкой дымящегося шоколада. Он методично клал в рот одну фисташку за другой и, казалось, о чем-то сосредоточенно размышлял.

— Боже мой, это же Дегре! — обрадовалась Анжелика, увидя знакомые черты полицейского.

Между безразличием будущего мужа и ревнивыми упреками Одиже Дегре оставался почти единственным человеком, которому она могла безбоязненно довериться. И она осторожно подкралась сзади к его столику.

— Кажется, все вас покинули, метр Дегре? — сказала она ему на ухо. — Могу ли я заменить вам ту, которую вы ждете?

Полицейский поднял глаза, сразу же узнал Анжелику и дружески улыбнулся:

— Нет ничего лучшего, мадам, как посидеть рядом с хозяйкой восхитительного заведения, даже если она в маске!

Анжелика села рядом с ним, приказав негритенку-официанту принести ей шоколад.

— Кого вы пришли ловить здесь, господин Дегре? Злобного бандита или памфлетиста?

— Нет, мадам. Дьявола в женском образе. Иначе говоря, убийцу-отравительницу.

«О, я знаю одну!» — вспомнила Анжелика сестру лейтенанта полиции.

— А когда мне потребуются сведения, я допрошу вас, мадам, — продолжал полицейский. — Я уверен, что вы охотно дадите мне их.

— Что вы скажете о налитке? — с лукавством в голосе спросила она, пробуя шоколад, который только что принес ей негритенок Том.

— Прекрасный напиток, мадам! По делам службы я бываю во многих заведениях. Но ваше — просто чудо. Здесь отдыхаешь и телом, и душой.

Вдруг в зал вошла группа дам и богато одетых вельмож. В их числе был маркиз дю Плесси. Столик, за которым сидела она вместе с Дегре, находился в углу, и к тому же она была, в маске и могла не опасаться быть узнанной маркизом. Она показала Дегре на Филиппа:

— Видите дворянина в голубом костюме? Так вот, я выхожу за него замуж.

— А-а-а... Тот самый кузен, сыгравший с вами алую шутку в таверне «Красная Маска?»

— Да. Что вы скажете?

— О свадьбе или о кузене?

— И о том, и о другом.

— Свадьба — вообще дело деликатное, друг мой, — заметил Дегре тоном ученого проповедника. — А что касается вашего кузена, то он, по-моему, не ваш тип мужчины.

— Но ведь он так красив!

— Красота и обманывает вас, мадам. Ведь в мужчинах вы любите не их внешность, как обычные женщины. Ум, смелость и одержимость — вот что вам нужно. Да, вы именно такая, мадам! И не смотрите на меня так сердито через маску! Я бы еще добавил, что, чем больше мужчина выделяется какими-то своими особыми качествами из общего стада, тем больше вы считаете его своим хозяином. Вот, по-моему, вы любите оригинальные мятежные натуры, а не простых смертных — и

ваша любовь потому всегда кончается печально... Но ваш кузен не стоит вас! Так говорю вам я, человек, который знает всю вашу жизнь. А если он даже полюбит вас, вы рискуете многим!..

— Но он меня и не любит!

— Тем лучше, вы заставите его полюбить себя. Кстати, держу пари, что в любви он жесток, как деспот. Не он ли был все-таки в компании Филиппа Орлеанского, брата нашего короля? Вы не ответили мне...

— Ну ладно, хватит. Я не люблю, когда так говорят о Филиппе. Слушайте, Дегре, я стесняюсь задать вам нескромный вопрос...

— Не стесняйтесь, пожалуйста, мадам.

— Как вы думаете, может ли такой мужчина, как Филипп, иметь своих детей?

— Если судить по тому, как он сложен, то у него есть все, чтобы сделать женщину счастливой. Но, по-моему, у него нет сердца. И когда он умрет, его сердце останется таким же холодным, как и при жизни. Но я вижу, вы уже решили вкусить его красоту. Что же, попробуйте, и не жалеете ни о чем... Ну ладно, я покидаю вас, — Он поднялся и поцеловал ей руку. — Досадно, что не пришла моя отравительница. Благодарю вас за компанию!

Полицейский неторопливо пошел к выходу. Отчаяние сжало сердце Анжелики. «Я вас покидаю», — сказал Дегре...

И она с ужасом поняла, что в том обществе, где она будет вращаться — при королевском дворе, в Версале, Лувре и Сен-Жермене, — она больше никогда не встретит ни Дегре, ни его Сорбонну. Они постепенно исчезнут из ее памяти, как служащие, клерки и продавцы — весь мелкий люд, с которым она имела дело и который крутится вокруг сильных мира сего, в то время как последние, не замечают этих людей, полицейского... Так?

— Почему вы ищете ссоры, Дегре?

— Пока существует мир, никто не сможет объяснить капризы женского сердца, его любовь и страсть, — философски заметил он и нежно прижал ее к себе.

— Вы единственный мой друг, — быстро заговорила Анжелика, — скажите мне, вы, человек, знающий все. Разве я была недостойна своего бывшего мужа? Он был человеком с большой буквы, он так любил жизнь! О, Дегре, может, мне лучше умереть? Но я боюсь

смерти... Скажите, если он снова придет, он не осудит меня? Если он вернется...

— Не ломайте себе голову, мой ангел, — ответил он. — Если он придет... Как я могу судить? Но я думаю, если он вернется, то возьмет вас на руки и будет любить до тех пор, пока вы не попросите пощады. А потом вы найдете на земле укромный уголок и станете дожидаться золотой свадьбы... Успокойтесь, моя радость, и идите своей дорогой.

— Я никак не могу отделаться от мысли, что он когда-нибудь вернется. Мне говорили, что на Гревской площади сожгли не его.

— Не слушайте глупые рассказы! Люди всегда создают легенды вокруг необычных людей. Он умер, поверьте мне, и не терзайте себе душу. Смотрите в будущее и скорей выходите замуж за своего кузена!

— Мне ужасно грустно... Поцелуйте меня!

— О, женщины! — пробурчал полицейский. — Сначала они клянутся в любви, потом просят поцеловать их, а потом изменяют... Действительно, они человеческое отродье!..

Он по-мужски ваял ее за талию, затем его руки скользнули дальше, под руки, где ощущалось интимное тепло тела молодой женщины.

— Вы чертовски аппетитны, не отрицаю, — продолжал он, — но у меня дела, дорогая.

Все еще прижимая Анжелику к себе, он страстно поцеловал ее в губы, а затем медленно отнял руки, задержав их на миг на ее груди.

— Не сердитесь и иногда вспоминайте меня, Дегре. Я вам очень признательна!

— Вот и ладно! Прощайте, Маркиза Ангелов, желаю вам счастья!
— Он удалился в ночь, весело насвистывая.

Глава 44.

Возвращение в Пуату

Еще в Париже Филипп сообщил Анжелике, что их свадьба состоится в дю Плесси. Вероятно, он не хотел большой огласки предстоящей церемонии. Его решение устраивало Анжелику, давая ей возможность найти злосчастный ларец без хлопот и не привлекая к себе лишнего внимания.

Иногда ей становилось не по себе при мысли, что ларец мог исчезнуть из маленькой башенки замка. Не нашел ли его там кто-нибудь? Но, в принципе, такое было просто невозможно. Никто не мог додуматься пройти по карнизу и заглянуть внутрь башенки.

Она знала, что в последние годы в замке дю Плесси не велось никаких реставрационных работ, и у нее были все шансы найти ларец на старом месте. Во время свадьбы она должна будет по условию брачного контракта передать его маркизу.

Приготовления к отъезду в Пуату оказались весьма оживленными. С Анжеликой ехали дети, Барба, Легкая Нога, слуги, собаки, обезьянка и попугай. Понадобились две большие кареты, чтобы разместить людей, багаж и животных.

Филипп должен был добираться до замка самостоятельно. Казалось, его совсем не интересовала предстоящая свадьба. Он продолжал посещать праздники и увеселения в Версале и Лувре. Когда его собутыльники во время очередной попойки провозглашали тост за его будущую женитьбу, он пожимал плечами, хмурился и как бы невзначай бросал:

— Ах да, действительно...

За последнюю неделю Анжелика видела его всего лишь один раз. В маленьких записках, пересылаемых через Молина, маркиз передавал ей свои распоряжения.

Она исполняла все его указания. «Но в будущем я обломаю упрямого молокососа, — думала она. — Хотя платить придется дорого!..»

Она не слишком навредила ему, разбив свадьбу с малышкой Гамильтон, дав понять, что если он станет действовать по-другому, то

оба окажутся в проигрыше. По-видимому, маркиз хорошо понял ситуацию.

Огорченная и расстроенная тем, что не видит своего жениха, Анжелика убеждала себя, что не следует много думать о нем, но обида все же застряла в сердце, как острый шип. И чем больше она раздумывала о своем будущем, тем больше страшилась его.

Понадобилось целых три дня, чтобы покрыть расстояние от Парижа до Пуату. Дороги, размытые весенними дождями, были ужасны, но все обошлось, если не считать поломки оси у одной из карет. Ось быстро заменили, и наутро экипаж двинулся в Монтелю. Анжелика испытывала истинное наслаждение, проезжая по земле, на которой прошло ее детство. Она едва удержалась, чтобы не выскочить из кареты. Но дети были усталые и грязные, и она подавила свое желание.

Преыдущую ночь они провели в придорожной таверне, кишевшую крысами и клопами, но их ожидал комфорт в замке дю Плесси.

Вдыхая родной аромат чистого воздуха и радостно обнимая за плечи сыновей, Анжелика спрашивала себя, как можно жить в таком большом и страшном городе, как Париж? Всю дорогу она рассказывала детям о Монтелю и сколько у них будет возможности порезвиться на свободе. И вот наконец в дымке показались стены белого замка, стоящего на берегу красивого пруда. Ей, привыкшей в Париже к громадным дворцам и особнякам, замок показался маленьким и убогим. Несмотря на то что семейство дю Плесси бросило свое провинциальное владение на произвол судьбы, замок, благодаря стараниям Молина, оказался в приличном состоянии.

За неделю до их приезда он предупредил слуг, что приедет хозяин. И в замке был наведен порядок. Через открытые окна в комнату вливались сельские ароматы, перемешиваясь с запахами мебели и старинных ковров.

Да, в дю Плесси Анжелика не испытала особого удовольствия. В замке она чувствовала себя скованно. И потом она так устала за долгую и нудную дорогу, что ей было не до веселья. Она была довольна лишь тем, что теперь ее дети смогут спокойно развиваться на лоне природы. И когда она увидела их за столом, вымытых, одетых в

чистые костюмчики и уплетающих за обе щеки деревенские пироги, сердце ее немножко оттаяло.

Покормив детей, она прошла в комнату, где когда-то отдыхал принц Конде. Два лакея принесли горячую воду и наполнили до краев глубокую дубовую ванну. Она заговорила с ними на диалекте Пуату. Лакеи раскрыли рты от изумления, услышав, что знатная дама изъясняется на их языке. Оки и не догадывались, что в детстве она свободно владела им.

— Так вы не узнаете меня? Ведь я Анжелика де Сансе де Монтелю. А ты, Гийо, разве не помнишь меня? Ты же из деревни Моби, что неподалеку от Монтелю...

Гийо, с которым она вместе воровала спелые вишни в деревенских садах, застенчиво улыбнулся:

— Так вы, мадам, невеста нашего хозяина?

— Ты прав, Гийо.

— О, как хорошо! Все хотят знать, кто же будет нашей новой хозяйкой в замке.

Анжелика удивилась, что прислуга оказалась не в курсе дел и что все считали ее уже законной женой хозяина.

— Жаль, мадам, что вы не справляете свадьбу здесь в дю Плесси. Мы бы сделали для вас все, как надо, по закону...

Слегка растерявшись, Анжелика не нашлась, что ответить простаку Гийо.

— Да, у нас уже была свадьба в Париже, — подтвердила она, боясь попасть впросак. — Но тут тоже будет торжество, не волнуйтесь!

«Маркиз навел на плетень густую тень, — задумалась она. — Но с какой целью?»

Отпустив лакеев, Анжелика поторопила Жавотту с купанием. После ванны, облачившись в просторный шелковый халат, она вышла на середину комнаты и остановилась, внимательно разглядывая все вокруг. Меблировка в комнате за десть лет несколько не изменилась и давно уже устарела и вышла из моды. Мебель была громоздкая, из черного дерева. Широкую кровать вместо простых ножек поддерживали колонны, украшенные вычурной резьбой.

Молодая женщина направилась к окну и распахнула его. Она опешила, увидев, как узок карниз, ведущий по стене дома к башенке,

где уже много лет лежал ларец.

«Я стала толстой и теперь не смогу сама дойти до башенки», — поняла Анжелика.

Окружающие до сих пор восторгались ее стройным телом, но сегодня она поняла всю неумолимость времени. Она уже лишилась той легкости и гибкости, которыми обладала в детстве. И, поразмыслив, решила позвать Жавотту.

— Ты легкая и тоненькая, — обратилась она к девушке. — Постарайся пройти по карнизу до той башенки. Не бойся и не упади!

— Хорошо, мадам, — согласилась Жавотта, стараясь угодить хозяйке. — Я совсем не боюсь!

С замиранием сердца Анжелика следила через окно за действиями девушки. Когда Жавотта добралась до башенки, она спросила:

— Видишь ли ты что-нибудь внутри?

— Да, мадам. Я вижу что-то черное. Наверное, там лежит коробка. Достать ее?

Анжелика на мгновение закрыла глаза.

— Слушай меня, девочка. Осторожно возьми коробку в руки и принеси ее мне.

В следующую минуту она держала ларец монаха Эскили. Грязная корка пыли покрывала его, но благодаря тому что ларец был изготовлен из драгоценного сандалового дерева, ни насекомые, ни плесень не смогли проникнуть внутрь.

— А теперь иди, — тихо приказала Анжелика, — и не болтай никому о том, что ты сделала сейчас. Если ты удержишь язык за зубами, я подарю тебе новое платье и чепчик.

— Как можно, мадам! — воскликнула обиженно служанка. — И потом я даже не знаю языка, на котором здесь говорят..

Поклонившись, Жавотта отправилась в комнату для слуг, а Анжелика поставила ларец на стол, протерла его и нажала пружину запора. Крышка откинулась с громким треском, так как петли замка заржавели. На пожелтевших от времени листках бумаги с текстом клятвы лежала ампула изумрудного цвета с ядом, предназначенным для королевской семьи. Посмотрев несколько минут на ампулу и на бумаги, она закрыла ларец и поставила его на прежнее место в секретере, откуда пятнадцать лет назад она так легкомысленно взяла его.

В день свадьбы она обменяет ларец со всем его содержимым на обручальное кольцо.

— Если бы я знала, — произнесла она, тяжело вздохнув и спрятав ключ за корсаж.

Потом она снова огляделась вокруг. Да, эта комната принесла ей много несчастий, но разве могла тринадцатилетняя девочка звать, что попадет в такую историю?

После ее необдуманной кражи граф де Пейрак был осужден, а их счастливая жизнь разбита... Думы Анжелики были прерваны криками сыновей. Нужно было торопиться. Переодевшись, она вышла из замка. Ее уже ждала старая открытая коляска, в которой сидели дети и Барба. Она забралась на место кучера, взяла вожжи, стегнула лошадей и весело сказала:

— В Монтелю, друзья мои!

Через полчаса они уже ехали по своей земле, по владениям барона де Сансе де Монтелю. Солнце освещало зеленые луга, где паслись мулы. Осушенные болота до неузнаваемости преобразили здешний пейзаж.

Их старый замок совсем не изменился. Барон, несмотря на успехи в разведении мулов, не проводил никаких реставрационных работ, и посетители попадали в замок так же, как и много лет назад — через огромную кухню, всегда наполненную запахом лука и чеснока и паром кипящего супа.

Зайдя на кухню, Анжелика сразу увидела за столом отца. Тут же находилась кормилица, чистившая овощи. Она почти не изменилась — только у нее не осталось зубов, а голые растрепанные волосы придавали лицу темный землистый оттенок.

Анжелике показалось, что и отец и кормилица не слишком обрадовались ее приезду — как будто встретили давно забытого человека, пришедшего с того света. Мысленно они, конечно, уже похоронили ее.

Появление Кантора и Флоримона несколько сгладило общую сдержанность. Прижав детей к груди, кормилица расплакалась, и уже через три минуты щеки мальчиков были красными от нее поцелуев, а руки полны яблок и орехов. Кантор, вскарабкавшись на стол, без стеснения спел весь свой репертуар.

— А как же привидение Монтелю? — шутливо спросила кормилицу Анжелика. — Навещает вас?

— С тех пор как Жан-Мари уехал в колледж, оно больше не появлялось, — очень серьезно ответила кормилица. — Я думаю, что оно отправилось искать мальчика и охранять его.

В полутемном салоне тетушка Марта продолжала ткать свой ковер.

— Она ничего не слышит и слегка помешалась, — спокойно объяснил барон.

Но старуха внимательно посмотрела на Анжелику и спросила глухим голосом:

— Хромой тоже приехал? А я почему-то думала, что его сожгли...

Это был единственный намек в Монтелю на ее первую свадьбу. Родные, видимо, предпочитали оставить в тени некоторые эпизоды ее прошлой жизни. Барон не задавал никаких вопросов. Его дети приезжали и уезжали, и многое просто перепуталось в его голове. Он говорил о Денисе, о Жане-Мари и совсем позабыл про Ортанс. Но самым главным в его рассказе были, конечно, мулы!

Пройдясь по замку, Анжелика нашла его таким же жалким и убогим, как и много лет назад. Тут абсолютно ничего не изменилось.

Дети чинно сидели на кухне, слушая рассказы кормилицы. Они уже хорошо поужинали и хотели бы остаться ночевать, но мать собрала их и повезла назад в дю Плесси, потому что хотела встретить маркиза.

Но Филипп так и не приехал, и на следующий день она одна снова отправилась к отцу. Они вместе объехали все их давние владения. Погода стояла великолепная, и Анжелике хотелось петь от восторга.

Когда прогулка закончилась, барон остановил лошадей, глубоко вздохнул и сказал:

— Ну вот ты и вернулась, девочка моя.

Его глаза увлажнились, голос дрогнул. Неожиданно смутившись, Анжелика ответила:

— Да, отец. Теперь мы будем часто видеться. Вы знаете, что скоро состоится моя свадьба с Филиппом дю Плесси де Бельер?

— Как состоится? — поразился барон. — Но мне сообщили, что свадьба была в Париже!

Молодая женщина твердо сжала губы.

«Каковы замыслы Филиппа? Он везде распространил слухи, что брак уже заключен. Интересно, какую же цель он преследовал?»

Попрощавшись с отцом и еще раз взглянув на старый замок, она помчалась в дю Плесси.

Глава 45.

Анжелика защищает своих детей от Филиппа дю Плесси де Бельер

По дороге в дю Плесси Анжелика почувствовала смутное беспокойство. Ее сердце забилося еще сильнее, когда она увидела во дворе элегантный экипаж маркиза.

Подбежавший лакей сообщил ей, что маркиз прибыл два часа назад. Быстрыми шагами она направилась к замку. Поднимаясь по лестнице, она вдруг слышала душераздирающие вопли своих детей.

«Почему Флоримон и Кантор так кричат? — пронеслось у нее в голове. — Деревенский воздух делает их просто неугомонными. Нужно будет как следует отругать их, чтобы их будущий отчим не думал, что они невоспитанные дети...» Подойдя к детской, она снова слышала крик Кантора и дикий собачий лай. Открыв дверь, она, как вкопанная, застыла на пороге.

Около пылающего камина стояли, прижавшись друг к другу, Флоримон и Кантор и их атаковали три огромных пса, черные, как исчадия ада. Их страшные морды, с которых капала лена, были обращены в сторону детей. Они дико лаяли и рычали, Филипп еле удерживал в руках поводки. Плач и испуг детей, казалось, забавляли его.

На мраморном полу в луже крови лежал труп Портоса — любимой собаки мальчиков, погибшей, должно быть, в неравном бою, защищая своих юных хозяев. Личико Кантора было залито слезами, А Флоримон, бледный, как смерть, стоял впереди брата, обнажив свою детскую шпагу и направив ее к пастьям собак.

Не долго думая, Анжелика схватила тяжелую табуретку и с силой запустила ее в собачьи морды. Когда псы, завизжав от боли, отпрянули, она бросилась к детям и обняла их. Мальчики вцепились в материнский подол, и Кантор сразу же перестал плакать.

— Филипп, разве можно так пугать малышей! — воскликнула Анжелика. — Они же могли упасть в камин. Посмотрите, Кантор уже обжег себе руку...

Молодой человек обратил на нее холодные жестокие глаза.

— Ваши дети трусливы, как куры, — произнес он тягучим монотонным голосом.

«Он просто пьян!» — поняла Анжелика.

В комнату влетела растерянная Барба. Запыхавшись, она сложила руки на пышной груди, чтобы как-то успокоить взволнованное сердце. Ее глаза перебежали от Анжелики к Филиппу и остановились на трупке Портоса.

— Да извинит меня мадам, — залепетала она. — Я пошла за молоком для детей, оставив их на попечение Флино. Я не думала...

— Ничего страшного не произошло, — успокоила ее Анжелика. — Дети просто пока еще не привыкли к таким собакам. Но это необходимо! Когда они вырастут, то будут охотиться на оленей в своих лесах, как настоящие дворяне. Так что пусть привыкают!

Но будущие дворяне со страхом смотрели на присмиривших собак и молчали.

— Вы маленькие трусишки! — ласково укорила их мать. — Нельзя так пугаться!

Маркиз стоял, широко расставив ноги, обтянутые коричневыми панталонами, и безразлично смотрел на мать и детей. Потом, стегнув кнутом собак, вышел из детской. Барба быстро закрыла за ним дверь.

— Флино нашел меня, — быстро зашептала она. — Господин маркиз выгнал его из комнаты. Не хотел ли он затравить наших детей собаками, мадам?

— Не говори глупостей, Барба! Маркиз не привык к детям... Он хотел... ну, скажем, просто поиграть!..

— Ох, здесь игры ни при чем! Я-то знаю, до чего это может довести. Я помню беднягу, который дорого заплатил за такие игры... — всхлипывая, продолжала Барба.

Анжелика вздрогнула, — тоже вспомнив Дино, убитого в таверне «Красная Маска». И разве не было там Филиппа? Хоть он и не принимал непосредственного участия в насилии, но был абсолютно равнодушен к жестоким забавам остальных...

Дети понемногу успокоились, и Анжелика пошла к себе. Она села у зеркала и, взяв расческу, принялась поправлять волосы.

«Что происходило в замке? Филипп был явно пьян. Что он мог натворить в таком состоянии? — подумала она и тут же вспомнила

слова Мари-Агнессы: — Грубый и неотесанный солдафон, жестокий и неискренний хам. Если он мстит женщине, то не брезгует ничем...»

— И все же он не посмел бы убить моих детей! — вслух произнесла она, бросая расческу на подзеркальный столик.

Открылась дверь, и на пороге появился Филипп. Он зло посмотрел на Анжелику.

— Ларец у вас, мадам? — спросил он глухо.

— Да. Но вы его получите только после свадьбы, как обусловлено нашим контрактом.

— Ладно. Свадьба будет сегодня-вечером.

— Вот сегодня вечером вы его и получите, — и, протягивая руку, она попыталась улыбнуться. — Филипп, мы еще не здоровались...

— Не вижу, необходимости в таких церемониях, — отрезал он, яростно хлопая дверью.

Анжелика кусала губы. Да, действительно, такого человека нелегко задобрить. Почему-то ей припомнился совет Молина: «Постарайтесь покорить его чувства здравым смыслом».

Теперь она сомневалась в своей победе. Она не чувствовала в себе силы открыто бороться с ним — может, потому, что любила его с самого детства. И, кроме того, она никогда не видела, чтобы ее близость как-то возбуждала красавца-кузена. Он всегда оставался полностью безразличным к ней.

«Филипп сказал, что свадьба состоится вечером. Но как же мой отец? Ведь он даже не предупрежден!» — растерялась она.

Ее невеселые раздумья прервал робкий стук. Открыв дверь, она увидела своих крошек. Они держались за руки и боязливо оглядывались вокруг. Флоримон держал в руках обезьянку Пикколо.

— Мама, — начал он дрожащим голосом. — Мы хотели бы уехать к деду. Мы здесь боимся...

— Такие слова не должен произносить даже мальчик, если он носит шпагу, — строго заявила Анжелика. — Разве вы действительно трусы, как заметил тут ваш будущий отчим?

— Но господин маркиз уже убил Портоса. Теперь он может убить нашего Пикколо.

Кантор начал молча плакать, и слезы бусинками покатались по его розовым щекам. Анжелика не смогла вынести такое испытание.

Глупо или прискорбно — но ее дети боялись. Раньше, находясь в башне Несль, они никогда не пугались, а сейчас... Она задумалась.

— Ну хорошо. Вы поедете с Барбой в Монтелю. Только ведите себя у деда как следует. Обещайте мне оба!

— Дед обещал покатать меня на муле, — сразу успокоился Кантор.

— А мне даст лошадь, — заявил Флоримон.

Сборы были недолгими. Уже через час Анжелика отправила детей с Барбой и всем гардеробом. «В Монтелю достаточно места, чтобы приютить их», — подумала она.

Прислуга, казалось, тоже обрадовалась переселению. Появление хозяина принесло в белый нарядный замок атмосферу скованности и напряженности. Молодой красавец, играющий роль благодетеля при дворе Людовика XIV, в своих владениях был абсолютным деспотом. Барба тихо пробормотала:

— Мы не можем оставить вас одну, мадам, с этим... с этим человеком.

— С каким человеком? — удивленно спросила Анжелика. — Ты забыла, милая Барба, в каких переделках мы с тобой побивали? Вспомни, что я смогу постоять за себя!

Она горячо расцеловала служанку в пухлые щеки, но сердце ее онемело от предчувствия чего-то страшного. Попрощавшись с детьми и сделав последние распоряжения, она захлопнула дверцу кареты.

— Ну, с Богом!

Звякнули колокольчики, экипаж помчался по мощеной дороге в сторону Монтелю и через пару минут скрылся за поворотом.

Глава 46.

Кошмар первой брачной ночи в замке дю Плесси де Бельер

Когда звуки колокольчиков смолкли в вечерней тиши, Анжелика медленным шагом направилась к замку. Она понемногу успокоилась. Теперь ее дети будут под родной крышей Монтелю. Замок казался пустым и враждебным, несмотря на красивую архитектуру и статуи богов и богинь у входа.

В вестибюле лакей доложил Анжелике, что ужин подан в столовом зале. Она вошла в зал. На столе красовались два прибора, рядом стояли два кресла. Подумав, она села в ближайшее кресло.

Вслед за ней вошел маркиз и, не говоря ни слова, уселся в другое кресло. Они остались вдвоем, и только два лакея прислуживали им. Принесли холодные закуски, вина и горячее.

Через открытые окна можно было видеть, как туманная ночь скрывает окрестности и большой двор замка. Анжелика, решив поначалу, что не притронется ни к чему, к своему удивлению, поела с большим аппетитом. Она отметила, что Филипп много пил, но вино делало маркиза еще более холодным и безразличным. Его холодный взгляд пронизывал Анжелику.

Он поднялся, отказавшись от десерта, и ей ничего не оставалось, как последовать за женихом в соседний салон. Там она увидела Молина, священника и старую крестьянку, как она узнала позже — кормилицу ее кузена.

— Все ли готово, отец мой? — спросил молодой человек у аббата.

— Да, господин маркиз.

— Тогда пойдемте в часовню.

Анжелика вздрогнула. Неужели ее свадьба пройдет так мрачно? Она запротестовала:

— Как, Филипп, вы настаиваете, чтобы наша свадьба состоялась немедленно?

— Да, я настаиваю, — насмешливо ответил он. — Мы уже подписали контракт в Париже. Нас благословит священник, и мы обменяемся кольцами для Бога. Остальное излишне...

Она тоскливо посмотрела на свидетелей грустной сцены. Единственный канделябр в морщинистых руках кормилицы скудно освещал странных свидетелей.

На дворе стояла безлунная ночь. Прислуга отсутствовала. Если бы здесь не было старого Молина, любившего ее, в чем была уверена Анжелика, как свою родную дочь, она предположила бы, что попала в ловушку, подстроенную маркизом. Она взгляделась в глаза Молина, но тот опустил голову, как всегда делал в присутствии кого-либо из рода дю Плесси. Что оставалось делать? И она безропотно покорилась.

Две восковые свечи не могли осветить большую часовню, разгоняя по углам сырой полумрак. Какой-то крестьянин, одетый в ризу, готовил святую воду. Анжелика и Филипп сели на приготовленные для них молитвенные скамеечки. Священник, встав перед ними, размеренным голосом начал ритуал:

— Филипп дю Плесси де Бельер, согласны ли вы взять в жены Анжелику де Сансе?

— Да, — скрипнул зубами маркиз.

— Анжелика де Сансе де Монтелю, согласны ли вы выйти замуж за Филиппа дю Плесси.

— Да, — ответила она и протянула руку кузену, чтобы тот надел ей кольцо на палец.

Ей вдруг вспомнилась свадьба в Тулузском соборе. В тот день она не так боялась, как теперь. Воспоминания вдруг сдавили ей грудь. Одуревший от вина Филипп не смог сразу надеть ей кольцо. Но наконец всё кончилось.

— Отныне вы муж и жена, — объявил аббат.

— Теперь ваша очередь, мадам, — улыбнулся одними губами Филипп.

Анжелика поняла намек мужа и повела свидетелей в свою комнату. Достав из секретера ларец, она открыла его и передала маркизу. Пламя свечей отразилось на стеклянной ампуле. Филипп прикрыл глаза рукой.

— Да, да, именно тот самый потерянный ларец, — прошептал он, глядя заворочено на желтые листки бумаги, лежавшие под ампулой.

Священник и Молин подписали бумагу, где говорилось, что они были свидетелями передачи ларца маркизу дю Плесси в соответствии и требованием брачного контракта. Затем свидетели удалились вслед

за старухой, освещавшей им путь. Анжелика еле сдержалась, чтобы не вернуть Молина, — ее обуял панический страх. С трудом совладав с собой, она поклялась припомнить кузену такую свадьбу.

Она украдкой взглянула на мужа. Каждый раз, видя Филиппа, она очаровывалась его мужской красотой.

Филипп наклонился к ларцу. Его тонкий профиль, орлиный нос и длинные ресницы освещались светом догорающей свечи. Сейчас он был даже красивее, чем обычно. Увидев, что он неуверенной рукой берет стеклянную ампулу, она быстро сказала:

— Осторожно. Филипп! Монах Эскили предупреждал, что одной капли яда хватит, чтобы убить человека...

— Да? — В глазах молодого человека засветилась необузданная ярость.

Он все еще крутил ампулу в руке. По его глазам Анжелика поняла, что он может бросить яд прямо ей в лицо. Парализованная страхом, она продолжала пристально смотреть на него. Засмеявшись, маркиз положил ампулу на место и, закрыв ларец, подошел к ней. Не говоря ни слова, он схватил ее за руку и выволок из комнаты.

В замке было тихо и мрачно. Рука Филиппа так сильно сжимала пальцы Анжелики, что она чувствовала в них биение пульса. Но она, естественно, предпочитала такую боль ощущению капель яда на своем лице...

В имении дю Плесси маркиз являлся полным хозяином. Таким он был и в военных походах, когда сбрасывал маску галантного придворного мечтателя, превращаясь в дикого варвара.

Молча они спустились по лестнице и вышли в сад. Подойдя к мраморной набережной, маркиз грубо толкнул Анжелику к лодке. Она шагнула в качающееся суденышко и уселась на задней скамейке. Филипп отвязал веревку, взял весла и направил лодку к центру пруда. Было тихо. Слышались только легкие всплески от весел, задевавших за лилии.

На самой середине пруда, где вода казалась совсем черной, маркиз бросил весла. Берег и белый замок почти растворились в дымке тумана, ключьями стлавшегося по воде. Потом Филипп поднял ларец, исчезновение которого уже много лет преследовало всю его семью и решительно бросил его в воду.

Ларец мгновенно исчез, мелкие волны, вызванные его падением, быстро успокоились. Филипп торжествующе посмотрел на жену, и она вздрогнула, заметив что-то звериное в его взгляде. Качаясь, он прошел по дну лодки и сел рядом с ней на заднюю скамью. Медленно, со свойственной ему аристократичностью, он опустил руки на горло молодой женщины.

— А теперь я задушу вас, красотка, — произнес он вполголоса, вы отправитесь на дно следом за своим проклятым ларцом...

Анжелика не двигалась. Сумасшедший или просто пьяный, но он мог спокойно убить ее. Она была в его власти и не могла ни плакать, ни звать на помощь. Тогда она опустила голову на его плечо, как бы повинуюсь судьбе. Своим лбом она почувствовала небритую щеку соблазнительного жестокого мужчины. Луна спряталась за тучи, ларец был уже на дне, и, казалось, сама природа приготовилась к последнему акту человеческой комедии. «Неужели маркиза дю Плесси Бельер так глупо погибнет от руки собственного молодого мужа?»

Вдруг она услышала его прерывистое дыхание и увидела перекошенное от гнева лицо.

— Черт бы вас побрал! — прохрипел он. — Ничем нельзя унижить вашу гордость или заставить позвать на помощь... Ну подождите, вы у меня попляшете! Я заставлю вас молить о пощаде! — И, грубо отстранив ее от себя, он схватил весла и погнал лодку к берегу.

Очувтившись на причале, Анжелика почувствовала дикое желание убежать и спрятаться. Она была в панике. Мысли ее путались, и сильно болела шея.

Филипп следил за ее движениями, и его взгляд мрачнел все больше и больше. «Она не такая, как все, — думал он, — ни слез, ни криков. Женщина — дьяволица!»

Она вела себя вызывающе, абсолютно не боясь его. Так кто же она? Все женщины лицемерны, бесхарактерны. Они стремятся сначала обласкать, а потом обвести вокруг пальца. Они никогда не властвовали над ним...

Дворянина он мог бы вызвать на дуэль, простолюдина — наказать палкой. Но женщина! Какую месть можно придумать для нее?

Да, он знал, как мстить обманщицам и лицемеркам. Он наслаждался болью, страданиями и мольбой о пощаде тех девок, которых насиловал на поле боя, а потом отдавал на растерзание своим

солдатам. Так мстил он женщинам за все унижения, которые испытал от них в юности. Но как отомстить своей собственной жене? Воплощению всей женской хитрости, изворотливости, лжи и лицемерия, колдунье с бирюзовыми глазами? Причем он даже не догадывался, что Анжелика в душе плакала от страха.

Но если она не боится его, значит, она достойная противница. Схватив ее за руку, он потащил Анжелику в замок.

Поднимаясь с ним по лестнице, Анжелика увидела, как он мимоходом снял со стены длинный хлыст, предназначенный для охотничьих собак. Задержавшись на ступеньке, она тихо предложила:

— Расстанемся здесь, Филипп! Мне кажется, вы пьяны сейчас. Поговорим завтра.

— Нет, мадам, — саркастически ответил он. — Я же должен выполнить свои супружеские обязанности. Я хочу отбить у вас охоту к шантажу, которым вы занимались последнее время. Не забывайте, что отныне я ваш хозяин и по закону имею над вами всю власть.

Она хотела вырваться, но Филипп, отодвинувшись в сторону, вытянул ее хлыстом наотмашь, как бьют норовистую непослушную собаку. У нее даже вырвался крик из груди — но не от боли, а от удивления.

— Вы с ума сошли, Филипп?

— Вы попросите у меня извинения за то, что вы сделали со мной?
— прошипел он.

— Нет!

Втолкнув ее в комнату, он закрыл дверь и принялся бить ее кнутом. Тут он был специалистом, не зря ему был присвоен титул Первого Егермейстера Франции!

Закрыв лицо руками, Анжелика прижалась к стене. Каждый удар заставлял ее вздрагивать. От боли она кусала губы. Упрямство постепенно покидало ее, и наконец, не выдержав боли, она воскликнула:

— Довольно, Филипп! Я прошу прощения!

На мгновение он задержал руку, готовую к новому удару, крайне удивленный столь легкой победой.

— Да, я прошу у вас прощения, — повторила Анжелика. — Я действительно была неправа по отношению к вам!

Маркиз стоял в нерешительности, не зная, куда деть руку с поднятым хлыстом. «Опять она победила, подкупив мою злость!» — пронеслось в его разгоряченном мозгу.

Искренний тон женщины смутил его. Да, она оказалась совсем не такой, как лживые парижские шлюхи. И вдруг в его воображении встала маленькая худенькая девочка, Баронесса Унылого Платья, как он ее назвал.

В лунном свете, соперничавшим с ярким пламенем свечей, вид белоснежных плеч Анжелики, ее твердая грудь и бирюзовые глаза вдруг возбудили в нем дикое желание.

Еще ни одна женщина на свете так не возбуждала его. И желание — он сразу это почувствовал! — оказалось совсем не слепым и звериным, какое он испытывал прежде...

Может, он полюбил? Полюбил первый раз в жизни? Он сразу понял, что с Анжеликой он познает новое, неведомое сладострастие. И тут же он разозлился на себя: «Я становлюсь тряпкой!..» — хотя одновременно помимо воли он представил себе, как целует ее губы, шею, высокую упругую грудь, ее плоть...

Резким движением маркиз отбросил хлыст и быстро стащил с себя камзол. У него оказался торс античного героя, через кружевную рубашку просвечивало его мускулистое тело, руки были напряжены, как перед боем.

Он подошел к ней и неловко припая губами к ее шее — как раз в том месте, где хлыст оставил на коже багровую полосу. От дикой боли Анжелика отскочила в сторону.

— Нет, никогда!..

Ее крик в его сознании превратился в тысячу криков, как на поле боя. Значит, женщина оказалась такой же, как и все другие, как все проклятое женское племя!..

И, подняв кулак, он сильно ударил ее в лицо. Анжелика зашаталась и отлетела к стене. Теперь ей оставалось только одно средство для защиты — ударить его коленом в пах, как учила ее ля-Поляк во Дворе Чудес.

Маркиз никогда еще не встречал знатных дам, защищавшихся таким образом. Ситуация на мгновение показалась ему смешной и экстравагантной. Но в следующую секунду он подумал: «Неужели она

считает, что я отступлю? Если я не овладею ее телом сегодня, то завтра она покорит меня!..»

От боли и злости он скрипел зубами, у него появилось желание победить врага. И, грубо схватив ее за шею, он изо всех сил ударил Анжелику головой о стену.

Почти теряя сознание, Анжелика рухнула на пол. Мелькнула мысль, что в таверне «Красная Маска» именно он пытался изнасиловать ее на столе. С ней боролся зверь! Она чувствовала, как обезумевший Филипп рвет на ней платье. Тяжесть его тела придавила ее к каменному полу. «Лучше бы он задушил меня в лодке!» — подумала она и, сопротивляясь насильнику, простонала:

— Пощади, Филипп!.. Пощади!..

Он ответил невнятным рычанием. В нем бок о бок существовали два человека: один — благородный, а другой — жестокий, злой, развратный, ненавидящий все живое. Жестокостью была и единственная форма любви, которая удовлетворяла его. Самую большую радость он испытывал, когда перед ним находилась поверженная добыча, жертва в предсмертной агонии.

Охватившее желание сделало его твердым, как железо. Разорвав остатки платья, он навалился на женщину. Анжелика лежала под ним обнаженная и окровавленная, как только что подбитая лань...

Из груди Филиппа вырвались рыдания. Приподнявшись на локтях, он дрожал, глядя на дело рук своих.

«Где же я? — с ужасом подумал он. — Что же со мной случилось?..»

Мир стал для него мраком, все потухло, тьма и ужас окружили его, любовь к жизни померкла навсегда. Он сам убил в себе сокровенное воспоминание о маленькой девочке, пальцы которой когда-то лежали в его руке, единственное воспоминание, иногда приходившее к нему в грезах.

Анжелика открыла глаза, руки и ноги ее были в крови. Филипп поднялся с пола, тронул ее носком сапога и насмешливо спросил:

— Надеюсь, вы удовлетворены, мадам? И спокойной ночи, маркиза дю Плесси де Бельер!..

Она слышала, как он удалялся, натыкаясь на мебель. Она опять закрыла глаза и забылась, теряя сознание. Она лежала на каменном

полу своей комнаты, не чувствуя холода и боли во всем своем истерзанном теле, не имея сил добраться до кровати или позвать на помощь. Она начала бредить.

Глава 47.

Анжелика не считает себя побежденной

Первый раз в жизни Анжелика испытала такой позор. Она была разбита и унижена. У нее даже появилось детское желание заплакать... Вдруг, как-то неожиданно, возникло воспоминание о первой свадьбе под небом Тулузы. И сразу ей показалось, что к ее изголовью наклонился граф де Пейрак.

«Раненая мышка...» — проговорил он, и в его голосе не было жалости. Он начал истерически смеяться, и то был смех человека, увидевшего истерзанное тело любимой женщины. «Вот почему я любила его, — спокойно и отрешенно подумала Анжелика. — Он был человеком высшей степени совершенства, его изуродованное лицо ничего не значило. Он был умен, мужествен и прост...»

Она навсегда потеряла графа де Пейрака. Но не предала ли она его второй свадьбой?

Анжелика стала думать о смерти, о потустороннем мире, а потом вспомнила слова Дегре, сказанные им при расставании:

«Не думайте о пепле, развеянном по ветру. Каждый раз, когда вы вспомните о нем, вы захотите собственной смерти...»

И вот, следуя совету Дегре, она отодвинула мысли о смерти в самый дальний закуток своего сознания.

— Надо успокоиться! — приказала она себе. — Молин предупреждал, что сначала мне может быть очень плохо. Нужно перетерпеть!

Голова ее была в огне. Она не знала, как избавиться от нестерпимой боли во всем теле. Луч луны, падавший в окно, вдруг превратился в поэта Клода ле Пти в его неизменной остроконечной шляпе. Он грустно улыбался, и она тихонько позвала:

— Клод, милый, помоги мне!..

Но поэт уже исчез. Теперь ей слышались лай Сорбонны и звонкие шаги Дегре. Но и они растворились в темноте. Она бредила...

Анжелика очнулась, хотя знала, что не спала, и прислушалась. Лесная тишь обволокла невидимой глухой пеленой белоснежный замок дю Плесси. Откуда-то доносились уханье ночной совы и вой

шакалов, наполняя еще большей таинственностью стены старого замка.

Едва передвигаясь на подгибающихся ногах, она добралась до своей постели и, преодолевая боль, опустилась на нее. Позор душил ее, ей не хотелось жить.

Однако утром пришло новое решение, более практичное, чем самоубийство. Что ж, ей не повезло в первой брачной ночи, но зато она стала маркизой дю Плесси де Бельер.

Обходясь без помощи Жавотты, Анжелика немного привела себя в порядок, переделалась и густо напудрила лицо и шею. Потом она спустилась на двор и узнала, что маркиз еще до рассвета уехал в Париж, где собирался весь двор, готовящийся к большому летнему празднику в Версале.

У мадам дю Плесси кровь вскипела от гнева. Неужели Филипп думает, что его жена будет сидеть дома в деревне, пока он будет развлекаться в Версале?.. Так не пойдет!

Через четыре часа карета, запряженная четырьмя сильными лошадьми, уже мчалась по мощеной дороге Пуату. Несмотря на усталость и отвратительное самочувствие, маркиза дю Плесси, непреклонная в своем решении, ехала в Париж.

Не смея показаться на глаза Молину, она оставила ему письмо, в котором поручала ему заботу о детях, Барбе и кормилице. С дедом, Молином и Барбой дети будут, как у Христа за пазухой.

В Париже она сразу же направилась к своей подруге, Нинон де Ланкло. Знаменитая куртизанка вот уже три месяца была верна герцогу Гассельньеру. Сейчас герцог был при дворе.

Двое суток мадам дю Плесси пролежала в кровати с мазями и компрессами на израненном теле. Нинон она сказала, что якобы по дороге попала в аварию и разбилась вместе с каретой.

Куртизанку недаром считали одной из проницательнейших женщин Парижа. Не задавая лишних вопросов, она умело делала свое дело, приводя в порядок Анжелику. Мимоходом она сообщила, что день назад видела Филиппа, направлявшегося в Версаль. Там во дворце готовилась большая программа развлечений — прогулки, комедии, балет и фейерверк. Было много приглашенных, а не попавшие в королевский список, кусали себе локти. Сидя у изголовья

Анжелики, Нинон уверяла ее, что несколько дней покоя помогут ей приобрести цвет лица, какой нужен в Версале.

Здесь, в своем доме, в квартале дю Марэ, Нинон де Ланкло являлась королевой, а не придворной дамой. Ей передавали, что король достаточно часто говорил:

— А что сказала бы по такому поводу наша красотка Нинон?

Ее скандальная репутация не разрешала появляться во дворце на официальных балах.

— Когда вы будете в Версале, милая, — говорила она Анжелике, — не забывайте меня!

Она не завидовала подруге, а радовалась за нее. Она действительно была мудрой.

Через несколько дней все синяки и раны на коже Анжелики прошли. И она собралась ехать в Версаль.

— Благословите меня, попросила она Нинон, садясь в карету. — Пожелайте мне...

— Все будет хорошо, не волнуйтесь! — на прощанье сказала куртизанка.

Глава 48.

Маркиза дю Плесси де Бельер предстает перед королем Франции Людовиком XIV

21 июня 1666 года маркиза дю Плесси де Бельер находилась на пути в Версаль. У нее не было именного приглашения, но зато имелось большее — решимость женщины.

Карета была обита изнутри зеленым бархатом. Занавески на окошках скрывали маркизу от посторонних взглядов. Колеса экипажа были позолочены, дверцы украшал фамильный герб дю Плесси, а две серые лошади с красными султанами на головах, дополняли ансамбль.

Анжелика была одета в пепельно-зеленое платье из парчи с вытканными на нем серебряными цветами, жемчужное ожерелье обвивало ее шею и, опускаясь, заканчивалось чуть ниже соблазнительной груди. Золотистые волосы украшала жемчужная диадема, а высокую прическу венчали два легких пера. Лицо было в меру подрумянено, умелый макияж скрывал следы побоев. Маленький синяк на виске закрыла аккуратная черная мушка, вырезанная Нинон в форме сердца. Другая мушка, поменьше, находилась в уголке рта, что соответствовало тогдашней моде.

Анжелика выглядела великолепно. Натянув белые лайковые перчатки и держа в руке китайский расписной веер, она разговаривала с Жавоттой, изо всех сил сдерживая охватившее ее волнение.

— Ведь мы едем в ВЕРСАЛЬ...

Девушка сидела перед ней, одетая в муслиновый чепчик и вышитый передник.

— Я уже побывала там, мадам! В воскресенье мы ходили смотреть, как живет король.

— Разные вещи, дурочка моя, — Анжелика нежно потрепала ее по щеке. Тебе не понять!

Путешествие казалось нескончаемым.

Дорога была ужасной. Глубокие колеи от двух тысяч телег, ежедневно преодолевающих расстояние между Версалем и строительными мастерскими в Париже, заполнила жидкая и невероятно липкая грязь. Телеги по приказу короля возили камни,

мрамор, цемент, свинцовые трубы и другие материалы, необходимые для отделки дворца. Проезжие путешественники и возчики-крестьяне постоянно переругивались между собой.

— Нам нужно было ехать по дороге через Сен-Клу, мадам, — заметила Жавотта.

— Нет, так получилось бы гораздо дольше, и я бы не выдержала пути.

Через каждые несколько минут Анжелика высовывала голову в окошко, рискуя забрызгаться грязью и испортить свою прическу.

— Торопись, кучер! — нервно кричала она. — Черт возьми, твои лошади ползут, как...

Но вот она увидела в дымке на горизонте высокую искрящуюся громаду. Лучи солнца рассыпались на ней сверкающими брызгами, соперничавшими со светом весеннего утра.

— Что там такое? — воскликнула Анжелика.

Кучер улыбнулся, подкручивая усы:

— Там Версаль, мадам!

Через некоторое время они подъехали к воротам дворца и остановились, чтобы пропустить экипаж, прибывший по дороге, ведущей из Сен-Клу.

Впереди красной кареты, запряженной шестеркой гнедых лошадей, двигался почетный эскорт. Так передвигался принц Орлеанский, брат короля. Карета его жены, с шестеркой белых лошадей, следовала чуть позади.

Анжелика поехала за ними. Она не думала об опасности и, подождав, пока уляжется шум, вызванный приездом высокородных господ, она вышла из кареты и направилась в мраморный двор.

Флино, одетый в кафтан с гербом дю Плесси, сопровождал ее, неся в руках шлейф роскошного платья.

— Не вздумай вытирать нос руками! — предупредила Анжелика, не оборачиваясь к нему.

— Слушаюсь, мадам, — тоскливо вздохнул сорванец из Двора Чудес, потрясенный роскошью и великолепием, окружавшими его.

В тот момент Версаль еще не имел того подавляющего величия, которое впоследствии придали ему два белокаменных крыла выстроенных архитектором Монзором к концу царствования короля Людовика XIV. Дворец действительно был прекрасен, со своеобразной

архитектурой, с балконами из кованого железа и высокими, выложенными мозаикой калитками. Украшения, вазы и декоративные маски — все было вызолочено и сверкало, как драгоценности в шкатулке. Красная черепица крыши отражала гладкими гранями свет, а плавные линии облицовки, казалось, таяли и исчезали в небесной лазури.

Вокруг дворца царило оживление. Разноцветные костюмы придворных и лакеев смешивались с темными блузами рабочих, ходивших взад-вперед с тачками и инструментами. Звуки обрабатываемого камня, сливались со звяканьем шпор королевских мушкетеров.

Анжелика посмотрела вокруг себя и не увидела ни одного знакомого лица. Ее начала бить мелкая противная дрожь, но она собралась с мужеством и вошла во дворец через двери левого крыла.

Лестница из цветного мрамора привела в зал, где расположилась группа скромно одетых людей, с удивлением посмотревших на вошедшую молодую женщину.

На вопрос, куда она попала, ей ответили, что здесь находится гвардейский зал. Каждый понедельник здесь сходились люди со всех концов Франции с жалобами и прошениями на имя его величества.

В пышном наряде с пажом за спиной Анжелика почувствовала себя неловко в серой плотной толпе. Но вдруг она заметила мадам Скаррон и радостно бросилась ей на шею, счастливая, что нашла знакомое лицо.

— Я ищу королевский двор. Мой муж должен находиться в свите короля, и я хочу встретиться с ним, — объяснила она подруге.

Мадам Скаррон, сохранившая манеры и жесты придворной дамы, оказалась одетой гораздо скромнее, чем обычно. Ее дела пришли в полный упадок, и сейчас она добивалась помощи или какой-нибудь ренты. Скаррон уверенно увлекла Анжелику к двери, выходящей на широкий балкон, под которым стелилась молодая влажная зелень, еще нетронутая палящими лучами солнца.

— Я думаю, что утренний выход короля уже закончился. Теперь он пройдет в рабочий кабинет, где будет беседовать со своими близкими. Не волнуйтесь, вы без труда отыщете мужа.

На балконе стояли несколько офицеров из швейцарской гвардии.

— О, как я волнуюсь, — прошептала Анжелика. — Не пойдете ли вы со мной?

— Как я могу? — с завистью посмотрела на нее м-м Скаррон, сравнивая их туалеты.

Анжелика только сейчас заметила, как сверкает ее платье на фоне скромной, нарочито серой одежды м-м Скаррон.

— У вас что, денежные затруднения?

— Увы, моя дорогая, сильные, как никогда. Смерть королевы-матери аннулировала мою ренту. Но г-н Альбре обещал помочь...

— Да, да, я очень сожалею, — ответила Анжелика. — И все же вы не расстраивайтесь, у вас все сложится. Вспомните ля-Буазин!..

Мадам Скаррон грустно улыбнулась и по-матерински потрепала ее по щеке:

— Ничего, моя милочка! Не омрачайте себе настроение моими заботами. Ваши глаза сияют, я вижу, как вы радуетесь, вы заслужили свое счастье. Я просто рада видеть вас такой красивой. Король никогда не оставался равнодушным к женской красоте, и я не сомневаюсь, что он будет очарован вами.

«А я начинаю сомневаться!» — подумала Анжелика, прислушиваясь к лихорадочно бьющемуся сердцу.

Великолепней роскошь дворца пугали и давили на нее, лишая храбрости, с которой она ехала в Версаль. Конечно, приехать сюда без приглашения — немыслимая дерзость, она попросту сумасшедшая!.. Что ж, тем лучше! Теперь она уже не могла бы отступить, подобно бегуну, видящему близкий финиш.

Еще немного поговорив, они расстались.

Анжелика шла так быстро, что Флино едва поспевал за ней. И вдруг она заметила, что с противоположной стороны галереи навстречу ей идет группа богато одетых людей. Даже на расстоянии она сразу узнала среди придворных величественную персону короля.

Людовик XIV, облаченный в великолепный парик и туфли на высоких каблуках, всем своим видом выделялся из толпы придворных. К тому же никто не мог так ловко орудовать тростью, совсем недавно вошедшей в моду, превратив обыкновенную палку в весьма соблазнительную деталь туалета.

И вот он приближался, опираясь на трость из эбенового дерева с золотой инкрустированной ручкой, и обменивался фразами с двумя

принцессами, сопровождавшими его.

Сегодня Луиза де Лавальер не принимала участия в прогулке. Однако, казалось, его величество не проявлял никакого беспокойства. Бедная девушка постепенно становилась просто декоративным украшением дворца, хотя в интимной обстановке она еще сохраняла былое влияние на всемогущего сюзерена. Но сегодня, в такое прекрасное утро, великолепие и величие Версаля никак не вязались с ее худенькой фигуркой. И ей посоветовали не присутствовать на прогулке...

Но что это?! Вероятно, сама богиня Весны воплотилась в незнакомую женщину, приближавшуюся к государю. Солнце окружало ее ореолом, струящимся от ожерелья к украшениям. Зрелище казалось просто невероятным!

Анжелика сразу поняла, что попадет в толпу придворных. И она продолжила идти по галерее вперед, с каждым шагом замедляя движение. Сквозь туман, застилавший глаза, она видела только лицо владыки. Она смотрела на короля, как кролик на удава, желая опустить глаза, но не смогла. Теперь она находилась от него так же близко, как когда-то в темном углу Лувра, где они встретились лицом к лицу.

Страшное воспоминание на миг парализовало Анжелику. Она уже не отдавала себе отчета в том, как выглядит ее появление среди придворных на светлой галерее, омываемой утренним светом.

Людовик XIV в замешательстве остановился, а за ним остановилась и вся его свита. Помедлив мгновение, король грациозно снял шляпу, украшенную красными перьями. Обычно женская красота не смущала его, но бирюзовые глаза незнакомки просто заорожили.

«Кто же она? — недоуменно спрашивал он себя. — Почему я раньше ее не видел?..»

Следуя обычаям двора, Анжелика, присев, сделала глубокий реверанс, но продолжала задорно смотреть в глаза монарху.

А король все больше удивлялся. В образе стоявшей перед ним женщины и даже в ее молчании было что-то загадочное. Слегка нахмутив брови, он посмотрел вокруг себя.

Анжелика почувствовала, что теряет сознание. Ее руки начали дрожать, запутавшись в складках платья. Совершенно обессилевшая, она лишь успела подумать: «Я погибла!..»

Но вдруг туман в ее глазах рассеялся от боли. Чья-то сильная рука сжала ей запястье так, что захрустели суставы, и она услышала спокойный голос маркиза дю Плесси:

— Сир, позвольте мне представить вашему величеству мою жену, маркизу дю Плесси!..

— Вашу жену, маркиз? — И, пораженный новостью, король продолжал: — Конечно, мне что-то говорили о вас, но я решил, что вы сами сообщите мне о таком событии.

— Мне показалось, сир, что нет необходимости информировать ваше величество о таком пустяке...

— Пустяке? Так свадьба для вас пустяк?! Берегитесь, маркиз, чтобы вас не услышал г-н Бессье и наши почтенные дамы! Боже мой, с тех пор как я вас знаю, я не могу сообразить — из какой материи вы сшиты. Знаете ли вы, что ваше поведение почти граничит с дерзостью?

— Сир, мне жаль, что так получилось.

— Замолчите! Ваша дерзость переходит все границы. Я запрещаю вам говорить дерзости в присутствии дамы, пусть даже вашей жены. Честное слово, вы просто солдафон! — И, обратившись к Анжелике, спросил: — Мадам, а что вы сами думаете о вашем муже?

— Я стараюсь привыкнуть к нему, сир, — ответила Анжелика, приходя в себя.

Король с удовольствием улыбнулся.

— Вы разумная женщина, и, кроме того, вы прекрасны. Такие качества не часто встречаются вместе в одной женщине. Ну хорошо... Маркиз, я прощаю вас ради вашего великолепного выбора, ради ее глаз. Бирюзовые глаза... Редкий цвет, мы не часто встречаем его. А женщины, у которых бирюзовые глаза... — он запнулся, смотря в упор в лицо Анжелике.

Вдруг его улыбка исчезла, и сам он на миг застыл. Ни один мускул на его лице не дрогнул, и буквально за несколько секунд он стал бледнее своего пышного жабо. Еще не вполне оправившаяся от смущения Анжелика продолжала покорно смотреть на него. Так провинившиеся дети перед хорошей взбучкой смотрят на своих родителей.

— Откуда вы родом, мадам? — резко спросил король. — Вы не из Тулузы?

— Нет, сир, моя жена родом из Пуату, — ответил за нее Филипп.
— Ее отец — барон де Сансе де Монтелю, земли которого расположены в окрестностях Пьера.

— Как можно перепутать гасконца с жителем Пуату? — воскликнула Атенаис де Монтепан своим кристально-чистым голосом. — Сир, вы знаток женщин, и так оплошали! — Красавица могла позволить себе такую дерзость, зная, что король равнодушен к ней.

Бледность спала с лица Людовика XIV, и оно стало непроницаемым. Взяв себя в руки, король улыбнулся Атенаис.

— Верно, жители Пуату обладают определенным шармом, — заметил он. — Но берегитесь, мадам, как бы вашему мужу не пришлось помериться с силами всех гасконцев. Гасконь могла бы захотеть отомстить за оскорбление своих женщин.

— Разве я кого-нибудь оскорбила, сир? Я только хотела сказать, что прелести двух роз почти идентичны, но их нельзя спутать. Надеюсь, вали величество, вы простите мое скромное замечание... — Улыбка ее была неотразима. — Я знаю мадам дю Плесси уже много лет, мы вместе воспитывались в пансионе, а наши семьи всегда были дружны друг с другом.

Анжелика тут же решила, что никогда не забудет, как м-м де Монтепан фактически спасла ее, вовремя поддержав разговор.

Король снова повернулся к м-м дю Плесси:

— Ну ладно, — он грациозно оперся на трость. — Версаль принимает вас, мадам. Добро пожаловать! — и затем, чуть тише, добавил: — Мы счастливы снова увидеть вас.

И Анжелика поняла, что король узнал ее, но решил забыть прошлое. Пламя костра, казалось, в последний раз вспыхнуло между ними, вспыхнуло и погасло. Обессиленная, она почувствовала, как целый водопад слез подступает к ее глазам. И слава Богу, король, окруженный придворными, двинулся дальше.

Она виновато смотрела на Филиппа:

— Маркиз, как мне благодарить вас?

— Благодарить меня? — Он весь перекосялся от гнева. — Я защищал свое имя от опалы и насмешек, а вовсе не вас, мадам! Вы моя жена, черт бы вас побрал, и не забывайте отныне. Приехать в Версаль без приглашения и даже не будучи представленной!.. И вы же посмели

так дерзко смотреть на короля и говорить с ним... Ничто не может оправдать вашего нахальства. Я должен был убить вас ночью!

— О, Филипп, прошу вас, пожалуйста, не портите мне счастливый день!

Спустя несколько минут они догнали королевский двор. Великолепие версальского сада поразило Анжелику. Голубизна неба смешивалась с каскадами воды, вытекающей из искусственных водопадов, и яркое солнце дробилось в ней маленькими радугами.

Здесь все было, как в раю, — ярким, и невесомым, и невидимым. На возвышении находился каменный бассейн, наполненный водой и окруженный прекрасными мраморными скульптурами, как бы охранявшими свои владения у ворот рая.

Цветочные клумбы раскинулись почти до самого горизонта. Анжелика стояла восхищенная, как ребенок. Мечты ее сбылись, она сейчас была наверху блаженства. Легкий ветерок трепал ее золотистые волосы.

Внезапно рядом с собой она увидела короля. Еле заметным жестом он отослал придворных и теперь был совсем один.

— Любуетесь Версалем, мадам? — спросил он.

Сделав реверанс, Анжелика ответила:

— Я благодарю вас, сир, за великолепие, которое вы создаете для своих подданных!

Людовик XIV помолчал. Привыкший к лести, он не был поражен похвалой, но, видимо, остался доволен.

— Вы счастливы, мадам?

Окинув взглядом прекрасное творение человеческих рук, Анжелика почувствовала себя маленькой девочкой, еще не знавшей ни страданий, ни мук жизни и смерти.

— Как можно, сир, быть несчастной в Версале? — ошеломленно прошептала она.

— В таком случае никогда больше не проливайте слез, — сказал король. — И доставьте мне удовольствие, разделив со мной прогулку. Я хочу показать вам парк.

Без колебаний Анжелика положила маленькую ручку на локоть Людовика XIV. Они спустились по лестнице. Придворные, стоявшие неподалеку, склонили головы в поклоне.

Любезно отвечая королю, Анжелика обратила внимание на лицо Филиппа, с интересом смотревшего на нее. Маркиз только теперь начал понимать, что взял себе в жены настоящее чудо природы.

А Анжелика могла бы взлететь — так легко и свободно она себя чувствовала, будущее теперь казалось ей таким же голубым, как горизонт.

«Мои дети никогда больше не познают нищеты, — повторяла она про себя. — Они будут учиться в Академии Монпарнас и станут настоящими дворянами...» Да и сама маркиза дю Плесси станет одной из самых блистательных дам при дворе его величества. И, как приказал король, она выбросит из своего сердца все горести последних лет.

Она верила, что огонь любви снова вспыхнет в ней и будет гореть, никогда не угасая. Огонь любви будет пылать всю ее последующую жизнь. Так обещала прорицательница ля-Вуазин... Такова уж ее судьба — огонь любви должен постоянно пылать в ней, чтобы не оказалась напрасным пустоцветом ее дьявольская красота, поднятая на триумфальную высоту окружавшими ее людьми.

Много позже в ее жизнь снова войдут тревоги, горести и даже мучения. Но сегодня она не боялась ничего, она была наверху блаженства. Она была в Версале!